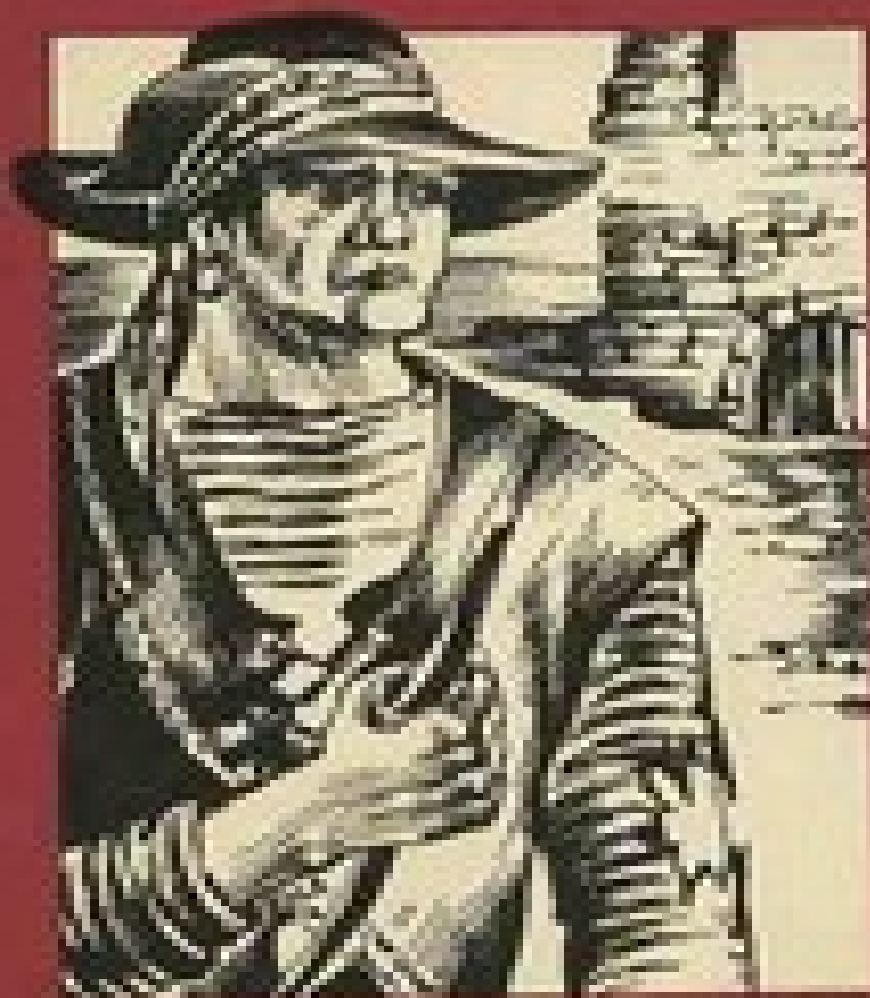

Б-4, 497
254

ТЭМАР

- Густав Эмар

-
- Беседа в виде вступления, в которой автор сообщает читателю, как нежданно-негаданно оказался рассказчиком следующего повествования
- ГЛАВА I. В которой автор встречается с капитаном Медвежонок Железная Голова
- ГЛАВА II. Как играли в кости бывший слуга и его хозяин и что за этим последовало
- ГЛАВА III. Каким образом капитан Железная Голова употребил богатство, выигранное у прежнего хозяина
- ГЛАВА IV. Как флибустьеры нашли Польшэ, который один-одинешенек оцеплял полусотню испанцев
- ГЛАВА V. Что произошло на равнине между испанцами и Береговыми братьями и как они расстались
- ГЛАВА VI. Как «Задорный» снялся с якоря и какой договор о разделе добычи капитан Медвежонок Железная Голова заставил экипаж скрепить присягой
- ГЛАВА VII. Каким образом Медвежонок Железная Голова купил у испанцев припасы, в которых нуждался, и как достал себе проводника
- ГЛАВА VIII. Как беседа двух девушек окончилась рыданиями
- ГЛАВА IX. Дон Энрике Торибио Морено предстает в выгодном свете
- ГЛАВА X. Как толковали два матроса и что из этого вышло
- ГЛАВА XI. Как встретились «Задорный» и «Сан-Хуан-Батиста»
- ГЛАВА XII. Как донья Лилия полностью одобрила свою кузину
- ГЛАВА XIII. В которой дон Торибио и его приятель беседуют о кое-каких своих делах
- ГЛАВА XIV. Капитан Бартелеми приставляет глаз к щели, чтобы лучше видеть, а ухо прикладывает к перегородке, чтобы лучше слышать
- ГЛАВА XV. Капитан Бартелеми отправляется за своим ружьем
- ГЛАВА XVI. Как капитан Бартелеми встретил старых друзей
- ГЛАВА XVII. Медвежонок Железная Голова испытывает приятную неожиданность благодаря своему брату-матросу
- ГЛАВА XVIII. Дон Торибио Морено начинает тревожиться
- ГЛАВА XIX. План атаки

- [ГЛАВА XX. В которой дон Торибю замечает, что предчувствия его не обманули](#)
- [ГЛАВА XXI. Дон Хосе Ривасде Фигароа исповедуется дону Лопесу Альдоа Сандовалю](#)
- [ГЛАВА XXII. Развязка](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)

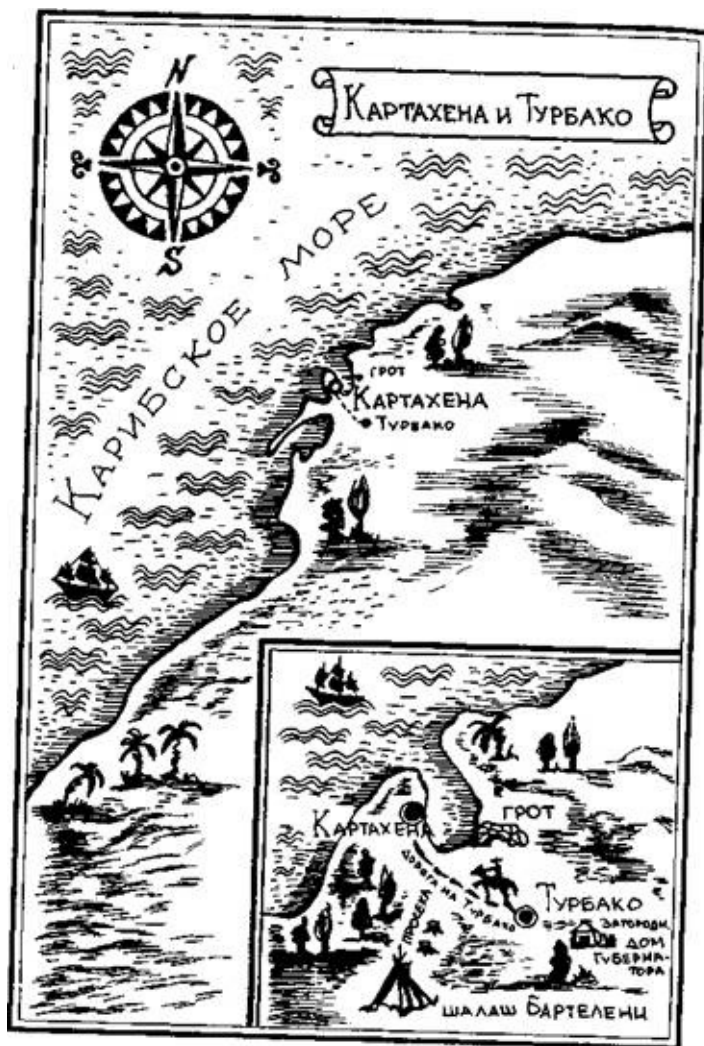
Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Густав Эмар Медвежонок Железная Голова

Беседа в виде вступления, в которой автор сообщает читателю, как неожиданно-негаданно оказался рассказчиком следующего повествования

Во время моего последнего путешествия в Америку, которое, скажу мимоходом, хотя даты и не обозначу, относится к далеко не столь давней эпохе, как полагают — или делают вид, будто полагают — многие из моих добрых друзей по печати, судно, на котором я отплыл из Гавра, из-за шквалов, бушевавших у Малых Антильских островов, направилось, пользуясь попутным ветром, к острову Сент-Кристофер, в гавани которого поспешило укрыться, чтобы заделать серьезную течь, грозившую ему потоплением, несмотря на все усилия откачать воду.

В одном из моих предыдущих произведений, посвященных истории Береговых братьев, говорится об острове Сент-Кристофер, этой колыбели флибустьерства. Именно оттуда вышли эти великие отверженцы XVII века, чтобы напасть, как стая хищников, на острова Санто-Доминго и Тортугу.

Остров Сент-Кристофер, называемый прежде карибами *Лиамнига*, ныне входит в состав группы Малых Антильских островов, ныне принадлежащих Англии под названием Подветренных; он лежит в 90 километрах к северо-востоку от острова Антигуа и 125 километрах от Гваделупы, совсем рядом с островом Невис, на 18° северной широты и 63° восточной долготы. Не более 24 километров в длину, Сент-Кристофер, подобно большей части Антильских островов, имеет вулканическое происхождение, горист и пересечен горным кряжем, высшая точка которого, гора Мизери — это потухший вулкан высотой в три тысячи пятьсот футов.

Остров в настоящее время находится в цветущем состоянии, густо населен и ведет обширную торговлю ромом, сахаром, кофе, хлопком и прочими колониальными товарами.

В XVIII веке французы называли его *Кротким островом*. Поговорка, некогда очень распространенная на Антильских островах, гласила: *дворянство на Сент-Кристофере, мещанство на Гваделупе, воинство на Мартинике, а мужичье на Гренаде*.

Несмотря на бедствия и невзгоды, обрушивавшиеся на этот остров в

течение целого века, пока он по Версальскому договору не был окончательно уступлен Англии, несколько французских семейств продолжали там жить и пользовались заслуженной славой из-за своего благородства и высокого ума. Семейства эти, хотя и находящиеся под покровительством Англии, в душе остались, однако, верны своему отечеству и, несмотря на то что могли быть названы коренными сент-кристоферцами, поскольку вели свое происхождение от первых колонистов, обосновавшихся на острове, тем не менее считают себя чужеземцами, не признавая иной власти, кроме французского консула в Бастере, главном городе Сент-Кристофера.

Когда мы бросили якорь у Песчаного мыса, капитан предупредил меня, что мы простоим тут довольно долго — по крайней мере, недели три.

В первую минуту я был раздосадован, но любовь к путешествиям и постоянное общение с людьми приучили меня, благодарение Богу, философски относиться к возникающим неожиданностям, и я быстро примирился с этим не очень приятным известием и стал искать возможность провести предстоящие мне три недели с наименьшей скукой.

Признаться, задача оказывалась нелегкой. Англичане мало доступны у себя на родине и не славятся особенной вежливостью к чужестранцам, в колониях же своих они просто недосыгаемы. Впрочем, если говорить правду, я никогда не питал большого сочувствия к этим себялюбивым островитянам, чопорно холодным и надменным, которые изъявляют глубокое презрение ко всем иноземцам и, что бы ни говорили, французов просто ненавидят, да и те в долгу у них не остаются, в особенности в Азии, Африке и Америке, словом, везде, где эти карфагеняне новейших времен имеют свои торговые конторы.

Итак, я ни минуты не колебался и не подумал представиться местным властям или искать доступа в какое-нибудь английское семейство. Чай расслабляет мои нервы, от британского же высокомерия меня попросту коробит.

Перерыв все свои бумаги, я наконец отыскал рекомендательное письмо, на всякий случай данное мне накануне отъезда из Парижа приятелем, креолом с Гваделупы, который был в то время редактором одной из влиятельных политических газет.

— Как знать, что может случиться? — сказал он, вручая мне письмо. — Встречаются обстоятельства, предвидеть которые никак нельзя. Ваши скитания по белу свету, пожалуй, могут занести вас на остров Сент-Кристофер. Ваша англофобия мне известна, и я черкнул пару строк своему родственнику, живущему, кажется, в окрестностях Бас-Тера, но где

именно, — не знаю. Я лично никогда не знал его, так как не бывал на Сент-Кристофере. Но вас не должно смущать это обстоятельство; вы можете смело явиться с моим письмом, и будьте уверены, вам окажут самый радушный прием.

Письмо это, вместе с другими, я положил на дно чемодана и забыл о нем.

Слова капитана о трехнедельной стоянке заставили меня вспомнить о позабытом было рекомендательном письме, и я почувствовал искреннюю радость, наконец отыскав его под кипой разнообразных бумаг.

Послание было адресовано графу Анри де Шатограну, сент-кристоферскому землевладельцу.

Этот драгоценный талисман я положил в бумажник и съехал на берег.

Первой моей заботой по высадке было нанять лошадь и проводника, что обошлось мне в два ливра — довольно высокая цена за едва ли двухчасовое путешествие, — и направиться к Бас-Теру, куда мы прибыли в три часа пополудни.

За время пути я не перекинулся ни одним словом со моим проводником и тем внушил ему высокое мнение о своей особе; я довольствовался созерцанием природы, так как местность была до крайности гористая и необычайно живописная.

Надо отдать англичанам справедливость: где бы они ни поселились, этот край тотчас обретает отпечаток, свойственный всем их владениям, они приносят с собой жизнь, движение и ту лихорадочную деятельность, которые составляют тайну их коммерческого преуспеяния. Даже в Европе мне редко доводилось видеть поля, возделанные лучше, дороги, поддерживаемые тщательнее, и коттеджи — прелестнее.

Эта очаровательная картина приводила меня в восторг. Крошечный островок, затерявшийся в бескрайнем Атлантическом океане, дышал довольством и благоденствием. Я почти стыдился в душе за нас, французов, неучей в деле колонизации, достигших благодаря бездарной палочной системе, так глубоко и вместе с тем так неудачно укоренившейся в наших колониях, разрешения безусловно трудной задачи преобразить за несколько лет владения любой, даже самый плодородный и населенный край в широко раскинувшуюся бесплодную пустыню.

При въезде в Бас-Тер проводник почтительно спросил меня, желаю ли я остановиться в гостинице «Виктория».

Во всех английских колониях есть гостиницы с названиями «Виктория» и «Альбион».

Я попросил его вести меня прямо к дому французского консула.

Это был прелестнейший коттедж между двором и садом на самой набережной.

Радостно дрогнуло мое сердце при виде широко развеваемого порывистым морским ветром милого нам трехцветного флага. За границей я — *шовен* и, сознаюсь со всем смирением, вполне разделяю мнение храброго генерала Лаллемана, который говорил, что каждый француз на чужеземной почве должен быть достойным представителем Франции и заставлять уважать ее одним своим видом.

Звание вице-консула на Сент-Кристофере — приятнейшая на свете должность, не хлопотная, но с приличным окладом. В гавань не заходит и трех французских кораблей в год; вице-консулу пришлось бы сидеть с утра до вечера, скрестив руки, подобно генеральному консулу короля Сиамского в Париже, если бы наш представитель на крошечном антильском острове, человек в высшей степени образованный и фанатик-естествоиспытатель, не сумел создать себе собственных занятий, не оставляющих ему и минуты свободного времени.

Господину Дюкрею — под этим псевдонимом я скрою настоящее имя превосходного человека, которому обязан тем, что не умер от сплина на Сент-Кристофере — было около сорока пяти лет. Высокого роста, изящно сложенный, он отличался изысканным обращением; от его открытого лица с тонким и умным выражением веяло невыразимой симпатией; он принадлежал к одному из тех французских семейств, о которых упомянуто выше, и пользовался большим уважением даже со стороны английских властей.

Вице-консул принял меня радушно и тотчас заставил отослать проводника с лошадью, объявив, что я принадлежу ему на все время моего пребывания на Сент-Кристофере. Чернокожий слуга взял мой чемодан, а господин Дюкрей провел меня в прелестную комнатку с окнами, выходящими на гавань.

— Здесь вы у себя, — сказал улыбаясь радушный хозяин, — это ваша комната на все время, пока вы останетесь на острове.

Я хотел было протестовать, заметив, что вторжение чужого человека в дом сопряжено для его обитателей с неудобствами и если и не в тягость, то во всяком случае стеснительно.

— Во-первых, вы не чужой, — возразил он, — вы соотечественник, а следовательно, друг; во-вторых, вы совершенно вольны уходить, приходить, делать что угодно. И, наконец, я живу теперь один, холостяком: жена и дочь гостят у близких родственников на Антигуа и не вернутся раньше чем через два месяца. Так что вы не только не стесните меня, но,

напротив, окажете истинную услугу, если попросту примете мое гостеприимство.

Возразить на это было нечем; я пожал господину Дюкрею руку, и вопрос был решен.

Он оставил меня приводить в порядок мой костюм, и спустя всего несколько минут я опять отыскал его.

О нашем прибытии его известили с утра. Он ждал капитана к обеду.

Я пожалел, что, спеша сойти на берег, не предупредил капитана о замышляемой мною поездке; но сделанного вернуть было нельзя.

— Еще я забыл сказать вам, — с улыбкой обратился ко мне хозяин, — что у нас в доме звонят четыре раза в день: к завтраку, полднику, обеду и к ужину, который подается в восемь часов.

— Стало быть, вы целый день едите? — это сообщение рассмешило меня.

— Почти что, — ответил он, также смеясь, — в этом мы заимствовали английские обычаи, а вам, без сомнения, известно, что англичане много едят и в особенности пьют. Однако не пугайтесь: у меня в доме едят и пьют только когда голодны и чувствуют жажду. Итак, вы предупреждены... Впрочем, после звонка никого не ждут, чтобы садиться за стол. Так что у вас не будет ни малейшего повода стесняться с нами. Как хотите, мой любезный гость, а я решительно и безвозвратно завладел вами в свою пользу. А как прикажете иначе? Не часто заглянет француз в этот дальний уголок, как же выпустить из рук того, кто случайно залетел в наши края? Не желаете ли вы взглянуть на мои коллекции? Они довольно хороши и содержат много любопытнейших экспонатов.

Я тотчас последовал за ним.

Дюкрей скромно именовал «своими коллекциями» настоящий музей, занимавший пять больших комнат. С редким терпением и замечательным искусством он собрал здесь образцы богатой и разнообразной флоры Антильских островов, как Больших, так и Малых. Фауна также была представлена многочисленными образчиками обоих видов, маммалиологического и энтомологического¹; далее шли минералы всякого рода и свойства, карибские древности, собранные Бог ведает как, и все здесь было расставлено в порядке, снабжено ярлыками и классифицировано с такой тщательностью, что один взгляд на коллекцию вызвал бы зависть у директора нашего парижского музея.

Гумбольдт, д'Орбиньи и еще двое-трое знаменитейших ученых посетили эту экспозицию, или собрание — не важно, как будет угодно читателю называть ее, — и остались пораженными виденным.

И было от чего. Что касается меня, то никогда в жизни не доводилось мне видеть ничего более любопытного и занимательного.

Три часа пролетели с необычайной быстротой среди этих чудес, на которые я никак не мог налюбоваться досыта; я мог бы пробыть тут до вечера, сам того не подозревая, если бы черный слуга не пришел доложить о прибытии капитана Дюмона.

Капитан ожидал вице-консула в гостиной и совсем оторопел, увидев меня, так как пребывал в полной уверенности, что я нахожусь на Песчаном мысе; впрочем, вскоре все объяснилось.

Через пять минут мы сидели за столом.

Сперва речь шла о Франции и событиях, произошедших в ней за последние месяцы; капитан привез с собой пачку газет, которые подарил господину Дюкрею, и тот, не имея понятия о положении дел в Европе, был очень рад случаю ознакомиться с политикой своего отечества; потом приступили к обсуждению условий займа, в котором нуждался капитан для починки своего судна, и когда условия эти были оговорены, разговор круто свернул на другие темы и естественным образом перешел на остров Сент-Кристофер.

Тут уже вице-консул был в своей стихии и с милой снисходительностью ознакомил нас с правами креолов, живших на острове, с немногими удовольствиями и чрезвычайно ограниченным числом развлечений, представляемых краем для приезжих.

— Здесь проживают несколько французских семейств, — вставил капитан. — Они богаты и пользуются почетом.

— Можно сказать, что все богаты и очень уважаемы английскими властями, хотя у них с англичанами нет ничего общего и контакты между ними весьма редки, — ответил Дюкрей. — Все эти семейства остались верны своему отечеству; никакие убеждения, никакая лесть не смогли заставить их принять английское подданство. Они упорно остаются французами. Дети их по большей части воспитываются во Франции и служат там или в армии, или на дипломатическом поприще, или в судах и, заплатив отечеству свой долг, эти воины, судьи или дипломаты возвращаются сюда доживать дни свои в мире и спокойствии.

— Поистине это чудо! — вскричал я в восторге.

— В этом нет ничего особенного, — добродушно заметил Дюкрей. — Политика предъявляет свои требования, которым частные люди покорятся не обязаны; то же явление вы встретите почти во всех прежних французских владениях. Но я должен сознаться, что эти предрассудки, как англичане называют нашу любовь к отечеству, здесь упорнее, чем где-либо

в другом месте.

— Чему вы приписываете это? — осведомился я с любопытством.

— Остров Сент-Кристофер с самого начала принадлежал и французам, и англичанам в одно и то же время. По странной случайности, когда французские авантюристы высаживались на одном берегу, англичане ступали на противоположный берег. Эти искатели приключений сперва жили в полном согласии, но потом французы вытеснили англичан и завладели всем островом. Англичане не раз тщетно пытались вновь поселиться на нем; когда они чего-то захотят, то, как вам известно, упорно добиваются своей цели; упорство — самое драгоценное их качество. Версальский договор окончательно решил вопрос в их пользу, но для французских семейств, которые пожелают остаться на Сент-Кристофере, было выговорено право сохранять свою национальность; все эти семейства происходили от первых поселенцев, занявших остров, и каждое в числе своих предков имело по крайней мере одного из знаменитых флибустьеров, целое столетие бывших грозой и ужасом Испании, могуществу которой они нанесли первые и самые чувствительные удары.

— Значит, нынешние представители Франции — потомки...

— Тех флибустьеров, которые позднее завладели Тортугой, — перебил Дюкрей, — и половиной острова Санто-Доминго. Сам я — правнук небезызвестного Дюкрея, который во главе всего лишь сотни людей овладел Гренадой и взял с ее обитателей огромный выкуп; маркиз де Ла Монтгербю — близкий родственник д'Ожерона; барон Дюкас — потомок знаменитого флибустьера, назначенного Людовиком XIV командующим эскадрой; кавалер дю Плесси, барон дю Росей, граф де Шатогран и кавалер Левассер — все они потомки авантюристов, заслуживших громкую славу. Вы понимаете, что эти люди, предки которых закладывали основу владычества Франции в Америке, гордятся своей национальностью и не желают переселяться из края, откуда их деды и прадеды, предводительствуемые Монбаром, отправились совершать великие подвиги.

— Разумеется, я понимаю это. Франция должна гордиться этой неизменной верностью нашему общему отечеству! Однако позвольте, кажется, вы упомянули в числе прочих имя графа де Шатограна?

— Действительно, упомянул, — ответил вице-консул со своей пленительной улыбкой, — и могу прибавить, что оно едва ли не самое чтимое и дорогое нам во многих отношениях. Разве вы знаете графа де Шатограна?

— Как же это возможно, когда я здесь в первый раз?

— Это ничего не значит. Ведь могли же вы знать отпрысков младшей ветви фамилии Шатогранов — они родом с Антигуа, где и до сих пор еще обитают несколько членов этого славного семейства.

— Нет, у меня просто имеется рекомендательное письмо к графу Анри де Шатограну, которое дал мне перед моим отъездом из Парижа господин Н. де С. из Гваделупы.

— О! Граф Анри окажет вам самый теплый прием. И завтра же я лично представлю вас ему.

— Вы очень любезны; однако позвольте осведомиться, кто же этот граф Анри де Шатогран, имя которого вы, как я убедился, произносите с глубоким благоговением?

Дюкрей улыбнулся и, облокотившись на стол, машинально вертел ножом.

— Граф де Шатогран, — сказал он спустя мгновение, — натура избранная, великая душа. Таких людей природа создает, быть может, одного на сто миллионов. Вы представьтесь ему, но прежде необходимо рассказать вам о нем в двух словах.

— Буду весьма обязан.

— Графу Анри де Шатограну теперь девяносто шесть лет, но до сих пор, как это ни поразительно, его высокая фигура пряма, черты лица выразительны, тонки и изящны, а взгляд необычайно живой; кроткое и умное лицо дышит неизъяснимой добротой, а длинные серебристые волосы и белая борода придают ему печать особенного величия. Несмотря на глубокую старость, граф очень бодр: он охотится, словно сорокалетний. Усталость и болезни не имеют власти над его могучим организмом, он создан, чтобы прожить полтора года, если не случится чего-нибудь непредвиденного.

Каков он физически, таков и нравственно. После войны за независимость в Америке, в которой он участвовал вместе с де Рошамбо и Лафайетом, граф последовал за бывшим своим генералом и другом во Францию. В 1789 году ему было двадцать семь лет; он находился в числе тех немногих дворян, которые с искренним энтузиазмом приветствовали занимавшуюся в то время зарю эпохи возрождения величия Франции. Граф де Шатогран происходит из воинственного рода; разумеется, его место было в действующих войсках. В 1792 году он отправился волонтером на северную границу; как адъютант Пишегрю, он участвовал во взятии Вейсбургской линии. В 1795 году его произвели в генералы; позднее он последовал за генералом Бонапартом в Египет. День восемнадцатого брюмера опечалил его: он понял, в какую бездну увлекает Францию слепая

восторженность народа. Герой Лоди и пирамид шел исполинскими шагами к цели, которой задался; ослепленная толпа стремилась за ним вслед с громкими рукоплесканиями. Это был уже не Бонапарт, но еще и не Август. Да, это был Цезарь, которому стоило только протянуть руку к императорской короне, чтобы завладеть свободой, так дорого обошедшейся Европе. Пробыл последний час республики. Граф де Шатогран понял, что роль воинов 1793 года кончена, что впредь все стремления Франции будут подавлены и поглощены славой одного человека; он с грустью покорился, переломил шпагу и навсегда простился с отечеством, оплакивая разлуку с Францией и судьбу страны. По возвращении на остров Сент-Кристофер он как бы заперся в неприступной цитадели и с тех пор уже не расставался с ней.

Вот какой человек граф де Шатогран. От каждой новой блестящей победы эпопеи империи он содрогался, словно раненый лев. Исполинская мечта о воссоздании трона Карла Великого страшила его. Уже начиная с восьмьсот девятого года он предвидел год восьмьсот четырнадцатый. Его предчувствие сбылось; он глубоко скорбел об этом, потому что за разбитым титаном видел предсмертные муки, терзающие трепещущее тело Франции, изнемогающей в борьбе. И все же он остался верен своей клятве и своим убеждениями: он отверг все императорские предложения. Услышав о революции 1848 года, он грустно улыбнулся: «Где восторженность 1792 года? — воскликнул он. — Правительства насильно не навяжешь, каким бы именем ни называли его; дважды не сделаешь одного и того же; былая трагедия оборачивается смешным, жалким фарсом». С той поры он больше ни одним словом не упоминал о политических событиях.

Живет он патриархально, в окружении своей семьи, но взгляд его постоянно прикован к Франции, за которую он проливал кровь на двадцати полях битв, из которой сам себя добровольно изгнал и которой никогда более не увидит.

Мы с капитаном слушали этот простой и прекрасный рассказ с глубоким сочувствием.

— Черт возьми! — вскричал Дюмон, — Ваш граф де Шатогран — славный человек.

— Да, — согласился Дюкрей с доброй улыбкой, — это человек великой души, способный на любую жертву, и он умрет в неизвестности, вдали от отечества, для которого столько сделал.

— Неблагодарность народов есть венец, Богом возложенный на великих граждан.

— Однако я не скажу более ничего; завтра вы увидите графа и сами

сможете судить о нем... Господа, вот гаванские сигары; ручаюсь вам, что они просто превосходны.

— Еще одно слово, — сказал я, выбирая сигару.

— Я слушаю.

— Граф де Шатогран также является потомком какого-то знаменитого флибустьера?

— Знаменитейшего, быть может, из всех, потому что слава его всегда оставалась незапятнанной. Он не был жесток, как его друг Монбар Губитель, не жаден, как Морган, не свиреп, как Олоне, не развратен и мстителен, как Прекрасный Лоран. Нет, сей флибустьер своими подвигами долго заставлял Испанию опасаться за свои колонии, но, можно смело сказать, заслужил уважение своих врагов.

— О! Тогда я знаю его имя! — с живостью вскричал я. — В летописях флибустьерства Александра Оливье Эксмелина упоминается только об одном лице, которое подходит к начертанному вами великолепному портрету.

— И лицо это?.. — с улыбкой спросил консул.

— Медвежонок Железная Голова.

— Так я вам скажу, — ответил Дюкрей, вставая, чтобы провести нас на террасу подышать свежим морским воздухом, — что граф Анри де Шатогран — правнук Медвежонка Железная Голова.

Я буквально оторопел, так на самом деле был далек от подобного предположения.

Несмотря на превосходную постель, предложенную мне Дюкреем, нервное возбуждение от напряженного любопытства ощущалось мной так сильно, что всю ночь напролет я не мог сомкнуть глаз и меня даже несколько не клонило ко сну.

Я с нетерпением ждал минуты, когда увижу человека, величие которого мне описали и в личности которого спустя четыре поколения воскресали благородные качества его предка.

Надо сказать, что Медвежонок Железная Голова был из старых моих любимцев; сто раз читал и перечитывал я описание его прекрасной жизни, его удивительных приключений, его необычных подвигов в произведениях немногих авторов, посвятивших свое перо великим отверженцам XVII века, которые сами себе дали прозвище Береговых братьев. Но в жадно поглощаемых мною отчетах о подвигах знаменитого авантюриста всегда оставались пробелы; вероятно, Александр Оливье Эксмелин, правдивый писатель, который сам был действующим лицом в большей части с наивным добродушием передаваемых им сцен, и другие авторы, писавшие

о том же предмете, знали пресловутого авантюриста, прозванного Медвежонком, только как одного из предводителей флибустьеров, тогда как личная его жизнь оставалась для них неизвестной; нигде я не находил никаких указаний на частную жизнь человека, который всегда являлся мне окруженным сиянием славы, однако же должен был любить, страдать и бороться, как все другие члены большой семьи, имя которой — человечество.

Именно эти-то пробелы я жаждал пополнить, этих-то интересных подробностей я добивался.

Нет героя для камердинера, сказал кто-то; слова эти, скорее правдоподобные, чем точные, подстрекали мое любопытство и заставляли меня отыскивать всеми средствами те мельчайшие подробности, которые так важны для полного изучения жизни человека, если хочешь описать его верно.

К великому моему облегчению, наконец занялся день; однако, чтобы мой добрый хозяин не получил обо мне дурного впечатления, нельзя же мне было с бестактной поспешностью явиться к нему и тем поставить его перед необходимостью сдержать данное мне слово.

Тем не менее к восьми часам утра я истощил весь свой запас терпения и сошел вниз.

Дюкрей был уже полностью одет.

Он ждал меня, расхаживая взад и вперед по гостиной с сигарой во рту.

— А! — вскричал он, увидев меня. — Вот вы и пришли! По-видимому, вы хорошо провели ночь.

— Превосходно, — ответил я, улыбаясь при мысли, что не сомкнул глаз.

— Я на ногах с шести часов; все мои дела, связанные с ведением консульской канцелярии, на сегодня завершены. Теперь я могу посвятить вам весь день.

— Не знаю, как благодарить вас за вашу неисчерпаемую любезность, но все-таки мне совестно, что я причинил вам столько хлопот.

— Я не понимаю, о каких же это хлопотах идет речь, мой дорогой гость?

— Во-первых, такие ранние занятия. Дюкрей засмеялся.

— Вы шутите, — сказал он, — в колониях встают с зарей, чтобы воспользоваться утренней свежестью, и потому все дела делаются рано. Среди дня дома закрыты, и всё спит.

— Ну вот! — вскричал я с досадой. — Мне всегда такое счастье!

— В чем же собственно? — удивился он.

— Преглупая шутка приключилась со мной; представьте себе, что мое нетерпение увидеть графа Анри де Шатограна было так велико, что я всю ночь не мог заснуть ни на одну минуту и не вставал до сих пор из одного опасения потревожить вас, поднявшись с петухами.

— Судите сами, как вы заблуждались, — заметил Дюкрей, смеясь. — Я уже сделал, или, вернее, помог капитану сделать заем, в котором он нуждался, и добрых полчаса назад он отправился на Песчаный мыс с деньгами в кармане и очень довольный, смею вас уверить.

— Не сомневаюсь.

— Потом, как уже говорил, я покончил с делами в канцелярии, прошелся вдоль гавани, кроме того отправил к графу де Шатограну нарочного, дабы предупредить о нашем приезде, так что нас ждут к завтраку, и вернулся сюда выкурить сигару в ожидании вашего прихода. Надеюсь, вы теперь уже не думаете, что стеснили бы меня, если бы спустились раньше. Но не стоит больше говорить об этом; лучше выпьем по рюмке старого рома, закурим по настоящей сигаре — ив путь! Нам предстоит проехать с добрых три мили.

Сказано — сделано; через пять минут мы уже ехали, отведав превосходного вина и закулив не менее превосходные сигары.

Двое чернокожих слуг в ливреях следовали за нами верхом на почтительном расстоянии.

Утро было великолепное, воздух теплый, с легким свежим ветром; мы ехали по дороге, содержащейся в таком же порядке, как аллеи королевского парка; она была окаймлена теми роскошными тропическими растениями, которые распространяют такую приятную свежесть. Укрывшись в листве и прыгая с ветки на ветку, звонко пели тысячи птиц. Странные маленькие обезьянки, которые водятся исключительно на острове Сент-Кристофер, строили нам уморительнейшие гримасы.

Эти животные, заметим мимоходом, истинный бич для колонистов. Избавиться от них не представляется никакой возможности, а между тем они опустошают все поля.

После трех четвертей часа езды мы достигли подножия довольно высокого утеса, на вершине которого был построен дом, или, скорее, великолепный замок, окруженный со всех сторон, кроме той, что была обращена к морю, роскошной растительностью; он, так сказать, утопал в сущем океане зелени.

— Видите этот замок? — спросил меня Дюкрей.

— Разумеется, вижу и нахожу его великолепным.

— Преклоняйтесь же перед ним, мой любезный соотечественник; на

месте, где теперь высится этот действительно великолепный замок, к которому мы направляемся, некогда стоял домик, построенный Монбаром по его прибытии в Америку, первое его жилище в Новом Свете. Именно тут был составлен план знаменитой экспедиции, которой суждено было отдать в руки Береговых братьев Тортугу и часть Санто-Доминго.

— Гм! Удачное место для гнезда хищной птицы; это настоящее орлиное гнездо.

— Или ястребиное... Тот домик был подарен Монбаром своему матросу Медвежонку после блистательной картагенской экспедиции.

Разговаривая таким образом, мы поднялись на довольно крутой подъем, по которому шла дорога к замку, и достигли обширной площади с террасами, окруженной стеной деревьев. Миновав решетчатые ворота любопытной работы, мы минут пять ехали по широкой аллее, окаймленной молочаем и алоэ, и остановились у полукруглой мраморной лестницы, наверху которой стоял, ожидая нас, старик высокого роста, с длинной белой бородой, с коротким и вместе с тем гордым выражением лица.

По вчерашнему описанию моего хозяина я тотчас узнал графа де Шатограна; нельзя было ошибиться — так верен оказался набросанный Дюкреем портрет.

Нам был оказан самый радушный прием; граф только для вида взял мое рекомендательное письмо, едва бросил на него взгляд и, дружески пожав мне руку, выразил удовольствие видеть меня у себя. Он пошел вперед и привел нас в обширную гостиную, меблированную во вкусе конца XVIII столетия, а точнее, последних лет царствования Людовика XVI. Когда мы вошли, там не было никого.

Граф пригласил нас к столу перекусить с дороги. По гостеприимному обычаю креолов, в каждой комнате стоят наготове разнообразные прохладительные яства, дабы гость даже не имел надобности выразить желание. Перед завтраком завязалась беседа, между тем как мы курили и закусывали.

Признаться, я был довольно рассеян; с самого входа в комнату мое внимание приковала великолепная картина с подписью: «Филипп Шампань, 1672», то есть это был одно из последних произведений великого живописца, так как он умер в 1674 году.

Картина эта, единственная, висевшая в гостиной, имела колоссальные размеры, более пятнадцати футов в высоту. Изображала она гористую местность на острове Санто-Доминго; направо шалаш, полуодетый человек, лицо которого едва видно, стоя на коленях, вялит мясо, раскладывая его на подпорках; в глубине между деревьями дремучего леса

виднеются испанские солдаты, вооруженные длинными копьями и, по-видимому, пробирающиеся вперед с величайшей осторожностью.

На переднем плане, точно живой и готовый ступить из рамы в гостиную, стоит человек лет тридцати двух или трех, в блузе из сурового полотна, покрытой жирными и кровавыми пятнами, в широких штанах, по колено, оставляющих ноги открытыми до сапожков из сырой звериной шкуры, и опоясанный кушаком из крокодиловой кожи; за пояс заткнуты четыре длинных ножа в большом чехле, тоже из крокодиловой кожи, слева да мешок с пулями и бычий рог — справа.

Человек опирается скрещенными руками на дуло ружья с серебряной оправой; две гончие серого цвета с черными крапинками, с широкой грудью и длинными висящими ушами, и два кабана лежат вокруг него.

За исключением разницы в летах и цвете воронова крыла развевающихся волос и длинной бороды, падавшей на грудь, человек этот имел поразительное сходство с графом: те же черты, выразительные, тонкие и умные, тот же блеск во взоре; солнечный луч играл на лице, и случайно брошенная тень придавала ему отпечаток неизъяснимой грусти.

Не было сомнения, что это портрет, выхваченный, так сказать, из самой жизни тех грозных флибустьеров или буканьеров на острове Санто-Доминго, которые не покорялись могущественнейшим монархам.

Судя по всему, на портрете был изображен предок графа, Медвежонок Железная Голова.

Я так углубился в созерцание, что граф наконец заметил мою рассеянность и по направлению моего взгляда уловил ее причину.

— А-а! — вскричал он с пленительным добродушием. — Вы рассматриваете эту картину? Что вы скажете о ней, мой любезный соотечественник?

— Скажу, что это замечательное произведение, граф.

— Да, Филипп Шампань был гениальным портретистом, как вам, вероятно, известно.

— Так это портрет? — вскричал я с наивным лицемерием.

— Портрет, — гордо подняв голову, ответил граф. — Это портрет моего прадеда, капитана по прозвищу Медвежонок Железная Голова; он пожелал быть запечатленным в костюме буканьера, перед тем как возвратиться во Францию после женитьбы.

— Как! — вскричал я, но вовремя опомнился и прикусил язык.

Граф улыбнулся.

— Разве вы не знакомы с историей этого знаменитого предводителя Береговых братьев? — спросил он.

— Весьма мало, граф, и очень жалею об этом; никогда я не интересовался чьей-нибудь биографией больше, нежели подробностями жизни этой замечательной личности.

В эту минуту раздался звонок и граф провел нас в столовую.

Там нас ожидало несколько лиц: три дамы и четверо мужчин, двоим из которых было от двадцати до двадцати пяти лет.

Из четверых мужчин двое старших оказались зятьями графа, а двое младших — его племянниками.

Граф представил меня, и все сели за стол.

— У меня еще два сына, — обратился ко мне граф, — но в настоящее время они в отсутствии. Один из них — контр-адмирал и командующий эскадрой, крейсирующей у берегов Бразилии; другой — дивизионный генерал и теперь, кажется, находится в Риме.

Я провел в замке два дня, так как граф ни за что не хотел отпустить меня в Бас-Тер.

Посещение свое я повторил, потом стал навещать графа все чаще и чаще, пока наконец не взял привычки приезжать в замок каждый день и проводить вечер с графом и его семейством.

Граф оказался изумительным рассказчиком, что теперь встречается редко; хорошая и верная память снабжала его множеством остроумных анекдотов из последних лет царствования Людовика XVI и первых — революции; он был накоротке знаком со многими знаменитостями двух этих эпох и рассказывал о них массу чрезвычайно любопытных подробностей.

Он был дружен с Дантоном, Камиллом Демуленом, обоими Робеспьерами, Сен-Жюстом, Фуше, и всех этих людей, которые оказали такое громадное влияние на революцию, он представил мне в совершенно ином свете, нежели тот, в котором я видел их до тех пор.

Граф не выражал суждения и не давал оценки, он просто откровенно и точно передавал то, что видел и слышал сам, предоставляя слушателям делать заключения из его слов.

Вечера пролетали с необычайной быстротой в этих занимательных беседах, перемежаемых иногда, но очень редко, музыкой. Замечу, кстати, что фортепиано, этот бич, изобретенный для терзания нашего слуха, проникло теперь даже на невинный остров Сент-Кристофер.

Однако одно обстоятельство мучило меня: я часто пробовал навести разговор на буканьеров — и каждый раз граф отклонял мою попытку, словно он находил удовольствие дразнить меня, не давая возможности прямо выразить ему желание, постоянно вертевшееся у меня на языке.

Быстро миновал срок моего пребывания на Сент-Кристофере. Капитан Дюмон завершил починку своего судна и перевозил теперь на борт закупленные съестные припасы и пресную воду; через два дня он снимался с якоря.

Грустно мне было расставаться с добрыми обитателями замка, которые приняли меня, человека им чужого, с таким сердечным радушием; я не решался проститься с ними и откладывал до последней возможности минуту разлуки, которая должна была стать вечной.

Однако следовало наконец собраться с духом и объявить о своем отъезде. На другое утро в восемь часов мы снимались с якоря, и мне уже с вечера надо было отправиться на Песчаный мыс, чтобы немедленно перебраться на корабль.

Капитан любезно известил меня, что шлюпка будет ждать у пристани до полуночи. Было около восьми часов вечера, я не мог терять более ни минуты.

Расставание вышло очень тяжелым. Это милое семейство привыкло ко мне и считало уже как бы старым другом. Все отправились проводить меня до ворот, где уже ждал слуга Дюкрея с двумя лошадьми, которых этот превосходный человек одолжил мне для путешествия.

Прощание длилось довольно долго, однако настала все же минута разлуки, и я уехал.

В одиннадцать часов я был на Песчаном мысе и уже заносил ногу в ожидавшую меня шлюпку, когда меня почтительно остановил слуга, мой проводник.

— Простите, господин, — сказал он, — их сиятельство велели вручить это вам и передать на словах, что они посылают это вам на память, чтобы вы не забывали о семействе Шатогранов.

Я взял тщательно перевязанный и запечатанный пакет, который он подал мне, вложил ему в руку луидор и сел в шлюпку.

На следующее утро, когда я пробудился, мы уже шли под парусами и остров Сент-Кристофер виднелся на горизонте только синеватым облачком, которое вскоре и вовсе исчезло.

Тут я вспомнил о таинственном пакете, переданном мне от графа Шатограна таким странным образом. Я распечатал его и вскрикнул от радостного изумления, даже из рук выронил. Поспешно подобрав его с пола, я тотчас запер на задвижку дверь своей каюты, чтобы никто не мог мне помешать, и, расположившись у письменного стола, аккуратно разложил перед собой содержимое пакета.

Во-первых, там была адресованная мне записка в несколько строк.

Содержание ее было следующим:

Любезный соотечественник!

Простите мне коварное удовольствие, с которым я как бы нарочно отклонялся от разговора всякий раз, когда вы заводили речь о моем благородном предке; вы не должны сетовать на причуды старика,

Я разделяю ваше мнение, что о буканьерах и флибустьерахXVIIвека мало что известно или, что еще хуже, представления о них искажены.

Эпитетами «флибустьер» и «буканьер» ныне награждают грабителей, убийц, разбойников.

Однако не может быть ничего ошибочнее: флибустьеры скорее походили на портсмутских пилигримов. Подобно последним, они искали свободы совести и требовали свободных законов; еще они стремились к свободе на морях, свободе торговли и к уничтожению ненавистного владычества испанцев, почти повсеместного в Новом Свете.

Флибустьеры были свободные мыслители, это были действительно свободные люди.

Франция обязана им лучшими своими колониями, Испания — утратой своего могущества.

Зло, содеянное ими, забыто, добро — осталось; Франция воспользовалась им, заклеив их кличкой пиратов, тогда как прежде вела с ними переговоры, признавала их право на существование и даже оказывала им покровительство.

Это последнее оскорбление естественно вытекало из ее неблагодарности за так великодушно оказанные ими громадные услуги, которые ей следовало бы вознаградить.

Вы видите, любезный мой соотечественник, что я не забыл ничего из наших коротких бесед о флибустьерах и, повторю, вполне разделяю ваш взгляд на них.

Примите в память о приятных часах, которые мы провели вместе, и в знак моего искреннего к вам расположения прилагаемую рукопись. Вся она принадлежит перу моего прадеда и представляет собой нечто вроде дневника, на страницах которого он ежедневно отмечал сведения, поистине драгоценные, не только о себе самом, но также и некоторых самых известных своих товарищах.

С какой целью мой прадед вел сей дневник, я не знаю. Быть может, и он собирался писать историю флибустьерства; но если это и было первоначальным его намерением, он, без сомнения, отказался от него: я не нашел в архивах нашего дома ничего, что указывало бы на подобный факт даже косвенным образом.

Верьте,

Анри, граф де Шатогран

Я поспешил развернуть рукопись. Дневник был написан на пергаменте, и древность его не вызвала сомнений: выцветшие чернила, форма букв, правописание — все доказывало, что сей документ действительно относится ко второй половине XVII столетия.

На первом листе стояло:

Заметки о некоторых самых замечательных авантюристах с островов Санто-Доминго и Тортуга, веденные авантюристом Медвежонком Железная Голова с лета от Р.Х. 1650 до 1690 включительно.

Граф не хотел отпускать меня, не удовлетворив полностью моего любопытства.

Я остался благодарен ему до глубины души и немедленно принялся за чтение; остановился я лишь на последней странице.

Потом я тщательно убрал драгоценную рукопись.

Прошло несколько лет; множество событий, сменявшиеся одно другим, заставили меня позабыть о прощальном даре графа.

Однако несколько месяцев тому назад она попала мне под руку, когда я однажды рылся в своей библиотеке. Снова

прочел я ее, и на сей раз с еще большим удовольствием, чем некогда на корабле.

Тотчас по прочтении я положил рукопись перед собой и твердо вознамерился воспользоваться ею в самом скором времени.

Изложение этой рукописи я представляю читателю. Ему судить, прав ли я был, когда извлек ее из забвения.

Что касается меня, то, когда несколько лет назад случай привел меня на остров Сент-Кристофер, я был далек от мысли, что в этом почти никому не ведомом уголке мира меня ожидает такая удача.

А теперь, как говорят испанцы, простите автору его ошибки.

ГЮСТАВ ЭМАР Париж, 10 августа 1868 г.

ГЛАВА I. В которой автор встречается с капитаном Медвежонком Железная Голова

В пятницу 13-го сентября 16.. года, в восьмом часу вечера, гостиница «Сорванный якорь», расположенная на самом берегу гавани Пор-Марго и являвшаяся привычным местом сборищ флибустьеров и буканьеров с Тортуги и Санто-Доминго, пылала огнями, как горнило среди темной ночи, и оглушительный шум от криков, хохота, пения и звона бьющейся посуды несся из раскрытых навстречу свежему морскому ветру окон.

Множество обывателей, буканьеров, флибустьеров, вербованных работников, женщин, детей и даже стариков с любопытством толпились у дверей и окон гостиницы, не обращая внимания на тарелки, стаканы и бутылки, то и дело летевшие их сторону изнутри, и весело примешивали свои возгласы к неистовому шуму, производимому тремя десятками пирующих за громадным круглым столом в большой зале «Сорванного якоря».

В этот вечер в гостинице «Сорванный якорь» устраивался кутеж на флибустьерский лад, то есть до победного конца. От вина побагровели лица, засверкали взгляды, загудели головы, забурлила кровь.

Капитан, прозванный Медвежонком Железная Голова, один из самых грозных флибустьеров Черепашьего острова, утром этого дня набрал из Береговых братьев экипаж в четыреста семьдесят три человека, и набор он совершал с величайшим тщанием, из самых отчаянных флибустьеров, находившихся в это время в Пор-Марго, Пор-де-Пе и Леогане. Этой же ночью стоявший на рейде фрегат «Задорный» должен был сняться с якоря и отправиться неизвестно куда.

Перед выходом в море капитан собрал на прощальном пиру всех своих старых друзей; самые знаменитые из предводителей флибустьерства сидели за столом и провозглашали тосты за успех таинственной экспедиции Медвежонка.

Тут были и Монбар Губитель, и Прекрасный Лоран, и Мигель Баск, и Тихий Ветерок, и Граммон, и Питриан, и Олоне, и Александр Железная Рука, и Давид, и Пьер Легран, и Польтэ, и Дрейк, и много других Береговых братьев, быть может, не столь знаменитых, но не менее страшных.

Бертран д'Ожерон, представитель власти Людовика XIV, губернатор

Черепашьего острова и французской части Санто-Доминго, сидел на почетном месте. По правую руку от него восседал виновник торжества, Медвежонок Железная Голова, полевую — Пьер Легран, молодой человек лет двадцати пяти, с тонкими и благородными чертами лица, заместитель командующего предстоящей экспедицией.

Остальные флибустьеры сидели кому где досталось место. Целая толпа несчастных работников, едва прикрытых штанами и холщовой с жирными и кровавыми пятнами рубашкой в лохмотьях, быстро и безмолвно, как привидения, сновала вокруг пирующих с блюдами, тарелками и жбанам, которые флибустьеры забавы ради часто бросали им в голову — разумеется, предварительно осушив.

Надо сказать, что для Береговых братьев, которые все до единого прошли через этот тяжелый искус, обремененный работник, или данник, или вербованный, или попросту слуга был лишь вьючным животным, и они присвоили себе право на жизнь и смерть этих несчастных на долгих три года их рабства.

Медвежонку, настоящего имени которого никто из присутствующих не знал, было в то время года тридцать два; он отличался исполинским ростом и необычайной силой.

Черные глаза Медвежонка метали молнии, на правильных и красивых чертах лица лежал отпечаток неизъяснимого благородства и огромной силы воли. Длинная и густая черная борода, скрывавшая всю нижнюю часть его лица и падавшая веером на грудь, придавала его внешности выражение странное, роковое. Его движения были сдержанны, изящны, походка — благородна, голос — чист и звучен.

Как и у большей части Береговых братьев, в его жизни была тайна, которую он тщательно скрывал.

Никто не знал, кто он и откуда; все относящееся к прошлой его жизни, даже имя его, — все было покрыто мраком.

О событиях, произошедших в его жизни, знали только с тех пор, как он прибыл на Антильские острова.

Хоть и непродолжительная, жизнь эта была мрачна и печальна.

В течение нескольких лет этот человек терпел жестокие муки, и у него не вырвалось ни одной жалобы, ни разу не надломило его незаслуженное несчастье.

Вопреки обычаям флибустьеров, он жил уединенно, не стремясь сойтись с кем бы то ни было.

Словом, это был человек незаурядный.

Мы приведем два примера в доказательство нашего утверждения.

Первое свидетельствовало о необычайной смелости в ту эпоху суеверий, в которую он жил: он не побоялся сняться с якоря в пятницу, тринадцатого числа, с экипажем в четыреста семьдесят три человека.

Второе носило отпечаток еще большей оригинальности: куда бы он ни направился, его постоянно сопровождали две гончие и два кабана, страшно свирепых, однако живших между собой в самом добром согласии и преданных ему донельзя.

Даже теперь, сидя с гостями, он не разлучался со своими спутниками; четвероногие друзья лежали у его ног и то и дело получали остатки самых лучших кусков с его тарелки.

Капитан, прозванный Медвежонком Железная Голова, — одно из главных действующих лиц этого рассказа, поэтому мы опишем в нескольких словах, что с ним приключилось со времени прибытия на острова.

Лет за шесть или семь до того времени, с которого начинается наше повествование, в Пор-Марго прибыло судно из Дъеппа.

Корабль был нагружен разнообразными товарами, необходимыми для колонистов; кроме того, на нем находились восемьдесят пять вербованных, мужчин и женщин, которых агенты Вест-Индской компании² набрали во Франции за смехотворную цену, прельщая их тем, что в колониях им предоставят заниматься своим ремеслом, например, каменщика, плотника, доктора и даже живописца. Александр Оливье Эксмелин, впоследствии ставший историком Берегового братства, завербовался в Париже в качестве хирурга, а по прибытии на острова был продан с аукциона и три года оставался невольником одного из самых жестоких флибустьеров Санто-Доминго.

По обычаю несчастные, о которых мы говорим, на другой день после высадки, несмотря на все их протесты, пускались с молотка на торгах и присуждались колонистам, обывателям и буканьерам, явившимся купить живой товар.

Один из этих бедняг, красивый молодой человек лет двадцати шести—двадцати семи, пытался было протестовать против вопиющей несправедливости, жертвой которой стал, но вскоре ему пришлось убедиться, что рассчитывать на поддержку местных властей не приходится и что его требования натываются лишь на насмешки и грубые шутки.

Тогда он склонил голову, видимо покорившись своей участи, и молча последовал за своим повелителем.

Новый его хозяин был буканьер из внутренних земель Санто-Доминго, носивший имя Пальник. Неотесанный, грубый и злой, он находил

наслаждение, безжалостно терзая своего нового работника, заставляя его перетаскивать неподъемные тяжести, колотя без всякого повода, из одной только прихоти, и не давая ему иной пищи, кроме объедков, которые доставались собакам.

Работник безропотно переносил все унижения и невзгоды, жестокости противопоставляя терпение и только стараясь еще больше угодить бездушному хозяину, в руки которого привела его роковая судьба.

Покорность эта нисколько не смягчала буканьера; напротив, в кротости и послушании своего слуги он видел хвастливый вызов и увеличивал притеснения, ища предлога, чтобы покончить с человеком, которого ничто, по-видимому, не могло вывести из себя.

Однажды в палящий зной несчастный работник шел, сгибаясь под тяжестью трех сырых бычьих шкур, которые нес на спине уже несколько часов, с трудом поспевая за хозяином. Тот всю дорогу ругал его напропалую и наконец, окончательно выведенный из себя упорным молчанием слуги, хватил его прикладом по голове. Бедняга грохнулся оземь весь в крови.

Слуга не подавал признаков жизни, и хозяин, поглядев на него с минуту, счел его мертвым. Не заботясь более о несчастном, Пальник взвалил себе на плечи бычьей шкуры и преспокойно пошел домой.

Когда случайно спрашивали, куда девался его слуга, он просто отвечал, что тот сбежал.

Тем дело и кончилось; о работнике совсем забыли.

Однако бедняга не был убит, даже не опасно ранен; как только отошел Пальник, он открыл глаза, встал и, хотя еще и очень слабый, попытался, однако, пойти вслед за хозяином.

Но, пробыв в Америке очень недолго, он не привык к ее природе, не знал, как отыскать дорогу через обширные океаны зелени, сбился с пути в лесу и проплутал несколько дней, не имея возможности определить, где находится, или добраться до моря. Если бы ему удалось выйти на берег, он был бы спасен; но он, наоборот, с каждым шагом удалялся от дороги, которую тщетно отыскивал среди неумолимых чащ.

Заблудившийся работник начинал томиться голодом; пришлось утолить его сырым мясом, которое он имел при себе; ему нечем было развести огонь.

Положение бедняги было тем ужаснее, что он решительно не знал, как добывать пищу.

Один единственный друг остался верен ему в его несчастье — собака хозяина не хотела отойти от него ни под каким видом и, устав от упорства

пса, Пальник наконец бросил его, беспокоясь о нем не более, чем о слуге, от которого считал себя избавленным навсегда.

Тогда-то под влиянием мучительных страданий и нужды обнаружилась твердость и непоколебимая сила воли человека, который, будучи ранен и лишен всякой помощи, не поддавался отчаянию, не упал духом, но вооружился терпением против постигшего его бедствия и мужественно вступил в борьбу, чтобы отстаивать свою жизнь до последнего.

Он проводил все дни в переходах то в одну, то в другую сторону; он не знал, куда идет, но все же не терял надежды проникнуть наконец сквозь окружающие его со всех сторон густые стены листвы и выйти на настоящую дорогу.

Часто он взбирался на вершину горы и оттуда видел море.

При этом он чувствовал прилив сил и спешил спуститься на равнину; но первая же тропа, проложенная дикими зверями, заставляла его вновь терять направление, которого хотел держаться.

Во время странствований по лесам его собака то и дело подстерегала дичь; добыча ее охоты делилась между хозяином и нею по-братски и съедалась в сыром виде.

Мало-помалу скиталец свикся с этой пищей; сырое мясо показалось ему почти вкусным; он подметил кустарники, где скрывается дичь, и охота пошла удачнее. Вскоре у него появились новые помощники — молодые дикие собаки и молодые кабаны, на которых он случайно наткнулся и решил выдрессировать; помощь этих животных была ему крайне полезна.

Уже около года и двух месяцев вел он этот странный образ жизни, почти потеряв всякую надежду положить ей конец, когда в одно прекрасное утро невзначай столкнулся лицом к лицу с кучкой французских буканьеров.

Те сперва удивились, даже чуть не струсили; надо сознаться что наружность бедняги не имела ничего привлекательного и не внушала доверия.

Волосы и борода достигли необычайной длины; вся одежда состояла из остатков панталон и оборванной рубашки, едва прикрывавшей тело. Лицо с сильным загаром имело дикое выражение; кусок сырого мяса висел на поясе; три собаки и два кабана такого же дикого вида, как и их хозяин, следовали за ним по пятам.

После первой минуты удивления и колебания все объяснилось.

Вербованный откровенно и бесхитростно поведал о своих мытарствах; некоторые из буканьеров узнали его и проявили к нему участие.

Тут же на месте они принялись держать совет.

После зрелого обсуждения всех обстоятельств решили, что Пальник злоупотребил присвоенной ему в силу берегового обычая властью над своим слугой; что безжалостным обхождением, в особенности же гнусным хладнокровием, с которым он бросил несчастного, буканьер сам отказался от его услуг и расторг скреплявшие их узы; следовательно, он лишил себя всяких прав на слугу и тот должен быть объявлен свободным.

Это решение, единодушно одобренное, немедленно привели в исполнение; нашего героя окрестили шуточным прозвищем Медвежонок, и он охотно принял его; говоря по правде, он скорее походил на медведя, чем на человека; итак, с прозвищем Медвежонок он был включен в число Береговых братьев и обрел права и преимущества, принадлежащие буканьерам и флибустьерам.

Новые друзья бывшего вербованного не ограничились этим: они дали ему одежду, оружие, пороху, пуль и привели с собой в Пор-Марго, где в присутствии д'Ожерона заявили о принятом раньше решении, и по их просьбе губернатор придал этому решению законную силу, несмотря на упорное сопротивление Пальника, который никак не хотел отказаться от своей власти над слугой, утверждая, что ни разу не бил его и не бросал, а тот сам убежал и выдумал все это со злости на хозяина.

К несчастью для Пальника, жестокость его была так известна в Пор-Марго и его окрестностях, что д'Ожерон даже не удосужился выслушать его, пригрозив вдобавок примерным наказанием, если впредь буканьер не будет обходиться со своими слугами человечнее.

Бывший слуга, однако, нисколько не опасался угроз прежнего хозяина теперь, когда он был свободен и имел право защищаться.

Спустя несколько дней он отправился в экспедицию под командой Монбара Губителя.

Таким образом он участвовал во многих экспедициях под предводительством знаменитых предводителей флибустьеров и за непродолжительное время приобрел не только большое богатство, но, благодаря отваге, храбрости и особенно уму, еще и громадную славу среди товарищей.

С тех пор как его объявили свободным, Медвежонок никогда не намекал на свои жестокие страдания во время рабства, ни разу имя Пальника не сходило с его губ; если в его присутствии речь заходила о свирепом буканьере, он не принимал участия в разговоре, ни для порицания, ни для похвалы, хотя порой спрашивали его мнения; впрочем, в течение двух лет, которые протекли после вышеописанных событий, два врага ни разу не встретились лицом к лицу.

История Медвежонка и Пальника стала уже преданием в краю, где каждый день приносит все новые приключения; все забыли о ней, и тот, кто в первую минуту ожидал блистательной мести со стороны новоиспеченного флибустьера, покачивал головой с недоверчивым видом, если речь случайно заходила о непримиримой вражде этих двоих, когда одним прекрасным вечером судьба свела их в гостинице «Сорванный якорь».

Вот как было дело.

Дня два или три назад флибустьерское судно под командой Мигеля Баска вошло в гавань с грузом золота и пленников после месячного крейсирования в водах Мексиканского залива. Шесть испанских судов, захваченных флибустьерами с Тортуги, были взяты на абордаж, разграблены и по обычаю сожжены в море.

Едва корабль бросил якорь на рейде Пор-Марго, пленников высадили на берег и приступили к дележу добычи.

Получив свою долю, флибустьеры поспешили, как случалось всегда, растратить добытое золото в сумасбродных оргиях.

Эти люди ценили золото лишь из-за наслаждений, которое сей драгоценный металл мог им доставить.

Наибольшим почетом у них пользовалась игра; ей они предавались с яростью, с бешенством, ставя на кон огромные суммы, и по большей части прекращали партию лишь когда проигрывали все свое золото, одежду и нередко даже свободу.

С прибытия корабля Мигеля Баска в Пор-Марго играли везде, на улицах и на площадях, на опрокинутых бочках, в гостиницах и даже в доме губернатора. Ссоры возникали повсеместно, и кровь лилась потоками; рассудительные и безумцы подчинились влиянию игровой горячки, почти не менее ужасной и убийственной, чем настоящая.

Быть может, из всех Береговых братьев один Медвежонок не поддавался всеобщему сумасбродному увлечению; он презирал игру, считая ее постыдной страстью.

Прятели часто подтрунивали над его *пуританизмом*, как они выражались, но он оставался непоколебим, и ничто не могло заставить его изменить своих взглядов.

В вечер, к которому относится наш рассказ, часов в семь, когда солнце уже стало опускаться за голубые волны Атлантического океана, Медвежонок Железная Голова, равно-Душный к шуму и гаму в городе, медленно расхаживал по берегу с сигарой во рту, опустив голову на грудь, заложив Руки за спину, сопровождаемый шаг за шагом своими собаками и

кабанами.

— Эй! — окликнул его внезапно веселый голос. — Что ты там делаешь, упрямый мечтатель, когда весь город гуляет и ликует?

Капитан поднял голову и с улыбкой подал руку говорившему, одному из самых знаменитых флибустьеров.

— Как видишь, Тихий Ветерок, — ответил он, — я гуляю и восхищаюсь закатом солнца, мой любезный.

— Хорошо удовольствие, нечего сказать! — вскричал со смехом собеседник. — Чем бродить тут на берегу, словно душа, осужденная на вечные муки, лучше пойдем-ка со мной.

— Что поделаешь, дружище, всякий веселится как умеет.

— Против этого, разумеется, возразить нечего; но почему же ты не хочешь идти со мной?

— Я пока не отказывался; однако, если тебе все равно, охотнее бы не пошел. Ты будешь играть, а я, как тебе известно, не терплю игры.

— Разве это мешает смотреть, как другие играют?

— Нисколько, но подобные зрелища печалят меня.

— Ты сумасшедший! Послушай-ка, в «Сорванном якорю», говорят, какой-то богатый буканьер с берегов Артибонита, или не знаю хорошенько откуда, играет с чертовским везением, так что чуть ли не обобрал более половины экипажа Мигеля Баска.

— Что же мне-то тут прикажешь делать, любезный друг? — со смехом воскликнул Медвежонок. — Не могу же я помешать, чтобы ему везло.

— Кто знает!

— Как же это?

— Послушай, брат, увидев тебя с минуту назад, мне пришла в голову великолепная мысль: я хочу играть с этим буканьером. Пойдем со мной и стой возле меня; ты счастлив во всем, что предпринимаешь, ты мне принесешь счастье — и я выиграю.

— Ты рехнулся.

— Нет, я просто игрок, следовательно, суеверен.

— Ты и впрямь так сильно желаешь этого?

— Пожалуйста, не отказывай.

— Так пойдем испытать счастье, — согласился Медвежонок, пожимая плечами.

— Спасибо, приятель! — вскричал Тихий Ветерок, крепко пожав ему руку. — Черт возьми! — прибавил он, весело щелкнув пальцами. — Теперь я уверен, что выиграю.

Медвежонок ответил одной улыбкой. И два товарища направились к гостинице «Сорванный якорь».

ГЛАВА II. Как играли в кости бывший слуга и его хозяин и что за этим последовало

Когда два флибустьера подошли к двери «Сорванного якоря», их взгляду внезапно представилось удивительное зрелище; они невольно остановились на пороге и с изумлением осмотрелись вокруг. При свете ламп, копоть от которых вместе с дымом от сигар и трубок стояла черным облаком под потолком, виднелись, словно сквозь туман, резкие и искаженные лица множества городских обывателей, колонистов и Береговых братьев, черты которых судорожно подергивались от азарта игры и опьянения и принимали злое выражение при мерцающих отблесках огней, постоянно колеблемых ветром.

Посреди залы, на длинном столе, устроенном на скорую руку из досок и бочек, целые груды золота лежали перед игроком, который с дерзким и насмешливым взглядом вызывал сразиться толпившихся вокруг стола флибустьеров, встряхивая кости в стакане.

За игроком стояло десятка два испанцев, мужчин и женщин, захваченных в плен в последнюю экспедицию и послуживших последней ставкой своим прежним владельцам.

— Вот буканьер, с которым мы будем иметь дело, — сказал Тихий Ветерок. — Следуй за мной.

Медвежонок бросил рассеянный взгляд на человека, указанного ему товарищем, и узнал Пальника.

Привиде бывшего хозяина Медвежонок нахмурил брови, смертная бледность разлилась по его лицу, и он невольно отступил на шаг.

— Что с тобой? — спросил Тихий Ветерок, заметив его волнение. — А! — прибавил он спустя мгновение. — Понимаю: ты узнал своего прежнего хозяина!

— Да, — мрачно ответил Медвежонок, — это действительно он.

— Что ж за беда! Разве ты не свободен? Тебе нечего бояться.

— Я не боюсь, — пробормотал капитан, скорее говоря сам с собой.

— Так пойдем.

— Ты прав, — ответил капитан, улыбаясь странной улыбкой, — пойдем! Может, и лучше покончить раз навсегда.

— Что же ты намерен предпринять? — осведомился товарищ, слегка

встревоженный.

— Бог мне свидетель, я не искал встречи с этим человеком; напротив, я всячески старался избегать его. Когда с минуту назад ты встретил меня на берегу и просил пойти с тобой, я пытался отговориться.

— Это правда.

— Итак, ясно, что только случай свел нас теперь.

— Чтоб меня черт побрал с руками и с ногами, если я понимаю хоть одно словечко из всего, что ты говоришь!

Медвежонок поднял голову и посмотрел на товарища с неподражаемым выражением насмешливого торжества.

Потом он взял его под руку и вкрадчивым голосом произнес:

— Пойдем, Тихий Ветерок. Ты часто ставил мне в укор, что я не играю... Ну так вот, сегодня, ей-Богу, ты будешь присутствовать при игре, которую и ты, и наши товарищи забудут не скоро.

— Ты станешь играть?! — вскричал Легкий Ветерок вне себя от изумления.

— Да, и партия будет решительная.

— С кем же?

— С человеком, который так нахально обобрал наших братьев, — ответил Медвежонок, указывая рукой на буканьера.

— С Пальником?

— Да, и вместо того, чтоб присутствовать при твоей игре, я буду играть, а ты — присутствовать при этом.

— Берегись! — заметил Тихий Ветерок.

— Мое решение принято. Пойдем!

— Да поможет тебе Бог! — прошептал флибустьер, следуя за Медвежоном.

Они вошли в залу, без труда прокладывая себе путь в толпе, так как оба пользовались большим уважением товарищей. Вскоре они очутились перед столом, за которым сидел буканьер, глядя на них с насмешливой улыбкой.

— Ага! — вскричал он с грубым смехом. — Уж не собираетесь ли вы попытать счастье против меня, друзья?

— Почему бы и нет? — откликнулся Тихий Ветерок.

— Попробуй, если берет охота, — продолжал, посмеиваясь, буканьер, — я готов взять у тебя до все последнего дублона, старый друг.

— Во-первых, я тебе вовсе не друг, благодарение Богу! Так что побереги это неподходящее звание для других, — возразил флибустьер. — Касательно же того, чтобы взять у меня все до последнего дублона, то это

мы еще посмотрим, и сейчас же, не откладывая дела на потом.

— Возьму дублионы не только твои, но и твоего товарища в придачу, если он, против своего обыкновения, осмелится сразиться со мной, — прибавил буканьер с злой усмешкой.

— Не оскорбляй понапрасну, Пальник, когда тебя не трогают, — холодно произнес Медвежонок.

— Прошу без наставлений, я не нуждаюсь в них, — грубо заявил буканьер, — если ты недоволен, я готов дать тебе удовлетворение где, когда и как пожелаешь.

— Я прошу принять во внимание, — спокойно заметил Медвежонок, — что не давал ни малейшего повода к ссоре, которую ты стараешься завязать со мной; ведь я не вмешивался в твой спор с моим приятелем.

При внезапной ссоре вокруг стола мгновенно образовался круг из Береговых братьев, с любопытством ожидавших неминуемой развязки. Каждому из них была известна обоюдная ненависть Медвежонка и Пальника, и зрители предвидели страшную развязку так дерзко начатой буканьером словесной перепалки.

Пальник не был любим Береговыми братьями; его постоянное везение в игре в последние дни еще больше, если это возможно, усилило общее нерасположение к нему, и большая часть присутствующие втайне питали надежду, что наконец-то на него обрушится страшная месть, которую противник, вероятно, откладывал так долго только за отсутствием удобного случая.

Медвежонок был холоден, спокоен, хотя и немного бледен, и вполне владел собой.

— Ладно! — проговорил буканьер, презрительно пожав плечами. — Довольно слов. Насильно дурную собаку на настоящий след не наведешь. Бросим спор; я удивляюсь твоей премудрости и преклоняюсь перед нею.

— Полно хвастать-то! — вскричал Тихий Ветерок, — Медвежонок прав, ты привязался к нему; если он не отвечает тебе так, как бы следовало, то, вероятно, имеет на это свои причины; не беспокойся, однако, в накладе не останешься, если подождешь. А теперь лучше приступить к игре.

— Согласен. Что ставишь?

— Две тысячи пиастров, — ответил Тихий Ветерок, вынимая из кармана штанов длинный кошелек.

— Постой, — холодно сказал Медвежонок, остановив его за руку, — дай мне поговорить с этим человеком.

Флибустьер взглянул на своего приятеля и увидел в его потемневших

глазах такой зловецкий огонь, что опустил свой кошелек назад в карман и только ответил:

— Как хочешь.

Медвежонок сделал шаг вперед, оперся руками о стол и наклонился к буканьеру.

— Входя сюда, — резко отчеканил он, — я не знал, что встречу с тобой. Я не искал встречи, потому что мое презрение к тебе равняется ненависти. Но если уж твоя несчастливая звезда побудила тебя, вместо того, чтобы подражать моей сдержанности, отбросить мнимо равнодушный вид, который мы сохраняли в отношениях друг с другом, пусть будет по-твоему, я принимаю предложенную тобой партию.

— Сколько пустых слов, чтоб прийти к такому ничтожному заключению! — воскликнул буканьер с нехорошей улыбкой.

— А вот увидим. Выслушай меня, а присутствующие пусть будут свидетелями: мы сыграем в гальбик³ три партии, ни меньше ни больше, и ты должен принять мои условия. Согласен?

— Еще бы, когда ты проиграешь мне!

— Не проиграю, — возразил капитан, — я вступаю в решительную борьбу с тобой и убежден, что выйду победителем.

— Полно, не с ума ли ты спятил?

— Если трусишь, я настаивать не стану. Извинись передо мной и товарищами за сказанные тобой оскорбительные слова, и я тотчас уйду.

— Извиниться? Мне? Черт возьми! Да соображаешь ли ты, что говоришь?

— Предупреждаю тебя, — холодно произнес Медвежонок, вынув из-за пояса пистолет и взводя курок, — что при малейшем подозрительном движении я уложу тебя на месте как лютого зверя, каков ты на самом деле и есть.

Вне себя от ярости, но сдерживаемый наставленным ему на грудь длинным дулом пистолета, буканьер окинул взглядом присутствующих, быть может желая почерпнуть бодрости в дружеском лице.

Флибустьеры мрачно молчали, и в выражении их лиц он прочел одно лишь насмешливое злорадство

Неимоверным усилием воли он усмирил порыв гнева, от которого кипела кровь, и голосом спокойным, в котором невозможно было подметить малейшее волнение, ответил:

— Принимаю твое предложение.

— Какое? Извиниться?

— Никогда.

— Очень хорошо; вы слышали, братья? — обратился капитан к присутствующим.

— Слышали, — ответили они в один голос.

— Итак, вот мои условия, — продолжал Медвежонок громко и отчетливо, — три кости и стакан, равно неизвестные и мне и тебе, будут взяты у кого-либо из присутствующих здесь.

— Что же, ты думаешь, что у меня плутовские кости? — грозно вскричал Пальник. — Ничего не думаю и думать не хочу, просто пользуюсь своим правом, вот и все. Буканьер с яростью швырнул об пол свой стакан с игральными костями и принялся топтать его ногами. Все бросили игру и с любопытством толпились вокруг стола, взобравшись кто на скамьи, кто на столы и бочки, чтобы присутствовать при этой весьма необычной дуэли, затаив дыхание, дабы не нарушить тишины, до того глубокой, что полет мухи был бы слышен в зале, где, однако, находилось более двухсот человек.

— Вот кости, друг мои, — сказал, подходя к капитану, человек, перед которым почтительно расступились все присутствующие.

— Благодарю, Монбар, — ответил Медвежонок, дружески пожимая руку страшного флибустьера.

Потом он обратился к своему противнику:

— Каждый из нас будет кидать кости поочередно; у кого выпадет на трех костях большая сумма очков, тот и выиграл, если только у противника не будет равное количество на всех трех костях. Согласен?

— Согласен, — мрачно ответил буканьер.

— Сыграем всего три партии.

— Ладно.

— И я один буду иметь право назначать ставки; сколько у тебя тут на столе?

— Восемь тысяч семьсот пиастров.

— Во сколько ценишь свое имущество: дома, мебель, слуг, словом, все?

— В такую же сумму.

— Ты выставляешь себя что-то уж очень богатым, — смеясь, заметил Медвежонок.

— Считал ты мое состояние, что ли? — грубо вскричал буканьер. — Это моя цена, и делу конец.

В эту минуту капитан почувствовал, что кто-то слегка тронул его за плечо; он оглянулся.

За ним смиренно стояли, с отчаянием на лицах, несчастные пленники-испанцы.

— Сжальтесь, сеньор! — прошептал у его уха голос нежный и жалобный.

— Ив самом деле, — сказал капитан, — а этих людей во сколько ты ценишь? — прибавил он, указывая на невольников.

— В десять тысяч пиастров, ни одним реалом⁴ меньше. Капитан заколебался.

— Ради Святой Девы, сжальтесь, сеньор! — произнес тот же голос тоном глубокой тоски.

— Итак, все вместе составляет сумму в двадцать семь тысяч четыреста пиастров, — заключил он.

— Отлично умеешь считать, мой любезнейший, — посмеиваясь, сказал Пальник, — цифра хорошая, не правда ли?

— Очень хорошая. На первую игру я ставлю тринадцать тысяч семьсот пиастров.

Ропот удивления пробежал по внимательной толпе.

— Хорошо! Выкладывай деньги, — сказал буканьер со злой усмешкой.
— При мне их нет, — хладнокровно возразил Медвежонок.
— Так я отказываюсь, приятель; на слово я не играю. Капитан закусил губу, но не успел ничего ответить.

— Я ручаюсь за него, — вступил Монбар, остановив свой орлиный взгляд на буканьере, который в смущении опустил глаза.

— И я ручаюсь! — вскричал Тихий Ветерок. — Ей-Богу! Все что имею, я с радостью отдам ему.

— И я также, — прибавил Прекрасный Лоран, пробираясь в толпе, чтобы остановиться у стола в двух шагах от Пальника.

— Что ты скажешь на это? — спросил Медвежонок, пожимая протянутые ему руки. — Находишь ли ты эти ручательства достаточными?

— Будем играть, сто чертей! И чтобы все было поскорей кончено!

— Вот стакан, начинай.

Буканьер молча взял стакан, минуту встряхивал его в лихорадочном волнении, и кости с глухим стуком полетели на пол.

— Удачно! — сказал Медвежонок. — Шесть и шесть — двенадцать, да пять — семнадцать. Теперь моя очередь.

Он небрежно взял стакан, встряхнул его и опрокинул.

— Вот тебе на! — вскричал он, смеясь. — По шестерке на каждой кости; ты проиграл.

— Проклятие! — вскричал буканьер, позеленев.

— Счастье, видно, тебе изменило, — продолжал флибустьер. — Теперь — за вторую партию! Поручителей мне больше не нужно; я ставлю свой выигрыш против того, что у тебя остается.

Буканьер с силой встряхнул стакан и опрокинул его.

— Ага! — вскричал он вдруг с торжествующим хохотом, — удача еще не отвернулась от меня! Погляди-ка, приятель, на всех костях по четыре очка.

— Бесспорно, это хорошо, — ответил Медвежонок, — но ведь может быть и лучше. Что ты скажешь об этом? — заключил он, сделав бросок.

На всех трех костях было по пяти очков.

— Разорен! — вскричал буканьер, отирая холодный пот с помертвевшего лица.

— Как видишь, — ответил Медвежонок, подняв голову, — ты разорился, но это не все; разве ты забыл, что нам остается сыграть третью партию?

— У меня ровно ничего нет!

— Ошибаешься, у тебя есть еще то, что я хочу выиграть.

— Что же?

— Жизнь твоя! — вскричал капитан голосом, наводящим ужас. — Не воображаешь ли ты, что я вступил в эту смертельную игру с тобой из одного низкого наслаждения отнять золото, которое я презираю? Нет, нет, мне нужна твоя жизнь! Чтоб выиграть ее, я ставлю все твое состояние, которое теперь перешло ко мне, и свою жизнь в придачу. Кто проиграет, пустит себе пулю в лоб тут же на месте, при всех.

Содрогание ужаса пробежало, подобно электрическому току, по рядам Береговых братьев.

— Это безумие, Медвежонок! — вскричал Монбар.

— Брось, брось! — с живостью вмешались несколько флибустьеров.

— Братья, — ответил Медвежонок с бледной улыбкой, — благодарю вас за участие, но я твердо решил. Впрочем, будьте спокойны, я играю наверняка; человек этот заранее осужден; страх уже одолел его, одна гордость еще поддерживает его силы. Я согласен, однако, дать ему последнюю возможность спасти свою жизнь: пусть он публично сознается в своих преступлениях и смиренно попросит у меня прощения. С этим условием я готов простить его.

— Никогда! — вскричал буканьер в порыве неудержимого бешенства. — Твоя жизнь или моя, пусть будет так! Один из нас лишней на земле и должен исчезнуть. Сыграем же эту партию, и будь ты проклят!

Он бросил кости, отвернувшись. Крик ужаса раздался в толпе.

На верхней грани каждой кости было по пяти очков.

— Да, до победы рукой подать, — капитан равнодушно пожал плечами, собирая кости, — но не торопись торжествовать; ты ближе к смерти, чем полагаешь.

— Да играй же, наконец! — вскричал буканьер задыхающимся голосом, дико тараща глаза в невыразимой тоске.

— Братья, — заговорил Медвежонок все с тем же полнейшим хладнокровием, — это Суд Божий. Чтоб доказать, что человек этот безвозвратно осужден Божественным правосудием, я не коснусь стакана; один из вас бросит кости вместо меня.

— Не я! — вскричал Монбар. — Не стоит испытывать терпение Всевышнего!

— Ошибаешься, брат; напротив, этим воочию будет доказано Его могущество и правосудие. Бери кости и бросай.

— Клянусь честью, я не сделаю этого!

— Прошу тебя, брат. Монбар колебался.

— Да бросай же кости, разве ты трусишь? — повторял безотчетно

Пальник, съездившись, точно тигр, готовый прыгнуть на добычу, судорожно ухватившись за край стола и с неподвижным, диким взглядом.

Медвежонок почти насильно вложил стакан с игральными костями в руку Монбара.

— Бросай без страха, — сказал он.

— Да простит мне Господь! — пробормотал Монбар и бросил кости, отворачиваясь.

В ту же минуту раздался пронзительный, нечеловеческий крик, чья-то рука внезапно дернула Медвежонка назад, грянул выстрел, и пуля со зловещим свистом засела в одной из балок потолка.

Все это совершилось так быстро, что крик отделяло от выстрела всего лишь одно мгновение.

Когда флибустьеры опомнились от оцепенения, в которое повергло их это неожиданное событие, они увидели буканьера, поваленного на стол и удерживаемого, несмотря на его сопротивление, могучей рукой Прекрасного Лорана; в своих судорожно сжатых пальцах Пальник держал дымящийся пистолет.

Когда упали кости, наверху каждой оказалось по шести очков.

На счастье Медвежонка, двое охраняли его: пленница-испанка, которая храбро дернула его назад, невзирая на риск сделаться жертвой своей преданности, и Прекрасный Лоран, который внимательно следил за малейшим движением буканьера и отвел дуло пистолета Пальника.

Монбар сделал знак, требуя молчания. Воцарилась тишина.

— Вы все были свидетелями того, что произошло, братья, — сказал Монбар.

— Да, да! — закричали флибустьеры в один голос.

— Стало быть, вы признаете вместе со мной, что мы имеем право судить убийцу?

— Разумеется, — ответил за всех Тихий Ветерок, — его надо судить, и немедленно.

— Хорошо, братья; к чему же вы присуждаете этого человека после его гнусного покушения?

— К смерти! — единодушно отозвались присутствующие.

— Таков ваш окончательный приговор?

— Неизменный! — опять вскричали в один голос Береговые братья.

— Так приготовьте лодку, чтобы отвезти его на Акулий утес.

Несколько человек выбежали исполнять приказание.

Напрасно упрашивал Медвежонок, чтобы несчастному по крайней мере дозволено было застрелиться; флибустьеры остались неумолимы.

Через несколько минут крепко связанного Пальника перенесли в лодку, которая удалилась от Пор-Марго, неся на борту караул из десяти флибустьеров с Монбаром во главе, который сам хотел исполнить приговор.

А приговор был ужасен.

Акулий утес, находящийся в открытом море в шести лье от берега, выступал на несколько футов над поверхностью воды, но волны полностью покрывали его во время прилива.

Человека, осужденного неумолимым, но справедливым флибустьеров, бросали без оружия и без пищи на этой скале, где он должен был ожидать смерти в жестоких пытках, душевных и телесных.

Вот какая участь предстояла Пальнику.

За час до восхода солнца, когда начинался прилив, к пристани причалила лодка; Монбар и его товарищи вышли на берег с холодным спокойствием людей, исполнивших свой долг.

Судя по всему, в это время буканьер уже завершил свой земной путь.

ГЛАВА III. Каким образом капитан Железная Голова употребил богатство, выигранное у прежнего хозяина

Шоковая, но давно предвиденная развязка странной партии между двумя непримиримыми врагами оказала потрясающее воздействие на толпу, собравшуюся в гостинице «Сорванный якорь». Береговые братья, которые с жадным любопытством следили за поражающими перипетиями страшной игры, глядели теперь на капитана с робким удивлением.

Д'Ожерон, губернатор Черепашьего острова и французских владений на Санто-Доминго, вошел в залу, раскланиваясь с присутствующими, которые почтительно снимали перед ним шляпы, и сел посреди предводителей флибустьеров.

Бертран д'Ожерон был человек широкой души и замечательного ума. Он задался опасной, почти недостижимой целью возвращения в лоно большой человеческой семьи возмущившихся детей, которых отторгла от нее пылкость их нрава и жажда свободы. Свое призвание он исполнял с редким самоотвержением.

Хотя флибустьеры скорее терпели, чем действительно принимали каждого вновь назначенного королем губернатора в своей среде, но тем не менее любили и уважали д'Ожерона, он был для них ровней, а не начальником, никогда не вмешивался в их дела, если не случалось чего-нибудь особенно важного, но и тогда ограничивался одними советами и убеждениями с людьми, которые никогда не желали терпеть ни малейшей узды.

Случайно извещенный о том, что произошло в «Сорванном якорь», он поспешил прийти туда — не помешать исполнению приговора, произнесенного над буканьером, но предупредить новые вспышки насилия.

Губернатор был встречен восторженными приветствиями, перед ним поспешно и почтительно расступились.

Сев за стол, он наклонился к Медвежонку и шепнул ему несколько слов, которых не мог слышать никто из посторонних.

— Не беспокойтесь, — ответил тот, — у нас одна цель; я постараюсь исполнить ваше желание.

Тогда капитан обратился к присутствующим и голосом, который сначала слегка дрожал от внутреннего волнения, но мало-помалу становился все

тверже, произнес:

— Береговые братья, флибустьеры с Черепахи, буканьеры с Санто-Доминго и жители Пор-Марго, несколько минут назад вы присутствовали здесь не при страшной партии между двумя людьми, которых разделяла непримиримая вражда, но при Божьем суде. Я был только орудием гнева Господня; безотчетно побуждаемый действовать, как вы тому были свидетелями, я ни минуты не сомневался в успехе. Условия, предлагаемые мной, все что я говорил, — все служит тому доказательством. Итак, я не имею никакого права на богатство, которое выпало мне на долю, и с радостью отказываюсь от него; надеюсь, вы одобрите мое решение. Мы львы, а не шакалы; если мы бросаем золото без счета в сумасбродных и веселых оргиях, то это потому, что золото — цена нашей храбрости, нашей отваги, потому что мы купили его ценой нашей крови.

Неистовые рукоплескания заглушили громкий голос капитана.

Когда опять водворилась тишина, он продолжал с улыбкой на губах:

— Нашему уважаемому губернатору, отеческая заботливость которого всегда бодрствует над нами, я приношу сердечную благодарность за то, что он удостоил нас своим присутствием и тем придаст законную силу моему решению. Вот в чем состоит оно: золото, что лежит на столе, и все состояние Пальника, которое я выиграл, господин д'Ожерон потрудится разделить поровну между беднейшими из нас, без различия звания, пусть они будут буканьеры, флибустьеры или простые обыватели. Дай Бог, чтобы это назначение очистило выигранное мной богатство от грязи, которой оно запятнано! Знает ли кто-нибудь, сколько вербованных было в собственности у Пальника?

— Я знаю, — сказал Прекрасный Лоран, — всего пять.

— И мы здесь! — отозвался голос из толпы.

— Подойдите, — позвал их капитан.

Пятеро слуг, полунагих, бледных и худых до того, что на них страшно было смотреть, робко выступили вперед.

— Я объявляю вас свободными в силу права, которое мне присвоено званием Берегового брата, — продолжал Медвежонок, — согласно обычаю, я дам каждому из вас по ружью, по три фунта пороха и пуль, а кроме того вот вам пятьсот экю, которые вы разделите между собой.

Бедные люди, ошеломленные таким внезапно свалившимся на них счастьем, не смели верить своим ушам; они растерянно оглядывались вокруг и кончили тем, что залились слезами.

— Ступайте, — сказал им капитан тоном нежного сострадания, — ступайте, друзья мои, теперь страдания ваши кончились. Ваше место среди

свободных людей, среди Береговых братьев.

Опять со всех сторон раздались такие восторженные крики, что самые закаленные буканьеры — и те умилились; это уже был восторг не обыкновенный, но неистовый, доходивший до исступления.

— Хорошо, капитан, — похвалил его губернатор, с чувством пожимая ему руку, — вы подаете возвышенный пример. Именно таким образом мы и вернем этих увлекшихся, но великодушных людей на истинный путь; благодаря вам задача моя станет легче.

— Пытаюсь идти по вашим следам, — почтительно ответил флибустьер, — я не могу желать лучшего образца для подражания.

— С десятью такими людьми, как вы, — продолжал д'Ожерон по-прежнему тихо, — всего за один год эта великолепная колония может просто преобразиться.

— Или погибнуть, — задумчиво пробормотал капитан.

— О! Неужели таково ваше мнение?

— Увы! Мы не такие люди, как все; в наших жилах течет огонь, а не кровь.

— Разве вы отступаете от меня?

— Вы так не думаете; к тому же, сейчас вы получите доказательство противного.

Губернатор улыбнулся и пожал ему руку. Флибустьеры спокойно ожидали конца этих переговоров вполголоса.

— Я еще не договорил, братья, — продолжал Медвежонок после минутного молчания, — мне остается решить судьбу пленных испанцев. Разве справедливо будет, чтобы эти несчастные остались в неволе, когда все мы участвовали в разделе наследства человека, нами осужденного? Хотя эти пленные и являются представителями ненавистной нам нации, с нашей стороны будет вопиющей несправедливостью оставить их в неволе. Покажем гордым испанцам, которые в своем высокомерии называют нас ворами и преследуют и травят, словно диких зверей, что мы презираем их и потому не боимся. Дадим свободу этим пленникам, и пусть они вернуться к своим родственникам и друзьям, которые уже не надеются увидеть их вновь. Узнав нас ближе, испанцы станут бояться нас еще больше. Одобряете ли вы мое решение, братья?

В толпе было заметно колебание, и с минуту капитан опасался, что его великодушная попытка разобьется о ненависть флибустьеров к испанцам.

Закон Береговых братьев запрещал под страхом смерти возвращать без общего согласия свободу кому бы то ни было из пленников-испанцев, мужчине ли, женщине ли, ребенку или духовному лицу.

Д'Ожерон с одного взгляда определил положение дел, он понял, что Медвежонок в порыве великодушия вышел за рамки благоразумия и если он не вмешается, то все погибло.

— Капитан Железная Голова, — сказал он, вставая, — благодарю вас от имени всех Береговых братьев за ваше великодушное предложение. Флибустьеры могущественны и не боятся врагов; они храбро нападают на них, но, поборов, лежачего не бьют. Их сердца открыты состраданию. К какой бы нации не принадлежали они, не надо забывать, что несчастны наши братья. Нам, изгнанным, так сказать, из общества, следует подать свету, клеветующему на нас, этот пример человеколюбия. Повторяю, капитан, приношу вам благодарность от имени всего флибустьерства. Ваши пленники свободны, вы вольны располагать ими и возвратить их семьям.

— Да, да! — вскричали флибустьеры, увлеченные благородными словами д'Ожерона. — Освободить их! Да здравствует губернатор! Да здравствует Медвежонок Железная Голова!

Первый толчок был дан; все поддались всеобщей восторженности.

Испанцы были свободны.

— В свою очередь благодарю вас, — обратился к д'Ожерону тронутый до глубины души капитан, — без вас я потерпел бы неудачу у самой цели.

— Не думайте этого, любезный капитан, — возразил, улыбаясь, губернатор. — Флибустьеры — большие дети, и сердце у них осталось добрым, только надо уметь затронуть струны их великодушия.

Золото, лежавшее все время на столе, было вручено д'Ожерону, который взялся раздать его, и затем все покинули «Сорванный якорь».

Толпа с восторженными криками сопровождала капитана до самых дверей его жилища и окончательно рассталась с героем дня, только когда он с двумя близкими друзьями и пленниками-испанцами наконец скрылся внутри дома.

Тем не менее в городе всю ночь не утихало волнение и множество людей группами бродило по улицам с песнями и восторженными криками в честь капитана Медвежонка Железная Голова и губернатора д'Ожерона.

Пленных испанцев было восемнадцать мужчин и две женщины.

Как только Медвежонок вошел к себе в дом, он велел своим слугам приготовить помещение для чужеземцев, которых уже считал своими гостями, потом, заверив их, что они ни в чем не будут нуждаться и что на следующее же утро он позаботится о возможности для них безопасно уехать из колонии, капитан простился с ними, положив таким образом конец их уверениям в вечной благодарности, и вернулся к друзьям, которые, вольготно расположившись в его гостиной, пили и курили в

ожидании его прихода.

— Однако, — обратился к нему Прекрасный Лоран, — опасную же игру ты затеял, заступаясь за пленников!

— Правда, брат, но мне нельзя было поступить иначе; когда Пальник чуть было не застрелил меня, кто-то из пленников — мне показалось, что это была не женщина, — отважно кинулся вперед с явной целью спасти мне жизнь.

— Я видел, — заметил Мигель Баск, — это действительно была женщина, и молодая, кажется, но до того закутанная в покрывало, что нельзя было разглядеть и кончика ее носа.

— В таком случае ты поступил хорошо, Медвежонок, — согласился Прекрасный Лоран, — не подобает, чтобы испанская собака выказала себя великодушнее Берегового брата.

— И я так решил, — с кротостью ответил капитан.

— Во всей этой истории для меня ясно одно, — вскричал Прекрасный Лоран, — ты одержал победу над прелестной, надо полагать, испанкой!

— Ты с ума сошел!

— Ну, разумеется, твоя слава по этой части хорошо известна, — с усмешкой возразил Прекрасный Лоран, — только что же ты думаешь делать со своими гостями?

— Признаться, не знаю, как мне выпроводить их из колонии, в особенности теперь, когда все корабли в море.

— Ба-а! Нет ничего легче, — вмешался Тихий Ветерок. — Есть у меня добрый приятель, буканьер, о котором и вы, вероятно, слышали, так как он очень известен среди братства.

— Как его зовут?

— Польтэ.

— Кто же не знает его, по крайней мере понаслышке! — воскликнул Медвежонок. — Он охотник, больше на буйвола, чем на кабана, которым пренебрегает, если только не оказывается вынужден схватиться с ним; он здоровенный детина и друзьям своим предан.

— Польтэ — истинный Береговой брат, — подтвердили собеседники.

— Его-то нам и надо, — продолжал Тихий Ветерок. — Он должен теперь охотиться в окрестностях Артибонита; отправимся к нему, и мы получим все необходимые сведения, чтобы достигнуть испанского города или местечка, не подвергаясь ненужным стычкам с полусотнями. Принимаешь ли ты предложение, Медвежонок?

— С превеликой радостью. Когда мы отправимся?

— Тебе решать; я отдаю себя в твое распоряжение.

— Так завтра, если ты согласен.

— Ладно! На рассвете я буду здесь с двумя из моих слуг; ты также возьми двоих, больше нам не нужно.

— Каковы дороги? Можно ли пробраться по ним на лошади? — спросил капитан отчасти нерешительно.

— К чему этот вопрос?

— Ну и наивен же ты, ей-Богу, Тихий Ветерок! — вскричал Прекрасный Лоран с громким хохотом. — Разве ты забыл, что среди испанских пленных есть женщины?

— У тебя злой язык, Лоран, — весело воскликнул Медвежонок, — но я должен сознаться, что твое замечание справедливо. Бесчеловечно было бы заставлять женщин пройти, быть может, более двадцати лье по отвратительным дорогам.

— В высшей степени бесчеловечно! — подтвердил Прекрасный Лоран с комической серьезностью.

— Дороги в порядке, — успокоил Легкий Ветерок, — лошади пройдут без труда.

— Тогда я возьму двух лошадей.

— Как хочешь. Итак, решено, до завтра.

— До завтра; спасибо.

Флибустьеры встали, выпили по последней рюмке ликера, дружески пожали хозяину руку и ушли, чтоб дать ему возможность поспать.

Но капитан долго не мог заснуть. Неведомое чувство коварно закрадывалось в сердце; любопытство, в природе которого он сам не мог дать себе отчета, отгоняло от него сон всю ночь.

Против его воли, слова Прекрасного Лорана то и дело звучали у него в ушах.

На другое утро, когда еще не появилось солнце, Тихий Ветерок, олицетворенная точность, согласно своему обещанию явился с двумя вооруженными с ног до головы слугами и постучался в двери дома Медвежонка. Сам хозяин отпер ему дверь и вышел дружески пожать ему руку.

— Мы готовы, — сказал он.

— Так отправимся в путь, — ответил Тихий Ветерок. — Если поторопиться, мы, пожалуй, часам к одиннадцати или к полудню застанем Польшэ в его букане; иначе нам не удастся увидеть его раньше шести часов вечера.

Медвежонок тотчас велел предупредить испанцев.

Спустя десять минут караван покинул дом и направился к горам,

удаляясь от моря.

Во главе шли Тихий Ветерок и Медвежонок, сопровождаемый своими неразлучными спутниками — собаками и кабанам.

Далее верхом на лошадях следовали две женщины. Они до того тщательно закутались в свои мантильи и шарфы, что из всего лица были видны одни только черные глаза, блестевшие словно карбункулы, когда они с беспокойством оглядывались по сторонам.

За ними в нескольких шагах шли испанские пленники, нахлобучив шляпы с широкими полями и с головой, до самых глаз, окутав себя толстыми складками плащей.

Испанцы ни в какую погоду, дождь ли, солнце ли, холодно или жарко, в Европе они или в Америке, не расстаются со своим плащом; это неизменная и в то же время любимейшая их одежда.

Два слуги Медвежонка и два — Тихого Ветерка шли на флангах колонны, с ружьем на плече, пистолетами и топором за поясом, штыком и ножами в ножнах из крокодиловой кожи на боку.

Редкие прохожие, которые встречались флибустьерам на улицах, почтительно кланялись им и желали счастливого пути, ничем не изобличая нескромного любопытства; караульные у городских ворот подняли решетку и опустили подъемный мост, едва завидев их, и вскоре маленький караван очутился в открытом поле.

ГЛАВА IV. Как флибустьеры нашли Польтэ, который один-одинешенек оцеплял полусотню испанцев

Было еще темно; чувствовался резкий холод. Волны Антильского моря вспыхивали на горизонте кровавым оттенком; солнце готово было выйти из недр волн.

Путешественники пробирались по узкой и каменистой дороге, окаймленной с обеих сторон частым кустарником сасафраса, среди которого местами возвышались кокосовые пальмы, чьи густые верхушки слегка колебал затихающий утренний ветерок.

Вдали виднелась темная и величественная масса самого густого леса в Артибоните, над которым выступала остроконечная вершина невысокой горы Куридадас.

Равнина пробуждалась, и все таинственные ее обитатели по-своему приветствовали возвращение света.

Отвратительные пипы, гады из семейства жаб, с бычьим голосом, мычали у какого-нибудь неизвестного болота, над которым с жужжанием кружились тучи москитов; кампанеро, или птица-колокол, повторял свою однообразную и пронзительную нотку через равномерные промежутки; обезьяны визжали наперебой, свиньи пекари глухо хрюкали в колючем кустарнике, и исполинские грифы, широко распустив свои большие крылья, описывали громадные круги в воздухе, испуская отрывистые, пронзительные крики, к которым примешивалось мяуканье диких кошек и веселое пение тысяч птиц всех родов и цветов, зябко нахохлившихся в густой листве.

Путешественники шли довольно быстро, отчасти чтобы согреться — на Санто-Доминго утро бывает крайне холодным — отчасти чтобы вернуть время, потерянное на приготовления к дороге.

По выходе из города никто не проронил ни слова.

Флибустьеры курили коротенькие трубочки, испанцы же, вероятно, размышляли о счастливом и неожиданном событии, которое возвратило им свободу, когда перед ними была открыта одна печальная перспектива вечного рабства.

Однако, когда мрак совсем рассеялся и на смену ему пришел

ослепительный тропический свет, перед которым самый прекрасный день нашей старой Европы кажется серым и туманным, путешественники стали понемногу оживляться, и в разных группах, из которых состоял караван, уже успели переброситься несколькими словами.

Медвежонок Железная Голова, обычно такой хладнокровный и сдержанный, казался чем-то озабоченным, даже взволнованным; он то и дело оглядывался назад или по сторонам, на вопросы товарища отвечал невпопад, иногда вдруг останавливался без видимой причины и с досадой снова пускался вперед.

— Что это сегодня на тебя нашло? — вскричал наконец Тихий Ветерок. — Четыре раза я повторяю один и тот же вопрос, а ты не удостоиваешь меня ответа. Хороший же ты после этого собеседник!

— Я не слышал, — ответил Медвежонок тоном человека, который внезапно проснулся.

— Это дело другое; стало быть, ты оглох.

— Оглох?

— Разумеется, раз ты не слышишь. Берегись, дружище, — прибавил Тихий Ветерок, наклоняясь к уху капитана, — если так пойдет и дальше, я поневоле приду к заключению, что Лоран был прав.

— С какой стати приплетаешь ты Лорана? — возразил Медвежонок, невольно вздрогнув.

— Еще бы! Разве он не говорил, что ты вдруг воспылил участием к испанским пленникам из-за прекрасных черных глаз одной из сеньорит, если не обеих?

— Да я еще и лиц-то их не видел.

— Тем более, приятель.

— Ты бредишь!

— Разумеется, я брежу, а ты в полном рассудке; это дело решенное. Однако, как я ни брежу, будь я на твоём месте, не упустил бы случая, которого, пожалуй, более не представится; я подошел бы к дамам и отважно вступил с ними в разговор.

— Что же я выиграю этим?

— Удовольствие услышать нежный и мелодичный голос, который будет ласкать твой слух; разве этого мало?

— Но о чем же мне говорить?

— Вот тебе на! Нашел трудность! Говори с ними обо всем на свете, о дне и ночи, о погоде, настоящей и будущей.

— Премилый предмет для беседы, в особенности занимательный, — возразил капитан, презрительно пожав плечами.

— Занимательнее, чем ты полагаешь; сейчас докажу тебе это.

— Ты?

— Ив одну секунду; вот, смотри.

Тихий Ветерок остановился, поджидая, чтобы дамы поравнялись с ним.

— Извините, сеньорита, — вежливо обратился он к той, которая ехала ближе к нему, — кажется, у вашей лошади ослабла подпруга, позвольте мне осмотреть ее.

— Извольте, сеньор, — ответила дама.

Тихий Ветерок с самым серьезным видом осмотрел подпругу.

— Я ошибся, — сказал он через минуту, — все в порядке.

— Благодарю за внимание, сеньор.

— Не позволите ли вы задать вам один вопрос? — едва слышным голосом обратилась к нему другая дама.

— Весь к вашим услугам, сеньорита, так же как и мой друг, — с почтительным поклоном отвечал Тихий Ветерок, указывая на Медвежонка, который шел рядом с ним и, чувствуя, что стал предметом внимания дам, не знал, куда себя девать.

— Долго мы еще будем путешествовать таким образом? — спросила дама.

— Я не могу ответить вам определенно, сеньорита, по той простой причине, что сам не знаю.

— Однако вы же должны знать, куда ведете нас? — настаивала незнакомка.

— Приблизительно.

— Как это приблизительно? — испанка разразилась свежим и мелодичным смехом.

— Берегись, Лилия, ты задаешь нескромные вопросы, — остановила ее спутница.

— Я? Чем же мой вопрос нескромен, любезная Эльмина?

— Ты должна бы понять, что эти господа, вероятно, имеют важные причины отвечать тебе таким образом.

— Вы напрасно так думаете, сеньорита, — вдруг вмешался в их разговор капитан, — смею вас уверить, что слова моего друга — чистейшая правда.

— Я верю вам, — с глубоким чувством ответила донья Эльмина, — вы обошлись с нами так благородно и великодушно, что мы ни одной минуты не позволим себе сомневаться в вашей правдивости.

— Позвольте, сеньорита, я объясню вам в двух словах то, что может

казаться загадочным. Вам, вероятно, известно, что мы пребываем в постоянной войне с вашими соотечественниками?

— Да, я знаю, — ответила донья Эльмина слегка изменившимся голосом.

— Итак, нам необходимо соблюдать величайшую осторожность, приближаясь к испанской границе, если мы не хотим угодить в засаду.

— Однако с нами, — перебила его с живостью донья Лилия, — опасности этой не существует. Если бы напали на нас...

— Молчи, Лилия, ради Бога! — вскричала с испугом донья Эльмина и даже схватила спутницу за руку.

— Мы — моряки, как вы можете убедиться, — продолжал, улыбаясь, капитан, — стало быть, очень мало знакомы с местами, где теперь находимся. Поэтому мы разыскиваем приятеля-буканьера, который охотится где-то поблизости и наверняка поможет нам изыскать средство беспрепятственно достигнуть какого-нибудь города или испанского местечка. Вот и вся тайна, сеньорита.

— Благодарю вас, кабальеро; действительно, все очень просто, и я сознаюсь, что ваш друг не мог ответить иначе.

Испанцы между тем мало-помалу подошли ближе и слушали этот разговор с видом отчасти недовольным, точно непомерная кастильская спесь не могла вынести, чтобы испанки унизились до разговора с ворами-флибустьерами, хотя эти воры и оказали им громаднейшую услугу.

флибустьеры, однако, сочли за лишнее продолжать разговор, в котором участвовало столько лиц; они почтительно раскланялись с двумя всадницами и заняли свое прежнее место во главе каравана.

— Ну! — со смехом воскликнул Тихий Ветерок. — Как видишь, не трудно было.

— Ты прав, но что же это дало?

— Что дало? Во-первых, мы узнали имена этих дам, и, кстати будь сказано, я нахожу их прелестными; а ты? Далее, мы сделали открытие, что наши бывшие пленницы гораздо знатнее, чем хотят казаться.

— Когда же и как ты сделал это великое открытие? — с усмешкой спросил Медвежонок.

— Самым естественным образом на свете, когда донью Лилию вдруг остановила подруга — вероятно, чтобы не позволить ей выдать их тайну.

— Действительно, и я теперь припоминаю, что меня это удивило.

— Но мы выходим теперь на равнину Артибонита, — сказал Тихий Ветерок. — Надо держать ухо востро. Менее чем через час мы должны встретить Польшэ.

Было около половины одиннадцатого; путешественники шли уже более шести часов. Дорога, по которой они направлялись, вела к обширной равнине, покрытой высокой травой, местами перерезанной довольно широкими трясынами и мелкими речками. Оставаясь справа, остроконечный Куридадс возвышался над равниной своей темной и величественной массой.

Зной становился томителен. Испанцы, вероятно люди богатые и избалованные всеми утонченностями роскоши и комфорта, очевидно, страдали от усталости: они с трудом передвигали ноги, спотыкаясь о каждый камушек на дороге, но терпели с безмолвным смирением, не позволяя себе ни малейшей жалобы.

Что же касается флибустьеров, то, давно свыкшись с жизнью в суровых условиях, они как бы шутя могли побороть величайшие трудности и потому продолжали идти прежним твердым шагом.

— Мне кажется, — заметил капитан, — что, несмотря на проявляемый из гордости стоицизм, наши бывшие пленники были бы совсем не прочь отдохнуть часок-другой. Что ты скажешь на это, дружище?

— Разделяю твое мнение; они едва тащатся за нами. На что уж я привычен ко всяким невзгодам, и то уже искал глазами удобное место для стоянки, — ответил Тихий Ветерок.

Караван проходил в это время густой лес, который, по-видимому, простирался во все стороны на довольно большое расстояние.

— Мы расположимся в тени, — продолжал флибустьер, — когда достигнем края леса. Неосторожно было бы останавливаться здесь. Я люблю видеть все вокруг себя. Не доверяю я этим стенам из листвы и лиан: никогда не знаешь, что за ними кроется.

Едва успел он договорить, как где-то неподалеку раздался выстрел, а вслед за ним — грозный и сильный голос:

— Я запретил стрелять, черт возьми! К чему попусту тратить порох, будьте вы прокляты! Ведь собаки испанцы окружены и уйти не могут!

Путешественники вздрогнули и остановились.

Они предугадывали борьбу, быть может, даже кровопролитную, какие часто происходили в глубине этих неведомых равнин, когда испанцы и буканьеры неожиданно сталкивались нос к носу.

— Это Польшэ, — шепнул Тихий Ветерок на ухо капитану. — Тут кроется какая-нибудь проказа. Слушай!

В лесу раздался тяжелый топот отряда солдат.

— Ваши хитрости нас не проведут, — ответил по-кастильски надменный голос, — люди, с которыми вы говорите, существуют только в

вашем воображении.

— Вы так полагаете? — тотчас возразил Польшэ, посмеиваясь. — Повторяю, вы окружены значительными силами. Берегитесь! При малейшем вашем движении в вас будут стрелять одновременно со всех сторон.

Испанцы, по-видимому, поверили угрозе, потому что топот мгновенно прекратился.

— Покажитесь, по крайней мере! — опять вскричал с нетерпением испанский офицер. — Покажитесь, чтобы мы знали, с кем имеем дело!

— Вы увидите нас скорее, чем полагаете, — ответил Польшэ прежним насмешливым голосом, — попали же вы впросак, господа! Вам остается только одно средство выйти из беды, предупреждаю вас, — это немедленно сложить оружие и безоговорочно сдаться.

— Мы не можем вести переговоров с невидимым неприятелем, — вновь послышался голос, надо полагать, командира испанского отряда.

— Как угодно. Я даю вам пять минут на размышление. Воцарилось безмолвие.

Действующие в этой сцене лица, все еще невидимые, вероятно, совещались между собой.

Медвежонок шепнул несколько слов Тихому Ветерку; тот выразил согласие движением руки и тихим условным свистом с переливами подозвал к себе четырех слуг, которым отдал приказания, между тем как капитан направился к пленникам.

— Господа, — обратился он к ним, — вокруг нас происходит что-то странное, как вы сами слышали. Несколько наших товарищей вступили в борьбу с испанским отрядом. Дайте нам честное слово не вмешиваться, что бы ни случилось, не произносить ни одного слова, не делать ни одного движения, которое могло бы изобличить ваше присутствие. Если вы откажетесь, соображения безопасности вынудят нас прибегнуть к мерам, которые претят нам, особенно в том положении, в которое мы поставлены друг перед другом.

— Сеньор кабальеро, — ответил с достоинством один из пленных, — вы проявили рыцарское благородство в отношении нас, так можем ли мы отказаться исполнить ваши требования? От имени моих товарищей и моего собственного я даю вам честное слово, что бы ни случилось, соблюдать строжайший нейтралитет. Мы нарушим его только в том случае, если вам понадобится помощь, если счастье изменит вам и вашей свободе или жизни будет грозить опасность.

— Принимаю ваше слово, кабальеро, — с этими словами Медвежонок

вежливо раскланялся с испанцами и вернулся к Тихому Ветерку.

По приказанию последнего слуги скрылись за деревьями и пробирались, скользя как змеи, сквозь кустарник.

— Пять минут прошли, — сказал Польшэ, — сдаются вы или нет?

— Невидимому неприятелю мы не сдаемся, — тотчас ответил испанский офицер.

— Ах, вот как! Ну так мы посмеемся! — вскричал буканьер своим насмешливым тоном. — Слушай меня, братья!

— Рады стараться, капитан! — разом грянули несколько грозных голосов с разных сторон в одно и то же время.

Истрашный треск сломанных ветвей раздался в кустарнике.

Это ответили слуги Тихого Ветерка и Медвежонок.

— Открыть огонь! — крикнул Тихий Ветерок.

— Постой! — ответил буканьер, не проявляя ни волнения, ни удивления при помощи, так кстати пришедшей, словно с неба свалившейся, к нему в самую критическую минуту. — Возьми двадцать человек, Тихий Ветерок, и отрежь отступление этим негодьям.

— Железная Голова с пятнадцатью братьями уже заняли эту позицию.

— Хорошо; бить всех без пощады, Железная Голова, слышишь? Надо проучить мерзавцев по заслугам, — с невозмутимым хладнокровием продолжал Польшэ.

— Будь спокоен, брат, не уйдет ни один, — твердым голосом отозвался Медвежонок.

Оторопев от многоголосицы, когда они думали, что имеют дело всего с одним противником, испанцы даже не пытались защищаться; они сочли себя погибшими, когда услышали имена Тихого Ветерка и Медвежонок Железная Голова, грозная слава которых леденила их ужасом.

— Мы сдаемся! — крикнул офицер. — Пощадите во имя святой Троицы, сеньоры!

— Бросайте оружие! — приказал Польшэ. — Четыре человека сюда, чтобы подбирать копья этих мерзавцев!

Тихий Ветерок, Медвежонок и два слуги пошли по направлению к Польшэ, который, притаившись за кустом, хохотал до упаду от славно сыгранной с испанцами шутки.

— Сколько у тебя человек с собой? — спросил его Тихий Ветерок.

— Я один; эти собаки застигли меня врасплох, когда все трое моих слуг отправились на охоту. Все равно, — прибавил Польшэ, протягивая руку двум флибустьерам, — вы можете считать, что успели вовремя: мое положение становилось не то чтобы опасным, но достаточно

затруднительным.

— Великолепная мысль: одному оцеплять целый испанский отряд! — восторженно вскричал Тихий Ветерок. — Это верх смелости!

— Шутишь, брат; у меня не оставалось иного выхода из западни, в которую я угодил. Все равно, когда я услышал твой голос, у меня прямо от сердца отлегло... Но нельзя давать времени опомниться этим трусам.

Флибустьеры вышли из-за кустов и приблизились к отряду, держа ружья наготове, со взведенными курками, чтобы при малейшем подозрительном движении неприятеля мгновенно дать залп.

Но все предосторожности оказались излишними: испанцы даже не помышляли о сопротивлении.

ГЛАВА V. Что произошло на равнине между испанцами и Береговыми братьями и как они расстались

Испанскую границу охраняли от постоянных вторжений французских бундальеров отряды по пятьдесят человек под командой одного альфереса⁵ специально с этой целью сформированные. Сначала им дали ружья, но вскоре ружья заменили копьями.

Причина этой перемены оружия, на первый взгляд лишенной всякой логики, заключалась именно в страхе, который внушали французские бундальеры своим врагам; как только испанские солдаты оказывались на равнине, они принимались палить из ружей в воздух и не прекращали этого занятия, пока не истощали все запасы пороха; цель же пальбы состояла в том, чтобы предупредить бундальеров о своем присутствии и таким способом заставить их идти в другую сторону, что, разумеется, те и делали, не из страха, но чтобы не прекращать охоты.

Подобная предосторожность, заключающаяся в том, чтобы вооружить копьями солдат, посылаемых против неприятеля с превосходными ружьями, который славился своим искусством в стрельбе и попадал в пятистах шагах в стебелек апельсина на дереве, компрометировала и солдат, и правительство, которому они служили.

Действительно, чего можно было ожидать от такого войска при стычках и что думать о гуманности правительства, которое холодно и спокойно посылало этих бедняг на верную смерть?

Полусотня, возглавляемая альфересом, выстроилась в десяти шагах от леса, на открытом месте, но со всех сторон окруженном густым кустарником, который воображение испанцев от страха населило невидимым неприятелем.

Копья и сабли кучей лежали перед ними на земле.

Между тем Польшэ шел немного впереди своих товарищей.

Он насмешливо посмотрел на испанцев и после минутного молчания, от которого у побежденных мороз пробежал по коже, решил наконец заговорить своим прежним шутливым тоном.

— А-а! Кабальерос, — воскликнул он, — вы решились сдаться?

— Долг велит нам слагать оружие перед превосходящими силами, —

смирненно ответил альферес.

— Но теперь, — продолжал Польшэ с насмешливым видом, — вы признаете, что были не правы?

— Как видите, мы сдались немедленно.

— Я вижу, — грубо вскричал Польшэ, захохотав прямо в лицо альфереса, — что вы олухи и трусы!

— Милостивый государь! — вскричал офицер, подняв голову.

— Уж не думаете ли вы опять задирать нос? Предупреждаю вас, хвастливые выходки теперь неуместны. Вы сдались шести человекам, — прибавил он с невероятным нахальством. — Правда, — заключил он с гордостью, — эти шесть человек — Береговые братья и каждый из них стоит десяти испанцев.

— Проклятие! — с яростью вскричал офицер.

— Довольно жалоб и покоряйтесь добровольно, государи мои, — сухо сказал буканьер. — Сеньор альферес, велите вашим людям связать друг друга.

— Но какие же ваши условия?

— Никакие; вы сдались без всяких условий; я поступлю с вами как мне заблагорассудится.

Что оставалось делать несчастным солдатам, попавшим в эту западню? Одно средство только и представлялось: полной покорностью смягчить своих грозных победителей; так они и поступили.

Через пять минут весь отряд был крепко связан им же самим. Только офицер, из уважения к его чину, оставался на свободе.

Польшэ поднял шпагу и, подавая ее альфересу, сказал с убийственной иронией:

— Возьмите, сеньор кабальеро, я не позволю себе лишить вас оружия, которым вы так хорошо владеете.

При этой жестокой обиде молодой офицер сделался бледен как смерть; по его телу пробежала нервная дрожь. Он схватил шпагу дрожащей рукой, взмахнул ею так, что со свистом рассек воздух, и плашмя ударил буканьера по щеке.

Польшэ заревел как тигр, кинулся на молодого человека и уложил его на месте ударом топора.

— Благодарю, — прошептал офицер, — по крайней мере, я умру смертью солдата!

Его тело передернуло от последней предсмертной судороги, и глаза сомкнулись.

Молодого альфереса не стало.

Кровавый эпизод, который так трагически завершил комедию, навеял грусть на лица присутствующих.

— Ты погорячился, — сказал буканьеру Тихий Ветерок.

— Правда, — откровенно признался Польшэ.

— Это был храбрый молодой человек.

— Он это доказал; я не сержусь на него.

— Очень кстати, — ответил Тихий Ветерок, невольно улыбаясь странной логике Польшэ.

— Теперь поговорим о деле, — вмешался Медвежонок.

— О каком?

— О том, что привело нас сюда.

— Правда, я и забыл; о чем идет речь, брат?

— Прежде всего о завтраке, — сказал Тихий Ветерок, — мы умираем с голоду; где твой букан?

— В двух шагах. Следуйте за мной.

— С нами есть испанцы, — заметил Медвежонок.

— Пленники?

— Нет, мы им возвратили свободу.

— Где же они?

— Там в лесу, за деревьями.

— Как быть? — вскричал Польшэ. — Ах! Знаю теперь, — прибавил он спустя минуту, — ступай за освобожденными пленниками, Тихий Ветерок. Ты, Медвежонок, оставайся со слугами здесь и карауль этих негодяев, а я пойду и через четверть часа вернусь. Вместо того, чтобы нам идти к букану, он придет к нам.

— Славная мысль!

Польшэ взял ружье под мышку и удалился большими шагами, тогда как Тихий Ветерок направился обратно в лес.

Оставшись один, Медвежонок не терял времени; с помощью слуг он вырыл могилу, опустил в нее тело несчастного офицера, а его шпагу положил рядом. Потом могилу засыпали землей и навалили на нее большие камни, чтобы оградить от диких зверей.

Оторопев от страха, испанские солдаты, мрачные и печальные, молча присутствовали при этом погребении.

Трагическая смерть командира внушала им грустные опасения относительно участи, ожидавшей их самих.

Когда подошли освобожденные испанцы, которых привел Тихий Ветерок, могила уже была засыпана и все следы убийства стерты с такой тщательностью, что ускользнули бы даже от более опытных глаз.

Медвежонок Железная Голова и Тихий Ветерок помогли дамам сойти с лошадей и вежливо проводили их до навеса, в несколько ударов топора устроенного слугами, под которым можно было укрыться от знойных лучей солнца.

Мужчинам была предоставлена свобода расположиться как они хотят, с одним условием: не подходить к солдатам и не говорить с ними.

В ту минуту, когда флибустьеры, раскланявшись, хотели отойти отдам, те быстро переглянулись и сделали движение, будто желают остановить их.

— Что вам угодно, сеньориты? — спросил Медвежонок, угадав, что дамы собираются заговорить с ними.

Еще с минуту испанки колебались.

— Сеньор кабальеро, — наконец решилась сказать донья Эльмина, — быть может, случая обменяться с вами перед расставанием, которому наверно суждено быть вечным, двумя словами больше не представится. Позвольте же выразить вам искреннюю благодарность, которую одна только смерть изгладит из нашего сердца. Вам мы обязаны жизнью и честью, самым драгоценным благом для женщины. Благодаря вашему великодушному заступничеству и вашему самоотвержению, капитан Железная Голова, нам возвратили свободу и через несколько часов мы опять будем среди наших соотечественников.

— Сеньорита, — перебил капитан с достоинством, которое чрезвычайно удивило его собеседниц, — я поступил так, как предписывала мне честь благородного рода.

— Положим, капитан, — продолжала донья Эльмина, — я не буду настаивать на этом. Теперь я знаю, что мне думать о флибустьерах и буканьерах, которые всегда представлялись мне людьми жестокими, без правил и чести. Я сохраню о них самое приятное воспоминание, и когда в моем присутствии будут нападать на них, я сумею теперь взять их сторону.

— Ваше снисхождение и доброта, сеньорита, являются для меня высочайшей наградой.

— Мы не можем открыть вам своих имен и звания, но мы погрешили бы против должного к вам уважения, если бы, перед тем как расстаться, не показали лиц, которых вы никогда более не увидите, но о которых, быть может, сохраните воспоминание. Итак, вот, взгляните.

Донья Эльмина быстро откинула с лица шарф, и ее спутница сделала то же.

Крик удивления вырвался у флибустьеров при внезапном виде двух пленительнейших лиц.

Донье Эльмине и донье Лилии едва минуло по семнадцать лет; в

чертах их лиц мавританский тип слился с кастильским и явил самую ослепительную красоту, какую могло бы создать воображение поэта.

К несчастью, это обаятельное видение мелькнуло с быстротой молнии и почти мгновенно две девушки опять с улыбками надвинули складки своих шарфов на лицо.

— Уже! — пробормотал Медвежонок.

— Теперь прощайте, сеньоры! — сказала донья Эльмина.

— Еще одно слово! — с внезапной решимостью вскричал капитан, вынув кольцо, которое носил на шее на стальной цепочке, и разорвав эту цепочку. — Будущее никому неизвестно. Бог мне свидетель, что я от всего сердца желаю вам счастья, но если суждено бедствиям снова обрушиться на вас и если вам понадобится верный, преданный и храбрый друг, возьмите это кольцо с моей печатью. Когда, как и где бы вы ни доставили мне его, я немедленно явлюсь на зов. Если же вы сами пожелаете отыскать меня, только покажите мое кольцо, и, так как всем моим товарищам знаком его вид, оно будет вам охраной и послужит свободным пропуском ко мне.

— Принимаю, сеньор кабальеро, — ответила тронутая этим подарком донья Эльмина, — вы меня так приучили к рыцарским поступкам, что еще одно благодеяние уже не в силах увеличить моего неоплатного долга.

Несмотря на грубую и неотесанную натуру, Тихий Ветерок был растроган не меньше товарища, однако решительно положил конец сцене, которая становилась уже тягостной, тем, что увлек за собой капитана.

Погруженные в собственные мысли, испанцы не заметили или сделали вид, будто не замечают продолжительного разговора флибустьеров с двумя дамами.

Часом позже явился Польшэ в сопровождении трех своих слуг и штук двенадцати гончих, которые при виде испанцев чуть не вцепились им в горло; успокоить собак стоило величайшего труда.

Слуги несли на своих широких плечах все принадлежности обильной трапезы; в несколько минут были раскинута палатка и устроен буван.

По приказанию Польшэ, который в общем-то был человек добрый, перед бывшими испанскими пленниками и солдатами поставили большое количество съестных припасов и последним развязали руки, чтоб дать им возможность есть.

Лучшие куски, разумеется, были отложены для дам, оставшихся под навесом. Затем и слуги, и Береговые братья уселись в кружок и в свою очередь храбро набросились на пищу.

Флибустьеры между тем в нескольких словах объяснили Польшэ, почему они очутились на равнине и какие имели намерения.

Буканьер не возражал, только покачал раза два головой; но он оставил за собой право поступить с солдатами, которые в сущности были его пленниками, по своему усмотрению. Товарищи признали это вполне справедливым.

После завтрака, который длился недолго — охотники и авантюристы не теряют времени на еду — Береговые братья закурили трубки, и по приказанию Медвежонка были приведены бывшие пленники.

— Сеньор кабальеро, — обратился капитан к тому из освобожденных испанцев, кого его собратья по плену, как бы по безмолвному соглашению, признавали за старшего, — теперь мы расстанемся. Вы свободны, как я уже говорил. Слуга Польшэ проводит вас до испанских аванпостов; они всего в нескольких лье отсюда, и вы будете там до заката. За свою услугу я прошу об одном: оказывать некоторое сострадание тем из Береговых братьев, которых судьба приведет в ваши руки.

— Я никогда не забуду, — с достоинством ответил испанец, — что вам мы обязаны свободой. Взамен обещаю вам щадить каждого французского пленного, который окажется в моей власти.

— Принимаю ваше обещание, сеньор, и считаю себя вполне вознагражденным.

— Не забывайте, кабальеро, — по своему обыкновению бесцеремонно вмешался в разговор Польшэ, — что если с проводником, которого я вам даю, что-нибудь случится, за это ответят жизнью десять солдат.

— Разве эти бедные солдаты останутся в плену? — с живостью спросил испанец.

— Если только вы не согласитесь заплатить выкуп.

— Без сомнения. Сколько вы требуете за них?

— Пятьдесят пиастров за каждого, — отчетливо проговорил Польшэ.

— Согласен, но вы же понимаете, что при мне этих денег нет. Клянусь честью и словом дворянина, завтра, через два часа после рассвета, мой гонец вручит вам оговоренную сумму, то есть две тысячи пятьсот пиастров.

— Как только деньги окажутся у меня в руках, солдатам будет возвращена свобода.

— Разве вы не верите моему слову? — надменно вскричал испанец.

— Напротив, но предпочитаю деньги; давайте пиастры — получите солдат.

— Не устроить ли нам этого дела между собой, брат? — в свою очередь вмешался Медвежонок.

— То есть как же это?

— Если ты будешь согласен, то я поручусь за этого господина.

— Ты с ума сходишь; тебя обманут.

— Ба! Велика важность.

— Как хочешь, если так, но я умываю руки.

— Позвольте, сеньор кабальеро, — перебил испанец, — благодарю вас за предлагаемое поручительство, но я не принимаю его. Я докажу вашему товарищу, что больше доверяю ему, чем он мне.

С этими словами он вынул из камзола футляр.

— Вот, — продолжал он, — несколько бриллиантов, которые мне удалось скрыть от флибустьеров. Оставьте их у себя, сеньор кабальеро, и отдайте тому, кто привезет условленную сумму.

Польтэ открыл футляр и рассмотрел бриллианты взглядом знатока.

— Тут больше чем на миллион, знаете вы ли это? — спросил он.

— Их стоимость — четыреста тысяч пиастров, — холодно ответил испанец.

— И вы доверяете их мне?

— Почему же нет? Я полагаюсь на вашу честь.

— Возьмите назад ваш футляр, — заявил, возвращая его, Польтэ, пристыженный уроком, — пленники свободны. Вы пришлете выкуп, когда вам угодно.

— Хорошо. Благодарю, — просто сказал испанец. Спустя минуты две дамы садились на лошадей и бывшие пленники, молча раскланявшись с Береговыми братьями, отправлялись в путь, предшествоваемые слугой буканьера.

Проезжая мимо капитана, донья Эльмина слегка наклонилась в седле и прошептала одно слово:

— Recuerdo!⁶

Капитан молча и почтительно поклонился, после чего следил глазами за небольшой вереницей удалявшихся путников, пока те не скрылись из виду. Когда же испанцы наконец исчезли за поворотом извилистой тропы, флибустьер подавил вздох и в глубокой задумчивости направился к своим товарищам.

В тот же вечер слуга Польтэ вернулся с пятью тысячами пиастров — сумма, ровно вдвое превышающая оговоренный выкуп.

На другое утро Тихий Ветерок и Железная Голова, дружелюбно простившись с буканьером, возвратились в Пор-Марго.

Недели, месяцы, год и наконец другой миновали, а капитану, несмотря на все поиски, не удалось добиться каких-либо известий о донье Эльмине; характер его, и без того мрачный по природе, стал еще более замкнутым. Исчезла надежда, хотя и слабая, которую он лелеял до той поры.

Донья Эльмина забыла его! Однако не она ли шепнула ему, при расставании нежное, исполненное таких пленительных обещаний слово:

— Recuerdo!

Однажды вечером он, по обыкновению грустный и задумчивый, бродил по берегу гавани Пор-Марго, когда человек, показавшийся ему знакомым, хотя он не мог припомнить, где видел его, остановился с поклоном перед ним.

— Кто вы и чего хотите? — спросил Медвежонок.

— Капитан, я слуга Польшэ. Хозяин приказал мне доставить вам эту бумагу, которую он получил вчера через час после заката.

Сердце капитана сжалось от тайного предчувствия. Он взял бумагу дрожащей рукой и развернул ее. Ему было достаточно одного взгляда, чтобы убедиться, что предчувствие не обмануло его: на бумаге он увидел свою собственную печать на черном сургуче и три слова:

Картахена. Сейчас. Опасность

— Твой хозяин ничего не велел передать на словах? — спросил он слугу.

— Он приказал вам сказать: «Куда направится капитан, туда и я с ним; не позднее завтрашнего утра я буду у него».

— Благодарю хозяина и скажи, что я буду ждать. Вот тебе за труды.

И, сунув руку в карман, флибустьер вынул несколько пиастров.

Слуга принял их, поклонился и ушел.

На другое утро согласно своему обещанию явился Польшэ. Это было в четверг.

Капитан немедленно приступил к вербовке людей; в пятницу утром все было кончено.

Флибустьер не знал, какую рода опасность грозила донье Эльмине, но полагал, что она была велика, если испанка решилась прибегнуть к его помощи.

Итак, не давая себе времени даже на размышления, он поспешно приготовился к экспедиции.

Прежде всего надо было поспеть в Картахену, а там уже и решать, что предпринять.

Вполне возможно, обстоятельства сложатся так, что он составит план действий сообразно с ними.

Медвежонок Железная Голова много выстрадал и потому веровал.

Он надеялся.

На что именно — он не смог бы сказать; он надеялся, пожалуй, на невозможное...

Впрочем, не так ли всегда бывает в любви?

Не признаваясь в том самому себе, капитан любил.

Он безумно любил девушку, виденную мельком, одно мгновение, но чей образ навеки запечатлелся в его сердце.

Вся его жизнь сосредоточилась в этой страсти, сила которой пугала его и очевидная недоступность которой — увы! — приводила в бешенство.

И тем не менее, повторяем, он надеялся!

Сообразно с этим и действовал.

Но так как таинственные приготовления в поход наделали шуму в Пор-Марго, то он решил прекратить все пересуды и заставить замолчать всех сеющих более или менее нелепые слухи по поводу экспедиции.

Существовало лишь одно действенное средство закрыть рот болтунам — это дать им пищу.

На том Медвежонок и остановился. Впоследствии он имел достаточно веский повод радоваться, что принял такую меру.

Была пятница.

Медвежонок пригласил вожakov флибустьеров на большой пир, имея в виду немедленно по его окончании сняться с якоря.

Вот почему, как мы говорили в начале этого правдивого рассказа, 13-го сентября 16... года в «Сорванном якоря» устраивался кутеж на флибустьерский лад, то есть до победного конца.

А теперь, когда мы изложили во всех подробностях более или менее значительные факты, которые предшествовали разгульному пиру, мы приступим к продолжению нашего повествования с того самого места, где прервали его.

ГЛАВА VI. Как «Задорный» снялся с якоря и какой договор о разделе добычи капитан Медвежонок Железная Голова заставил экипаж скрепить присягой

Гости отдавали должное яствам; стаканы то и дело звенели; веселые речи не умолкали с одного конца стола до другого; песни и смех покрывали отдельные разговоры, и порой блюдо или пустая бутылка, пущенные в окно, разбивались, падая посреди толпы, собравшейся вокруг дома и приветствовавшей это падение с неистовым хохотом.

Однако благодаря присутствию д'Ожерона пир не выходил за известные рамки приличия. Правда, некоторые флибустьеры уже скатились под стол и храпели там, словно трубы органа, но их падение осталось незамеченным; они тихо, без шума и скандала соскользнули со своих мест, а их соседи только воспользовались свободным местом, чтобы раздвинуть стулья и расположиться удобнее.

Лишь некоторые из виднейших флибустьеров сохранили полное хладнокровие; это были, не считая губернатора д'Ожерона, Монбар, Тихий Ветерок, Польшэ, Мигель Баск и Медвежонок Железная Голова, который, кроме воды, ничего в рот не брал. Но капитан давно слыл среди пиратской вольницы большим оригиналом, и это нарушение флибустьерских обычаев было терпимо тем охотнее, что хотя сам он не пил, но другим не мешал, а, напротив, усердно потчевал их напитками.

Как известно, сильнее всего возбуждают жажду разговоры, и одному Богу ведомо, вдоволь ли натолковались Береговые братья. Временами все вдруг принимались говорить разом, не обращая никакого внимания на ответы. К тому же в этот вечер собиралась гроза, воздух был тяжел и насыщен электричеством, жар томителен; сколько предлогов для того, чтобы осушить очередной бокал, если бы пьющие нуждались в оправдании!

— Слушай, пропасть вас возьми! — вдруг крикнул Прекрасный Лоран, поднимая стакан, полный до краев. — Да слушайте же, братья! Я пью за здоровье капитана Медвежонка Железная Голова и за успех его предприятия! Черт возьми того, кто не ответит на мой тост!

— За здоровье капитана Медвежонка Железная Голова! — вскричали в

один голос все флибустьеры без исключения — разумеется, кроме тех, кто свалился под стол.

— И пусть он встретит на пути галионы вице-короля Новой Испании! — весело прибавил Монбар Губитель в виде заключения.

— За его скорое и благополучное возвращение к нам! — улыбаясь, сказал губернатор и поднес стакан к губам.

Капитан Медвежонок Железная Голова уже несколько минут казался погруженным в глубокие размышления. Однако, услышав добрые пожелания друзей, он поднял голову; его бледное лицо озарилось добродушной улыбкой и, схватив стакан, он вскричал:

— Французского вина! Не водой отвечу я на пожелания моих товарищей!

— Bravo! Да здравствует Медвежонок! — воскликнули флибустьеры, радостно захлопав в ладоши при этом неожиданном заявлении, которое шло вразрез с привычками капитана.

Вино подали и разлили по стаканам. Капитан встал и поклонился вокруг.

— Братья! — сказал он громким голосом. — Ответьте на мой тост. За успехи флибустьерства!

— За успехи флибустьерства! — повторили гости.

— Постойте, — продолжал капитан, снова протягивая стакан, чтобы наполнить его, — за Францию, нашу общую родину, и за свободу на морях, когда нам отказывают в ней на земле!

Этот тост принят был с исступленными криками восторга.

— А теперь, — продолжал капитан, разбив стакан об стол, — пить я больше не стану. Братья, простимся: пробил час разлуки, я отправляюсь. Через месяц я вернусь назад. Если этого не произойдет — значит, я мертв.

— Зачем такие мысли в подобную минуту, любезный капитан? — остановил его д'Ожерон.

Медвежонок грустно покачал головой.

— Действительно, я не прав, выражая печальные мысли. Не так должен кончиться веселый пир. Простите, братья! Я ставлю жизнь на карту, все против меня, и в минуту разлуки, быть может вечной, мысль о нашей братской дружбе раздирает мое сердце, хотя решения моего не поколеблет.

— Зачем уезжать сегодня? — вскричал Монбар.

— Тринадцатого и в пятницу! — задумчиво прибавил Тихий Ветерок.

— Подожди до завтра. Медвежонок! — закричали флибустьеры. — Подожди, брат; стоит ли испытывать терпение Всевышнего!

— Вот-вот разразится гроза, — заметил Прекрасный Лоран.

— Все вы правы, друзья, — ответил капитан твердым голосом, — но, к несчастью, я на это могу сказать только одно: так надо!

— Если так, мы будем молчать, капитан, — сказал д'Ожерон, — вы из тех людей, которых ничто не заставит отступить, когда речь идет о долге. Не без причины, — весело прибавил он, — вас прозвали Железной Головой. Но мы с вами не расстанемся вот так, а проводим до пристани.

— Да, да! — вскричали флибустьеры с рукоплесканиями. — На пристань!

— Благодарю, братья, и соглашаюсь, — просто ответил Медвежонок. Он встал.

Все Береговые братья последовали его примеру.

Флибустьеры вышли из гостиницы «Сорванный якорь» и направились к пристани, медленно шествуя между двух рядов обывателей, увлеченных общим чувством воодушевления.

Достигли пристани.

Шлюпка с десятью гребцами качалась на волнах у пристани.

Начались прощания.

Капитан Железная Голова и Польшэ в последний раз пожали руку д'Ожерону и предводителям флибустьеров, между тем как Александр, слуга Медвежонка, сводил в шлюпку собак и кабанов, верных спутников капитана. Умные животные вмиг улеглись под скамьями.

Медвежонок и Польшэ сели в шлюпку и отчалили.

Ветер был свежий, море — беспокойно; несколько тучек быстро скользили по синему небу, испещренному яркими, как бриллиантовая пыль, звездами; от почти полной луны исходило бледное сияние.

Гребцы, нагнувшись над веслами, менее чем за четверть часа преодолели расстояние до корабля, стоявшего на большом рейде.

Со шканцев шлюпку окликнул и узнал вахтенный, и она пристала к кораблю со стороны штирборта.

Пьер Легран, лейтенант фрегата, почтительно ждал своего командира у самого трапа, а когда тот поднялся, немедленно скомандовал, чтобы ему отдали честь.

Едва Медвежонок ступил на палубу своего корабля, как осмотрелся вокруг пытливым взглядом, потом задумчиво поглядел на городские огни и спросил:

— Мы готовы?

— Все готово, — ответил Пьер Легран.

Капитан поднялся на шканцы, с минуту изучал небосклон и, приложив к губам рупор, скомандовал могучим голосом, слышным во всех уголках

корабля:

— По местам!

Словно по волшебству появились из всех люков загорелые, выразительные лица матросов, которые мигом очутились на палубе и покрыли бегучие снасти.

По команде десятки людей налегли на рукоятки брашпиля и разом освободили якорь.

Команда за командой были исполнены с необычайным искусством и быстротой.

Судно величественно повернулось и заскользило по волнам.

Тогда капитан спустился вниз и передал рупор своему лейтенанту.

Спустя двадцать минут флибустьерское судно рассекало мрак, словно призрак.

Хотя в открытом море ветер был свеж, однако не настолько, чтоб нельзя было им воспользоваться. Судно легко шло под несколькими парусами.

Свисток созвал экипаж на молитву.

Флибустьеры отличались особой богомольностью. Общая молитва происходила на их судах утром и вечером; лейтенант читал ее, а матросы повторяли за ним. Нередко флибустьеры с пением псалмов, как тигры, схватывались с неприятельскими судами на абордаж.

Этот удивительный обычай стоит отметить, когда речь идет о подобных людях.

Через час наверху не было никого, кроме вахты, весь экипаж спал с той беспечностью, которая составляет отличительную черту моряков.

Судно Медвежонка Железная Голова представляло собой фрегат водоизмещением в тысячу восемьсот тонн, всего год назад спущенное с верфи Эль-Фьероля.

Испанцы, снабдив его тридцатью пушками и экипажем из пяти сотен человек, послали судно в Мексиканский залив для прикрытия проходящих галионов.

Называлось оно «Сан-Хосе», имело корпус с изящными обводами, сидело в воде не глубоко, легко управлялось и отличалось быстротой хода.

К несчастью для «Сан-Хосе», не успел он достичь Антильского моря, как в одну прекрасную ночь его захватили врасплох на абордаж, почти без сопротивления, пять флибустьерских плоскодонок под командой Медвежонка.

Испанский капитан и его штаб попытались было обороняться, хотя сопротивление представлялось немыслимым, и поплатились жизнью: их

повесили на мачтах, корабль отвели в Пор-Марго, а матросов продали колонистам и буканьерам.

Разделив между товарищами причитавшуюся им долю взятого приза, Медвежонок купил для себя «Сан-Хосе», тотчас переименовал его в «Задорный» — название во всех отношениях подходящее судну, такому легкому на ходу, стройному, красивому и кокетливо выкрашенному.

С тех пор как «Задорный» сменил владельца, он в четвертый раз выходил в море.

Часам к двум капитан опять поднялся на шканцы.

Ветер немного стих.

Медвежонок шепнул несколько слов вахтенному.

Это был Польшэ, такой же добрый моряк, как и смелый буканьер.

Польшэ велел поднять по зажженному фонарю на верхушку каждой мачты, еще один — на гафель и убрать грот-марсель.

Фрегат замедлил ход.

Флибустьеры находились не более чем в пяти или шести кабельтовых² от берега, вдоль которого шли все время по выходе из Пор-Марго и который был ясно виден благодаря светлой ночи.

Прошло с полчаса.

Капитан расхаживал по юту, склонив голову на грудь, заложив руки за спину и погружившись в глубокие размышления.

— Капитан, — почтительно сказал Польшэ, так как дисциплина строго соблюдалась на флибустьерских судах, — я вижу огни с левого борта.

— Сколько?

— Четыре.

— Все верно. Быть наготове, бросить швартовы, когда пирога подойдут и ответят на оклик.

Польшэ поднялся на шканцы, не потребовав объяснения.

Прошло еще минут двадцать; огни быстро приближались к «Задорному», и теперь уже легко было различить подходящие лодки.

— Эй! На корабле! — крикнул сильный голос.

— Кто вы? — крикнул в ответ Польшэ. — Что вам надо?

— Береговые братья! — окликнул прежний голос. — Мы идем к «Задорному».

— Кто вами командует?

— Олоне.

При этом знаменитом среди флибустьеров имени вахтенные встрепенулись.

— Причаливайте! — продолжал Польшэ.

Бросили швартов, который, так сказать, подхватили на лету, и двести пятьдесят с ног до головы вооруженных флибустьеров с проворством обезьян взобрались по бокам «Задорного», цепляясь за что попало, и мигом очутились на палубе, не заботясь о пирогах, которые унесло течение.

— Вот и я! — просто сказал Олоне Медвежонку.

— Благодарю, брат! — ответил тот, дружески пожимая ему руку. — Ты держишь слово; впрочем, как видишь, я ждал тебя. Там ничего не подозревают?

— Ничего.

— И д'Ожерон тоже?

— И тени сомнения не испытывает.

— Очень хорошо! Чем безумнее наше предприятие, тем строже следует хранить его в тайне. Уверен ли ты в своих людях?

— Как в себе самом; я выбирал их по одиночке; будь спокоен, самый тихий из нас — суций дьявол во плоти.

— Славно! Ребята, — прибавил капитан, возвысив голос и обращаясь к вновь прибывшим, столпившимся на шкафуте бакборта, — располагайтесь между пушками и в шлюпках и выпитесь; часа через три рассветет. Тогда мы и потолкуем.

Флибустьеры молча отошли и как истые моряки в несколько минут расположились для ночлега, кто в шлюпках, кто на носу, но так, чтобы не мешать производить необходимые маневры.

«Задорный» уже снова шел.

— Пойдем, матрос! — сказал Медвежонок Олоне. — Мне надо поговорить с тобой.

Оба спустились в каюту, где заперлись и шепотом обсуждали что-то более часа.

Потом Медвежонок пожелал товарищу доброй ночи и бросился, не раздеваясь, на свою койку. Что же касается Олоне, то он просто растянулся на полу и закутался в свой плащ. Спустя короткое время оба приятеля спали мертвым сном.

В половине пятого взошло солнце. Ночью ветер все свежел; море было бурное, по нему ходили глубокие волны. Земля вдали казалась одним голубоватым облачком.

«Задорный» сильно раскачивало с боку на бок, хотя почти все паруса были убраны.

Тем не менее фрегат шел быстро.

Капитан поднялся на палубу в сопровождении некоторых самых близких приятелей, как например Олоне, Польтэ и своего любимого слуги

Александра.

Пьер Легран в качестве лейтенанта нес вахту с четырех часов утра.

Внимательно поглядев на компас и осмотрев мачты, капитан подошел к своему лейтенанту и сказал что-то шепотом.

Лейтенант кивнул головой и, приставив свисток к губам, нагнулся над большим люком и крикнул громовым голосом:

— Все наверх!

Через пять минут экипаж, неподвижный и безмолвный, выстроился по шкафутам, приставив ружья к ноге и устремив взгляд на командира, который стоял, скрестив руки, немного позади большой мачты.

Эти люди с загорелыми и энергичными безмятежными лицами представляли странное зрелище на корабле, который сердитое море перебрасывало с боку на бок.

Наивная простота и скромные размеры их костюмов еще более способствовали поразительно живописному характеру этой необычайной сцены. Их одеяние состояло из рубашки и коротких штанов, доходящих до колен. Присмотревшись к этой одежде, можно было заметить, что она некогда была сшита из холста, теперь пропитанного кровью и жиром настолько, что сделалась непромокаемой.

У одних торчали взъерошенные волосы из-под тульи шляпы с обрезанными вокруг полями, кроме переда, где ими заменялся козырек; другие носили волосы перевязанными. Все были с бородами, и некоторые — даже с очень длинными.

Каждый авантюрист носил на поясе с одного боку топор и короткую прямую саблю с широким лезвием, называемую *бычьим языком*, мешочек с пулями и рог, набитый порохом; с другого же боку висели ножны из крокодиловой кожи с четырьмя ножами и штыком; сверх того у каждого было по ружью, как сказано выше, и через плечо надето по скатанному куску тонкого холста для палаток на случай, если придется располагаться лагерем.

Ружья этих людей заслуживают отдельного описания: они изготовлялись во Франции исключительно для авантюристов, у Бражи в Дьеппе и Желена в Нанте. Дуло их имело четыре с половиной фута длины; приклад почти прямой, массивный и весь в серебряных украшениях. Эти ружья били чрезвычайно метко, особенно в руках буканьеров, которые славились своим искусством в стрельбе.

Капитан стал на свое место на шканцах и движением руки подозвал флибустьеров подойти ближе.

Это приказание было исполнено в величайшем порядке.

Резким и продолжительным свистком дали знать, что требуется молчание.

Капитан Железная Голова снял шляпу, поклонился Береговым братьям и заговорил. Его голос, спокойный, отчетливый и звучный, раздался среди свиста ветра в снастях и глухого рева разъяренных волн, ударявшихся о бока корабля.

Собаки и кабаны, неразлучные спутники капитана, лежали у его ног, не обращая внимания на качку и глядя на авантюристов наивно грустным взглядом, который Господь вложил в глаза животных, созданных жить с человеком или для него, как безмолвный и невольный укор его жестокости по отношению к ним.

Медвежонок провел рукой по лбу и гордо вскинул голову.

— Береговые братья, — начал он, окинув присутствующих молниеносным взглядом, — мы старые знакомые, среди вас нет ни одного, кто не плавал бы со мной. Итак, вам известно, кто я, на что я способен. Едва ступив на эту палубу, вы уже, вероятно, знали, что я поведу вас на завоевание, которое умеют замышлять и приводить в исполнение одни только обитатели Черепашьего острова! Вы не ошиблись, братья, эта экспедиция, говоря откровенно, самая безумная, самая отчаянная из всех, когда-либо до сих пор предпринимаемых флибустьерами. Словом, мы идем к испанцам в их сильнейшее убежище, идем похитить у них галионы в порту, который они в своей надменности считают неприступным, потому что нам еще не приходила мысль завладеть им! Братья! Мы идем в Картахену!

— В Картахену! В Картахену! Да здравствуют Медвежонок Железная Голова! — вскричали флибустьеры, восторженно размахивая оружием.

— Я не стану говорить, — продолжал капитан, — о бесчисленных преградах, которые нам предстоит побороть; о тех опасностях, которые подстерегают нас на каждом шагу! Какое нам дело! Мы Береговые братья! Ястребы с Черепахи! Мы победим!

— Да, да, победим! — неистово закричали флибустьеры в порыве восторга от надменных слов, значение которых вес отлично понимали.

— Разумеется, — продолжал капитан с убийственной иронией, — я легко мог бы последовать примеру Моргана во время его экспедиции в Пуэрто-Бельо⁸ и снарядить эскадру; но гуси летают стаями, орел же всегда один. И мы одни исполним нашу задачу! Неприятель ничего не подозревает и будет поражен как громовым ударом. Он падет, не успев даже подумать о защите!

— Да здравствует Медвежонок Железная Голова! — снова перебили

флибустьеры с восторженностью, доходившей до исступления.

— Но вам известно, — продолжал капитан, — что чем экспедиция славнее, тем больше опасности и тем строже должна быть дисциплина. Я составил договор о разделе добычи, выслушайте его внимательно; я потребую вашей подписи.

— Договор! Скорее договор! — заволновался экипаж. Капитан вынул из кармана сложенную вчетверо бумагу, жестом потребовал тишины, развернул лист и стал читать:

Пункт первый. Все Береговые братья, находящиеся на фрегате «Задорный», клянутся капитану Медвежонку Железная Голова, возглавляющему экспедицию, и офицерам его штаба в безусловном повиновении под страхом смерти.

— Клянемся! — вскричал экипаж в один голос.

Пункт второй. Капитан оставляет за собой исключительное право назначать офицеров, которые будут находиться под его командой, вплоть до боцмана и констаеля⁹.

— Клянемся!

Пункт третий. Кто сорвет неприятельский флаг с крепости и заменит его трехцветным флагом флибустьеров, получит, помимо своей доли, пятьдесят пиастров.

— Клянемся!

Пункт четвертый. Кто захватит пленника, когда понадобятся известия о неприятеле, получит, помимо своей доли, сто пиастров; гренадеры за каждую брошенную в форт гранату получают по сто пиастров; тот, кто возьмет в плен неприятельского штаб-офицера, получит двести пиастров.

— Клянемся!

Пункт пятый. Капитан имеет право на одного пленника из ста, остальные командиры — по одному из двухсот. Королю поступит десятая часть всей добычи, другая десятая доля будет отложена для вдов и сирот Береговых братьев, убитых во время экспедиции.

— Клянемся!

— Теперь же, братья, о том, что касается изувеченных и раненых. Для них будет отделено вознаграждение до раздела добычи.

— Bravo! Да здравствует капитан! Послушаем, послушаем! — вскричали флибустьеры, сильно заинтересованные этим последним пунктом.

Пункт шестой. Кто лишится обеих ног, получит тысячу пятьсот пиастров или пятнадцать невольников, по желанию; за потерю обеих рук

— тысячу восемьсот пиастров или восемнадцать невольников; за потерю одной ноги, все равно какой, правой или левой, — пятьсот пиастров или пять невольников; за одну руку или кисть руки одинаковое вознаграждение — пятьсот пиастров или пять невольников; за глаз — сто пиастров или невольника; за оба глаза — две тысячи пиастров или двадцать невольников, за палец — сто пиастров или невольника. У кого будет изувечена рука или нога, тот получит такое же вознаграждение, как за потерю конечности, если бы ее оторвало или ампутировал хирург. Тому, кто получит опасную рану на теле, куда бы то ни было, причитается пятьсот пиастров или пять невольников.¹⁰

— Это хорошо! — одобрили флибустьеры. — Капитан подумал обо всем. Да здравствует Медвежонок Железная Голова.

— Итак, весь договор принят? — спросил капитан.

— Принят и скреплен присягой, — весело вскричали авантюристы.

— Так слушайте же теперь, братья, — продолжал капитан, — кого я назначил себе помощниками, уделив им часть своей власти; надеюсь, что мой выбор будет вам приятен.

Тишина водворилась мгновенно, как бы по волшебству.

— Старшим капитаном на «Задорном» — продолжал Медвежонок, — назначается Пьер Легран; младшим капитаном — Давид; старшим лейтенантом — Олоне; младшим лейтенантом — Польшэ; боцманом — Александр, а констапелем — Данник. Клянётесь ли вы повиноваться этим офицерам?

— Клянемся.

— Теперь же, братья, назначьте сами своих унтер-офицеров, шкиперов, подшкиперов и штурманов; сойдите по матросским правилам и разделитесь на две команды. С этой минуты я объявляю экспедицию начатой. Как только кончатся ваши выборы, корабельный писарь придет с договором за вашими подписями. Ступайте.

Экипаж немедленно перешел на бак и приступил к выборам со спокойствием и хладнокровием, которого никак нельзя было ожидать от подобных людей, но которые доказывали, насколько они сознавали важность того, что им поручили.

Один капитан с своим штабом оставался на юте. Было восемь часов утра, рулевой пробил восемь склянок; Давид стал на вахту.

— Братья, — обратился Медвежонок к своим помощникам, — сделайте мне честь позавтракать со мной. Мы поговорим, я сообщу вам свой план захвата Картахены, и мы обсудим его за стаканом вина.

Флибустьеры почтительно поклонились и спустились за ним в кают-

компанию, где уже накрыли стол.

Ветер все свежел и превращался в настоящий ураган, но никто на «Задорном» не обращал на это внимания.

Медвежонок и его помощники были люди не того закала, чтобы тревожиться насчет большей или меньшей силы ветра.

«Задорный» был новым судном, построенным со всем тщанием, которое испанцы в те времена прилагали к постройке кораблей всех типов. В ту эпоху французский флот существовал как бы только по имени; Кольбер едва приступал к сооружению судов, которые впоследствии приобрели такую грозную славу. Английский флот, правда, уже существовал, но был далеко не так велик и хорошо оснащен, как испанский, который наравне с голландским флотом считался лучшим во всем свете, во-первых, по числу судов и, во-вторых, по их вооружению и несомненным мореходным качествам.

Фрегат «Задорный», прекрасно оснащенный, отличавшийся прочностью постройки, которым можно было управлять, как лошадью, разумеется, не боялся даже достаточно сильного шквала. Стало быть, не стоило обращать внимания на расходившийся свежий ветер.

Капитан сел на почетное место, и его штаб расположился вокруг стола, на котором стоял завтрак.

Храбрые флибустьеры буквально умирали с голоду; они не ели еще после достопамятного пира в «Сорванном якорю». Разнообразные хлопоты заняли все их время, и они не могли выкроить ни минуты, чтобы перекусить на скорую руку сухарем с рюмкой водки.

Ели и пили, весело толкуя обо всем, что так или иначе касалось общих интересов. Потом, когда голод наконец был утолен, на стол поставили бутылки с ромом, задымились трубки, и разговор незаметно принял более серьезный характер.

— Красива ли Картахена? — поинтересовался Олоне.

— Говорят, — ответил Медвежонок, — но сам я там не бывал и потому не могу сказать ничего определенного.

— Думаю, — засмеялся Олоне, — что мало кто из нас мог видеть его.

— Испанцы так ревниво оберегают свои колонии, — заметил Польтэ, — что попасть к ним можно только с оружием в руках.

— Что касается меня, — возразил с улыбкой Пьер Легран, — то подобный способ меня устраивает: это выгодно.

— У тебя губа не дура! — вскричал Олоне, захохотав во все горло. — Признаться, я все спрашиваю себя, зачем Медвежонок, затеяв экспедицию, среди всех испанских городов предпочел именно Картахену.

— Ты ничего в этом не смыслишь, — откликнулся Польшэ, украдкой значительно переглянувшись с Медвежонок, — а понять-то как легко!

— Ты находишь?

— Причина лежит на поверхности, ей-Богу!

— Так скажи, в чем дело.

— Охотно; впрочем, если я ошибаюсь, Медвежонок тут налицо и может исправить мою ошибку.

— Говори, брат, — сказал капитан.

— Да, мы слушаем.

— Да тут и слушать-то придется недолго, — засмеялся Польшэ.

— Да ну же, болтун.

— Вот, в двух словах, в чем дело: все города на материковом побережье нами более или менее исследованы, то есть они были взяты и преданы огню и мечу; уцелели лишь немногие.

— Мне очень нравится выражение «исследованы», — воскликнул со смехом Пьер Легран.

— Не правда ли, удачно? Ну так вот, эти города, а их не более десятка, до сих пор оставались в пренебрежении или потому что очень бедны и, как говорится у нас на родине, игра не стоит свеч, или потому, что слынут сильно укрепленными, а мы, следовательно, не посмели бы не то чтобы подойти к ним, — трудного тут ничего нет, — но положить на них лапу, что было бы небезопасно. Абсолютно неприступными из них слынут два-три. Монбар и Морган взяли Маракайбо, Пуэрто-Бельо, Панаму — да и кто перечтет все наши безумно отважные экспедиции! Медвежонок славный товарищ, это бесспорно. Тем не менее эти образцовые подвиги, задуманные и с искусством исполненные нашими братьями, в душе огорчают его; не то чтобы он завидовал им, но слава Монбара, Моргана, Прекрасного Лорана и многих других наших братьев ему покоя не дает, и он также задумал одну из тех экспедиций, которые приводят в ужас наших врагов и доставляют их богатства в наши руки. Город, слывающий самым грозным из всех, еще не тронутых нами, — это Картахена. Разумеется, Медвежонок выбрал ее. Четыре дня тому назад он явился на равнину, где я охотился.

— «Хочу затеять экспедицию», — заявил он мне.

— «Что ж, черт возьми! — ответил я, как поступил бы каждый из вас. — Куда мы отправимся?»

— «В Картахену».

— «В Картахену, так в Картахену».

И я без дальнейших рассуждений последовал за ним.

— Да и нужды в них не было, — заметил Олоне.

— Само собой, и так довольно сказано, — прибавил Пьер Легран.

— Вот таким-то образом, братья, мы теперь и оказались на пути к Картахене. Не прав ли я, Медвежонок?

— Это совершенно справедливо, — с улыбкой согласился капитан.

Объяснение показалось простым и ясным, в особенности же логичным людям, которые и без повода всегда готовы были напасть на испанцев.

— Братья, — сказал Медвежонок спустя минуту, — прежде чем разойтись, я бы хотел посоветоваться с вами о важной мере, к которой следует прибегнуть незамедлительно.

Тотчас же воцарилось безмолвие.

— Мы слушаем вас, капитан, — сказал Польшэ.

— Вот в чем дело, господа, — продолжал капитан, — наши сборы были так поспешны, что на каждого участника экспедиции приходится всего по три фунта муки и пять фунтов вяленой говядины. Склады в Пор-Марго были снабжены так скудно и торговцы заламывали такие цены, что я был вынужден отказаться от всяких переговоров с ними. Итак, съестных припасов мы не имеем вовсе, ни мяса, ни сухарей, ни водки, ни вина. У нас есть только вода и громадный запас пороха, пуль и ядер. Прежде всего надо принять меры против подобного положения вещей, которое повлекло бы за собой большие затруднения. К тому же нам необходимо найти проводника, который знал бы Картахену и мог указать нам уязвимые места в обороне испанцев. Какое мнение у вас на сей счет?

— Что ж, — вскричал Олоне, — нам нужны съестные припасы, нужен и проводник, а для достижения этого я вижу одно только средство.

— Какое?

— Взять их там, где мы наверняка найдем и то и другое, черт побери! Нас ждет лишь одно затруднение: выбрать, куда отправится. Мне кажется, поскольку теперь мы идем близ испанских островов, которые все до единого богаты и в изобилии снабжены припасами, остается пойти прямо к ближайшему населенному пункту, захватить его и взять выкуп. По-моему, это нетрудно.

— Олоне прав, — подтвердил Польшэ, — мы можем высадиться на берег самого Санто-Доминго; там нет недостатка в деревушках и селениях, где мы легко получим все, в чем испытываем нужду.

— Нет, это задержит нас, — заметил Медвежонок, — нам следует терять как можно меньше времени. Соображения Олоне я разделяю. Я уже думал о высадке на остров, но не хотел принимать этого решения, не узнав предварительно, что вы на это скажете.

— Ваше мнение всегда будет и нашим, капитан, — ответили в один голос присутствующие.

— Ближайший остров по ходу судна — Куба, — напомнил Польшэ.

— Гм! — задумался Олоне. — Кусочек этот переварить не так-то легко.

— И думать нечего, — подтвердил Польшэ.

— Кто знает! — заметил Медвежонок.

— Что такое? — вскричали флибустьеры с изумлением.

— Дерзость нашего нападения упрочит его успех, — продолжал командир, — внезапность нашей высадки — верный залог победы. Когда испанцы опомнятся от изумления, мы будем уже далеко и ограждены от их мести. Выслушайте меня внимательно: на Кубе в сущности всего один значительный город, Гавана; в нем теперь от шести до восьми тысяч жителей; множество селений, разбросанных вдоль берега, скорее рыбацкие деревушки и не в состоянии устоять, если ловко захватить их врасплох. Часа через четыре мы переправим на лодках съестные припасы, в которых нуждаемся, и уйдем на всех парусах. Полагаетесь ли вы на меня?

— Еще бы! — вскричали в один голос флибустьеры.

— Так предоставьте мне действовать по собственному усмотрению, и мы добьемся успеха.

— Ты волен поступать как тебе заблагорассудится, мы полагаемся на тебя, как ты можешь рассчитывать на нас, — ответил Польшэ, — приказывай и не сомневайся: твои приказания будут исполнены.

— Хорошо, теперь разойдемся. Этот день мы посвятим отдыху, так как высадку я назначаю на три часа ночи. Завтра днем, ручаюсь вам, съестных припасов у нас будет в изобилие. Пьер Легран, ветер как будто стих; прикажи ставить все паруса, какие только можно поставить, не рискуя лишиться мачт.

Пьер Легран поднялся на палубу исполнить приказание, и вскоре по более резвому ходу корабля стало понятно, что оно исполнено.

Медвежонок Железная Голова встал.

— Прощайте, братья, — сказал он, — помните, что в три часа ночи все должны быть на ногах.

Спустя пять минут флибустьеры спали мертвым сном.

Ожидание предстоящей опасности несколько не повлияло на их спокойствие и на сон.

Что значила опасность для этих морских львов!

ГЛАВА VII. Каким образом Медвежонок Железная Голова купил у испанцев припасы, в которых нуждался, и как достал себе проводника

Правила вербовки, организации службы и дисциплины для экипажей на флибустьерских судах настолько замечательны, что нельзя обойти молчанием некоторые их подробности. Каждый Береговой брат имел право снарядить экспедицию, если располагал собственным судном какого бы то ни было рода.

Суда эти преимущественно представляли собой большие пироги, иногда — небольшие баркасы; на таких-то утлых челнах эти смельчаки отваживались сцепиться на абордаж с грозными испанскими судами.

Когда задуманная экспедиция была решена, командир барабанным боем и сигналами рожка созывал флибустьеров в какое-нибудь питейное заведение.

Он излагал перед теми, кого хотел завербовать, выгоды предприятия, оговаривал с ними сроки проведения кампании и затем приступал к вербовке.

Каждый матрос должен был подписаться или, если не умел писать — что, однако, случалось редко, — по крайней мере поставить крест под договором, составленным одним из писарей Берегового братства; акт этот вступал в законную силу после того, как его скрепляли своими подписями командир экспедиции и губернатор.

Каждый из вербовавшихся обязывался иметь при себе ружье, топор, прямую саблю, кинжал, пятнадцать зарядов пороха и пуль и палатку для привалов, то есть кусок тонкого полотна, который Береговые братья скатывали и носили, перекинув через плечо на манер перевязи; сверх того они должны были запастись флягой водки, вяленным мясом и мукой на три дня.

Эти условия были строго обязательны.

Едва поступив в число членов экипажа, Береговые братья должны были слепо повиноваться своим командирам и оказывать им величайшее уважение.

Это требовалось даже в том случае, если командиры были их

подчиненными в предыдущей экспедиции.

Нередко случалось, что тот, кто был вчера капитаном, назавтра становился простым матросом; это зависело от того, как он распоряжался своей долей добычи и, следовательно, от его средств к существованию.

Дисциплина на кораблях поддерживалась с неумолимой строгостью.

Только два наказания и существовало:

Опускание с реи до поверхности воды

Смерть.

Эти два наказания в сущности составляли одно и то же, только под разными названиями.

Были случаи, что опускание с реи не приводило к смерти, но оканчивалось серьезным увечьем.

Попав на корабль, завербованные обязывались немедленно выбрать себе товарища и вступить с ним в матросский союз. Состоял он в следующем.

Когда матрос стоял на вахте, его товарищ отдыхал или был занят общим хозяйством, то есть стряпал или чистил оружие. В случае болезни своего брата-матроса он ухаживал за ним и даже, если нужно, заменял его на службе.

На суше братья-матросы шли рядом, помогали друг другу во время пути и охотились поочередно для добывания пищи. Если одного ранили, другой не только не мог бросить товарища, но должен был оказывать ему всякую помощь, нести на себе к перевязочному пункту и заботиться о нем во всех отношениях, а также не бросать его оружие и боевые припасы, пока он не возвратится в строй, и сверх того в сражении защищать его, даже с риском для собственной жизни.

Эти братские союзы, скрепленные опасностями и лишениями, имели ту выгоду, что утраивали силу войска и делали его непобедимым. Они почти всегда становились нерасторжимыми. Даже по смерти одного из товарищей оставшийся в живых продолжал заботиться о детях умершего и нередко доводил самоотвержение до того, что вступал в брак с вдовой, которой никогда не видывал и вовсе не любил, только для того, чтобы сироты имели отца.

Вот в чем состояли братские союзы матросов у буканьеров; обычай этот почти без изменений сохранился до нашего времени на французском флоте. Сознывая всю пользу этих союзов и понимая, насколько дисциплина выигрывает от них, офицеры тщательно поддерживают и всячески поощряют на казенных кораблях подобные союзы.

Но вообще это явление гораздо более распространено и пустило

глубокие корни на кораблях купеческих, потому что там матросы знают друг друга с детства, почти всегда будучи родом из одного края и, так сказать, всю жизнь прожив вместе.

Предводители экспедиции обязаны были иметь на корабле хирурга, если численность экипажа превышала тридцать пять человек.

Этим хирургом почти всегда был несчастный ученик фельдшера или бывший помощник провизора в аптеке, который ровно ничего не смыслил в медицине и все познания которого заключались в медицинской книге, куда он изредка заглядывал, прописывал лекарства и вкривь и вкось, нисколько не заботясь, что из этого выйдет, со всей уверенностью опытного хирурга кромсал и отнимал конечности у несчастных людей, которых роковая судьба приводила в его руки и которые одним чудом спасались от такого оригинального и немилосердного лечения.

Флибустьеры страшно боялись этих хирургов и предпочитали скорее дать убить себя, чем подвергаться их лечению с далеко не надежной перспективой сохранить жизнь.

Раздел добычи обычно происходил по возвращении судна или на Тортугу, или в Леоган, или в Пор-де-Пе, или в Пор-Марго, в присутствии губернатора и агента Вест-Индской компании.

Приступали к нему следующим образом. Сперва отделяли от общей суммы добычи часть короля, что составляло десятую долю, потом — долю убитых, которую губернатор был обязан раздать кому следовало. И уже затем происходил дележ согласно условиям договора, подписанного перед отплытием, копия которого хранилась у губернатора.

Добыча состояла из драгоценных камней, золотых и серебряных изделий, более или менее дорогих тканей и товаров, например пряностей, и, наконец, невольников, мужчин и женщин, захваченных во время экспедиции. Даже испанские священники и монахи не были ограждены от общего удела, несмотря на свое звание.

Обычно этим несчастным давали определенный срок, чтобы выкупиться.

Выкуп назначался втрое против суммы, за которую пленники уходили к своим хозяевам, всегда либо местным колонистам, либо буканьерам, то есть охотникам.

По окончании раздела флибустьеры часто не знали, как превратить в деньги драгоценности, выпавшие на их долю; тут они попадали в руки низких спекулянтов, которыми кишмя кишело в тех краях и которые скупали все их имущество за треть, а нередко и за четверть настоящей цены.

Тогда начинались оргии, не прекращавшиеся, пока флибустьеры не истратят или, вернее, не прокутят всё до последнего реала.

Когда у них ничего больше не оставалось, они весело отправлялись в новую экспедицию, результат которой был всегда одним и тем же.

Что им было до того, когда для них существовало одно только настоящее! Они чувствовали себя счастливыми.

Разве не были они правы?

Весьма может быть.

Вот каким простым и в то же время могучим устройством отличался союз Береговых братьев, когда, по их выражению, они ходили *добывать испанца*.

Этому-то устройству они были обязаны своими успехами и необычайными подвигами.

В три часа ночи, когда рулевой бил шесть склянок, Медвежонок вышел на палубу.

Все назначенные им офицеры уже ждали его.

Командир осмотрелся вокруг. Ночь была светлая; довольно крупная зыбь ходила по морю, ветер еще не стих. Впереди справа возвышалась темная масса, к которой фрегат быстро приближался. Это был остров Куба, берег которого находился не более чем в двух лье.

— Свистать всех наверх! — скомандовал капитан.

Раздался пронзительный свисток боцмана.

Через пять минут все матросы были на палубе около грот-мачты.

Им понадобилось совсем немного времени, чтобы встрепенуться от глубокого сна. Они лежали как попало на средней палубе или около пушек; койка считалась роскошью, непозволительной для флибустьеров.

Командир подозвал к себе шканцы своих помощников.

— Господа, — обратился он к ним, — помните, что не сражаться надо, но захватить врасплох; постараемся обойтись без единого выстрела. Наша главная цель теперь — добыть припасы. Поняли вы?

— Вполне, командир, — последовал ответ.

— Мы идем прямо к гавани Гуантанамо. Там лет двадцать как поселилась колония рыбаков; эти люди богаты и ведут с соседним городом Сантьяго торговлю зерновым хлебом, свининой и вяленым мясом, доставляемым из внутренних земель острова. Итак, там мы найдем все, что нам нужно. Вот каким образом следует приступить к делу: Польшэ и Олоне возьмут каждый по сто пятьдесят человек и опередят фрегат на пирогах с обернутыми ветошью веслами, чтобы подплыть неслышно. Польшэ обойдет деревню справа, а Олоне — слева. Потом вы оба останетесь на своих

местах, зорко наблюдая, чтобы ни один беглец не смог ускользнуть и поднять тревогу в окрестностях. Я войду прямо в гавань. Мы сделаем дело даже прежде, чем испанцы заподозрят наше присутствие. Рассветет только через час; этого времени хватит с избытком, чтобы захватить этих соней в постели. Ступайте, господа.

Раздались слова команды, убрали часть парусов, и фрегат лег в дрейф.

Спустили шесть пирог. В них уселись Олоне и Польшэ со своими людьми, и вскоре лодки скрылись в тени, отбрасываемой высокими прибрежными утесами.

Медвежонок расхаживал большими шагами по юту, то всматриваясь в компас, то оглядывая берег, то окидывая внимательным взглядом снасти.

Протекло около получаса, когда старший капитан Пьер Легран подошел к командиру.

— Что случилось? — спросил тот.

— Часовой на мачте заметил лодочку, которая скользит вдоль берега; я сам в этом удостоверился, командир, и видел ее.

— Возьмите гичку¹¹ с десятью матросами, любезный Пьер Легран, и посмотрите, что бы это было такое; мы сейчас пойдем.

Пьер Легран опять поклонился и ушел. Спустя минуту он уже отчаливал от судна и, так как дул попутный ветер, поднял парус и погнался за примеченной часовым небольшой лодочкой.

Но тут произошло нечто странное: подозрительная лодочка не юркнула наутек, как можно было ожидать, а напротив, повернула назад и пошла прямо на гичку флибустьеров.

Или то была безумная смелость, или крайняя глупость со стороны людей, находившихся в лодочке.

Пьер Легран велел приготовить оружие и все летел вперед под парусом.

Вскоре расстояние между лодками составляло уже не более половины пистолетного выстрела.

Флибустьеры уже изготавились броситься на abordаж, когда увидели, что перед ними всего два противника: белый человек и негр.

Борт лодки зацепили abordажной кошкой.

— Кто вы и куда направляетесь? — спросил Пьер Легран на самом чистом кастильском наречии.

— Я лоцман, ваша милость, — смиренно ответил белый, тогда как негр дрожал всем телом, — увидев вдали большой корабль, я подумал, что к нам идет судно из Сантьяго. Я и вышел тотчас в море, но если ошибся, немедленно вернусь в гавань.

— О нет, черт возьми! — воскликнул молодой человек со смехом, — Напротив, вы не могли явиться более кстати; мы нуждаемся в ваших услугах.

— Но мне кажется, досточтимый господин капитан, что вы не...

— Испанец, — перебил Пьер Легран, — еще бы, черт возьми! Мы флибустьеры, к вашим услугам.

— Господи Иисусе Христе и Пресвятая Дева! — воскликнул лоцман, оторопев и с отчаянием всплеснув руками.

— Успокойтесь, любезнейший, — дружески сказал ему флибустьер, — зла мы вам не причиним, кто знает даже, не счастье ли ваше, что вы нам попались! Эй вы! Четверо в лодку и ждать на веслах приближения «Задорного».

Ожидание продлилось недолго; почти мгновенно их взяли на фрегат. Пьер Легран поднялся на трап вслед за своими пленниками.

Негр был ни жив ни мертв от страха; ничто не могло успокоить его.

Когда молодой человек отдал командиру отчет в том, что произошло, тот подозвал испанца.

— Ты лоцман? — спросил он, глядя ему прямо в глаза.

— Лоцман, ваше превосходительство, — смиренно сказал пленник, — не только на море, но и на суше, когда понадобится.

— Ага! — с улыбкой отозвался Медвежонок и прибавил: — Можешь ты быть верен?

— Как не мочь, ваша милость!

— Вход в гавань Гуантанамо затруднителен?

— Нисколько, ваша милость, стоит лишь держаться самой середины похода в гавань.

— Город велик?

— Это деревня, ваша милость.

— Очень хорошо. Есть там военные силы?

— Отряд в пятьдесят человек при земляном редуте.

— Черт возьми!

— Но, — поспешил договорить лоцман, — сооружение редута еще не dokonчено и пушки не прибыли из Сантьяго, хотя их ждут с часа на час!

— Тем лучше! Это во многом упрощает дело; как ты полагаешь, заметили наше приближение?

— Наверняка нет, ваша милость; я заметил вас около часу назад, когда все жители спали непробудным сном.

— Так слушай же меня: ты знаешь, кто мы, не правда ли? Берегись, если ты меня обманешь, я вздерну тебя на верхушке мачты, которая над

твоей головой. Если же ты окажешь мне хорошую услугу, то получишь за это десять унций золота. Я никогда не изменяю своему слову. Что же ты выбираешь?

— Десять унций, ваше превосходительство, — с живостью вскричал лоцман, глаза которого заблестели от жадности.

— Хорошо, договорились; теперь принимай управление судном и веди нас в гавань.

Лоцман поклонился и приступил к исполнению того, что ему приказали.

Испанец примирился со своей невольной ошибкой, когда обещанная щедрая награда в десять унций золота превратила его, по крайней мере на время, в приверженца Береговых братьев.

Он с необычайным искусством провел судно по узкому проходу в гавань, и вскоре фрегат был на расстоянии половины пушечного выстрела от деревни, все еще погруженной в глубочайшее безмолвие.

Страшное пробуждение предстояло ей.

Командир фрегата велел бросить якорь и убрать паруса, потом передал командование Пьеру Леграну и съехал на берег, захватив с собой лоцмана.

Три лодки с сотней флибустьеров следовали за командиром.

Пристани достигли в несколько ударов весел.

Из опасения быть захваченными врасплох Медвежонок приказал лодкам, когда все высадились, отплыть и держаться поодаль от берега.

— Какие власти в деревне? — спросил он лоцмана.

— Всего одна, ваша милость: алькальд¹².

— Где он живет?

— В большом доме перед вами.

Большой дом на самом деле был хижинкой, немного менее жалкой, чем остальные.

— Вот и прекрасно, — продолжал Медвежонок, — алькальд этот храбр?

— Не могу сказать вашей милости; знаю только, что это злой скряга, которого все ненавидят; но он племянник губернатора в Сантьяго и потому делает что вздумает.

— Вот тебе на! — вскричал Медвежонок, смеясь. — Уж не призван ли я здесь разыграть роль Провидения? Смешно было бы!

— О! Ваша милость, — вскричал лоцман умоляющим тоном, — весь наш край был бы очень счастлив избавиться от такого изверга; нет ни одного ужасного деяния, которого он не совершал бы ежедневно!

— Неужели? Ну, так я пойду поздороваться с этим достойным

алькальдом; что же касается тебя, то ступай за мной и ничего не бойся.

Дом алькальда стоял в нескольких шагах от берега.

Медвежонок велел окружить его, потом выхватил пистолет из-за пояса и выстрелил в дверной замок, разлетевшийся вдребезги.

Но дверь не отворилась: она была крепко заложена изнутри.

— По-видимому, мы имеем дело с человеком осторожным, — сказал командир экспедиции, вновь заряжая пистолет, — Хватите-ка тут раза два топором!

В то же мгновение настезь распахнули окно, и в нем показалось бледное от испуга лицо человека в ночном одеянии, вооруженного длинным мушкетом.

— А! Мерзавцы! — пронзительно крикнул он. — Убить меня хотите! Пойдите, я вас!

— Заткнуть рот этому крикуну, — холодно сказал Медвежонок.

Выстрелом из ружья мушкет разбило и вышибло из рук алькальда; осколки попадали наземь.

Алькальд буквально нырнул в глубь комнаты.

Выстрелы и удары топором в дверь разбудили жителей, повсюду в домиках робко приотворились двери, и показались бледные, с заспанными глазами лица; однако выйти не осмеливался никто.

Дверь дома алькальда наконец поддалась под учащенными ударами сильного матроса.

— Приведите-ка сюда этого негодяя, — приказал Медвежонок двум флибустьерам, — а вы, — обратился он к остальным, — постройтесь и смотрите в оба.

Алькальд появился полунагой, в рубашке и подштанниках; он дрожал всем телом, скорее от страха, чем от холода, хотя ветер был довольно чувствителен — ночи очень холодны в тех местах. Два матроса, которые вели алькальда, не скупались на удары прикладами, чтобы подгонять его.

— Вы алькальд? — резко спросил Медвежонок.

— Алькальд, — последовал едва слышный ответ хриплым голосом.

— Связать ему руки, а пальцы перевить серными фитилями. При первом моем знаке зажечь фитили.

Приказание было исполнено с быстротой и ловкостью, свидетельствовавшими о долголетнем опыте.

Алькальд понял, в чем дело, и ужас его не знал меры.

— Теперь отвечайте и смотрите, не вздумайте обманывать, а то поплатитесь, — с двусмысленной улыбкой произнес Медвежонок, указывая на его пальцы.

— Спрашивайте, — тотчас отозвался алькальд.

— Ваша деревня в моей власти, вы и все жители — мои пленники. Но у вас есть возможность откупиться.

— Увы! Мы так бедны!

— Быть может, но у вас есть склады съестных припасов. Где они?

— Клянусь спасением души, все склады пусты.

— Где они?

— Там, — указал алькальд на два больших сарая из досок.

— Осмотреть, — коротко приказал Медвежонок. Человек двадцать флибустьеров бросились туда и через четверть часа вернулись с отчетом, что сараи пусты.

— Других нет? — спросил Медвежонок у алькальда.

— Нет, — пробормотал пленник.

— Точно нет?

— Клянусь спасением души...

— Хорошо, хорошо, — перебил капитан, — это мы знаем. Берегись.

— Но клянусь же вам, что нет, — осмелился повторить алькальд, начиная успокаиваться.

Однако вдруг отступил на шаг.

— Это что за дьявол! — вскричал он, увидав лоцмана, который до сих пор скрывался в толпе Береговых братьев.

— Этот человек обманывает вас, ваша милость, — с живостью вскричал лоцман, — и обманывает заведомо.

— То есть?

— Склады пусты, это правда, но это потому, что он захватил, несмотря на протесты законных владельцев, все товары, сложенные в магазинах, и велел перенести их на свой собственный склад, чтобы продать в свою пользу.

— Правда это? — спросил Медвежонок, обращаясь к толпе, стоявшей поодаль.

Когда жители удостоверились, что флибустьеры не имеют злого умысла собственно против них, они понемногу осмелились выйти из своих домов. Скопление народа увеличивалось с каждой минутой.

— Правда, ваша милость, — ответили они в один голос.

— Так этот человек, который должен бы по своему положению служить вам покровителем и защитником, напротив, грабит и притесняет вас?

— По миру пускает, берет все, что мы накопим; если же кто посмеет жаловаться, он тотчас подвергает строптивца пытке.

— Где склады этого человека? Алькальд издал горестный стон.

— Молчать, презренная тварь! — грозно вскричал Медвежонок.

— За его домом, — сказал лоцман, — они набиты битком, ваша милость, не только вяленным мясом, соленой свининой и зерновым хлебом, но и вином и водкой.

— Хорошо, он будет наказан по заслугам. Слушайте все: я мог бы взять с вас выкуп, но не хочу. Мне требуется только ваша помощь, чтобы переправить на мое судно припасы, в которых я нуждаюсь. Но так как люди вы бедные, я не хочу обижать вас, отнимая то, что вам принадлежит. Итак, во-первых, я предоставляю вам ограбить этот дом; во-вторых, вы получите от меня пять тысяч пиастров, которые поделите между собой.

Оглушительные клики радости служили ответом на эту речь. И чуть ли не громче всех кричали солдаты, которые с грозным видом подошли было под командой альфереса, однако, услышав в чем дело, немедленно побросали оружие и разбежались, оставив офицера одного иметь дело с неприятелем.

Альферес был храбрый офицер, трусость солдат возмутила его и вызвала прилив краски к лицу.

С минуту он оставался неподвижен, нахмутив брови и с презрением глядя на своих подчиненных, которые так и рассыпались при слове «грабеж», но его колебания длились всего один миг.

Он гордо поднял голову и подошел твердыми шагами к Медвежонку.

Тот глядел на него с улыбкой на губах.

— Сеньор капитан, или какое бы там ни было у вас звание, кабальеро, — обратился к нему офицер с надменной вежливостью, — я пришел не сдаваться вам.

— Зачем же вы пришли, если так? — спросил Медвежонок, и взгляд его сверкнул.

— Один я не могу оказывать сопротивления, — холодно продолжал альферес, — я пришел заявить от имени Испании решительный протест против невиданного нападения, жертвой которого мы сделались; а шпагу мою... — заключил он, выхватив из ножен и взмахнув ею над головой.

— Пойдите, альферес, — сказал флибустьер, спокойно взяв у него шпагу и вложив опять в ножны, пока офицер стоял неподвижно в сильнейшем изумлении, — вы храбрый воин. Если бы правительство, которому вы служите, имело побольше таких, как вы, быть может, мы не были бы так могущественны. Оставьте себе шпагу; если бы вы сломали ее, мне пришлось бы ее заменить, а признаться вам, я очень дорожу своей.

Слова эти были произнесены тоном такого сердечного добродушия,

что тронули офицера.

— Что же вы за люди? — пробормотал он.

— Мы люди, — ответил Медвежонок с особенным ударением, — но уйдите, альферес; здесь произойдет то, что вам не подобает видеть.

— Капитан, неужели этот бедняга?.. — начал было офицер умоляющим голосом, указывая на алькальда.

— Не занимайтесь им, не просите за него, — поспешно перебил Медвежонок, — это подлец; он осужден.

При этих словах у алькальда кровь прихлынула к сердцу.

Альферес понял, что всякое заступничество будет напрасно; он медленно удалился в задумчивости и вскоре скрылся за поворотом улицы.

Между тем все население деревни принялось за дело с усердием, которое свидетельствовало о желании заслужить обещанную награду и как можно скорее избавиться от дерзких победителей, которые держали их под прицелом своих пушек и ружей.

При виде отрядов Олоне и Польшэ, которым Медвежонок приказал стянуться, когда убедился, что сопротивления опасаться нечего, усердие жителей Гуантанамо удвоилось: они убедились, что только полная покорность может спасти их.

Все они были рыбаками, каждый имел по лодке; пока одни подтаскивали припасы к берегу, другие складывали их в лодки, и, наконец, третьи перевозили на фрегат.

Пьер Легран был просто поражен множеством разнообразных припасов, которые складывались на палубу; это было настоящее наводнение, он едва успевал убирать с палубы добычу.

Менее чем за три часа все было доставлено на фрегат и убрано в трюм; судно оказывалось снабжено съестными припасами на целых шесть месяцев. Это казалось просто сказкой!

Командир, как всегда спокойный, холодный и невозмутимый, молча присутствовал при погрузке.

Когда наконец был отвезен последний тюк и полностью опустошили склады несчастного алькальда, который присутствовал при своем окончательном разорении с растерянным видом, Медвежонок сигналом трубы созвал обитателей деревни.

Народ шумно затолпился вокруг флибустьеров.

— До сих пор вы работали на меня, — обратился к жителям командующий экспедицией, — благодарю за это. Теперь работайте на себя: разграбьте этот дом, я отдаю вам его.

Испанцы не заставили повторить себе это. Они ринулись в дом, и он

мигом наполнился ожесточенными грабителями, которые не оставили целым ни одного предмета мебели — ломали даже стены и перегородки.

Когда же наконец от дома остались только четыре стены, его подожгли по приказанию Медвежонка, и так как он был построен из кедрового дерева, то вскоре запылал веселым огнем.

Между тем Железная Голова принял из рук флибустьера тяжелый кошель, за которым посылал на фрегат, и, вручая этот мешок с золотом одному из именитых граждан, сказал, обращаясь к окружившей его толпе:

— Вот вам плата; я ведь исполнил все, что обещал?

— Не все, капитан, — ответил тот, кому он отдал мешок с деньгами, — вы не сдержали одного обещания.

— Какого?

— Вы не свершили правосудия.

— Правосудия?

— Да, капитан, ведь вы дали слово.

— Я не понимаю вас.

— Неужели этот человек, так долго бывший самым страшным нашим притеснителем, — продолжал испанец, указывая на алькальда, — этот презренный негодяй, который истерзал нас своим лихоимством, который бесстыдно обирал нас и мучил по своей прихоти, неужели вернете вы ему свободу, чтобы после вашего ухода он опять поднял голову и заставил нас искупить жестокими притеснениями те действия, которые совершались здесь сегодня под нажимом вашей военной силы? Разве может это называться справедливостью? Скажите сами, капитан. Мы верим вашему слову, как вы положились на наше. Мы честно исполнили свой долг, теперь ваша очередь исполнить свой.

— Хорошо, — ответил Медвежонок, и в голосе его звучало глубокое чувство, — но он не может умереть таким образом: его надо судить. Вы сами будете судьями.

— Пусть кровь его падет на наши головы.

— Вы твердо решились?

— Твердо, — крикнула толпа.

— Так отвечайте же мне теперь, какие преступления приписываете вы этому человеку?

— Жадность, доведенную до жестокости, продажность и обман.

— Считаете вы его виновным?

— Утверждаем это.

— Какого наказания заслуживает он?

— Смерти! — заревела в один голос распаленная ненавистью и гневом

толпа.

— Да будет по-вашему! Этот человек умрет. Молитесь за его душу, чтобы Господь сжалился над нею.

Но взрыв криков, ругательств и проклятий был ответом на эти слова.

Медвежонок сделал знак.

В несколько минут на берегу напротив еще дымящихся развалин сгоревшего дома была воздвигнута виселица.

Несчастный алькальд был схвачен и связан, ему на шею накинута петля. Но он уже не сознавал, что с ним происходит; полумертвая масса была вздернута на виселицу под восторженные крики всего населения.

По приказанию Медвежонка Железная Голова на груди казненного красовалась табличка с надписью по-испански и по-французски для объяснения грозного смысла смертного приговора:

Повешен не как испанец, но как вор.

Медвежонок Железная Голова

Когда тело после предсмертных судорог замерло в неподвижности, из которой ему уже не суждено было выйти никогда, предводитель флибустьеров поклонился жителям Гуантанамо и направился к берегу.

Спустя немного времени флибустьеры уже были на фрегате.

Когда судно вышло из гавани, Медвежонок позвал к себе лоцмана.

— Этот край для вас уже небезопасен, — сказал он ему, — следуйте за мной. По окончании нашей экспедиции я высажу вас, где вы пожелаете, и вы будете богаты до скончания своего земного срока. Согласны ли вы на это предложение?

— С одним условием.

— С каким?

— Что вы поможете мне переехать во Францию; в Америке и в Испании моя жизнь в опасности.

— Хорошо, даю вам слово. Служите мне честно и вы не раскаетесь в договоренности, заключенной между нами.

— Я буду предан вам, командир.

Фрегат покрылся парусами, при попутном ветре скоро оставил далеко позади высокие берега острова Куба и направился к Картахене, к которой капитан судна стремился с таким нетерпением.

ГЛАВА VIII. Как беседа двух девушек окончилась рыданиями

Из всех городов Нового Света Картахена — один из удачнейших по своему положению. Вообще говоря, испанцы были наделены редкой сметливостью и верным глазом при выборе местности для закладки городов, основанных ими в своих колониях на берегах Америки. За исключением нескольких незначительных ошибок, почти всегда совершаемых мимоходом, в поисках золота — единственной цели их смелых экспедиций, некогда жалкие селения ныне выросли в цветущие и могущественные города, расположенные на том же самом месте, несмотря на перемены всякого рода, которым они подвергались.

Картахену основал в 1533 году дон Педро Эредья на песчаном островке в проливе, образованном в своем устье рекой Магдаленой. Город имеет одну из прекраснейших и самых безопасных гаваней во всей Америке, и она долгое время служила убежищем галионам, нагруженным богатствами Тихого океана, которые перевозились на мулах через Панамский перешеек, но не были в безопасности в Пуэрто-Бельо, особенно после того как первая Панама была разорена и разграблена Береговыми братьями и вновь отстроена неподалеку, у впадения Рио-Гранде в Карибское море.

Подобно всем испанским городам Старого и Нового Света, вид Картахены мрачен, хотя ее улицы широки, прямы и освежаются бесчисленными фонтанами. Мрачным обликом город обязан длинным, на низких и тяжелых колоннах галереям, словно тюрьмы окаймлявшим с обеих сторон улицы, и высоко вздымающимся террасам, которые заслоняют свет и солнце.

В эпоху, к которой относится наш рассказ, население Картахены достигало тридцати тысяч жителей. Город и порт защищали пять фортов, самый мощный из которых, Бока-Чика, был вооружен шестьюдесятью орудиями.

Испанский гарнизон состоял из пяти тысяч двухсот старых и опытных солдат под командой бригадира — чин, соответствующий новейшему бригадному генералу. В случае необходимости можно было за несколько часов присоединить к этому войску три тысячи пятьсот человек милиции, хорошо вооруженной и действительно храброй, потому что эти люди на

самом деле до конца отстаивали бы родные пепелища.

Этот-то сильно укрепленный город, расположенный так выгодно, и задумал взять Медвежонок Железная Голова, имея всего один фрегат с экипажем в семьсот двадцать три человека.

Правда, эти люди составляли цвет флибустьерства, а капитан Железная Голова утверждал, будто то, на что положит глаз флибустьер, принадлежит ему, стоит ему только захотеть. И сам он всегда доказывал это на деле.

Но еще никто из флибустьерских вожаков не предпринимал такой отчаянно смелой экспедиции, особенно с такими слабыми силами.

Пользуясь теперь свободой, всегда признававшейся за романистами, перелетать на крыльях фантазии куда им пожелается и в несколько взмахов не крыльями, но пером переноситься через громадные пространства, мы оставим «Задорный» и его храбрый экипаж в Антильском море после смелого нападения на Гуантанамо и, попросив наших читателей последовать за нами, одним прыжком перемахнем в Турбако.

Это прелестная деревушка с населением в семь или восемь сотен душ, построенная на зеленом склоне холма в нескольких лье от Картахены и прилепившаяся к величественному, почти непроницаемому лесу, дальние окраины которого примыкают к самому берегу реки Магдалены.

Для богатых городских жителей и прибывших из метрополии испанцев, еще не освоившихся с климатом, деревушка эта, расположенная в шести-семи лье от моря, служит убежищем от невыносимого зноя и болезней, свирепствующих на побережье в летний сезон.

Вид деревни поистине волшебный, она точно вырастает из исполинского букета зелени и возвышается амфитеатром до самой вершины холма; издалека видны ее большие и красивые дома, построенные из бамбука и покрытые пальмовыми листьями.

Прозрачные ручейки вытекают из множества известковых скал, покрытых ископаемыми раковинами морских полипов и осененных глянцевитой листвой анакардов, которые действительно придают скалам оригинальный вид.

Анакард — колоссальное дерево, которому индейцы приписывают свойство привлекать издали пары, носящиеся в атмосфере; справедливость этого факта мы не осмелимся подтвердить или оспаривать.

Так как деревня возвышается более чем на пятьсот футов над уровнем моря, ночи там довольно холодны, а днем стоит удушливая жара.

Итак, мы в Турбако и, сделав несколько шагов по большой улице, минуем монументальный фонтан, имеющий один недостаток — всегда быть сухим, и входим в один из самых красивых домов.

Дом этот, разделенный на два корпуса громадным и густым садом, полным тени и мглы, задним фасадом почти прилегает к большому лесу, тогда как лицевой фасад обращен к фонтану, о котором мы уже упоминали.

Было около половины четвертого пополудни, удушливый дневной зной немного спал. Опустевшие с одиннадцати часов улицы начинали снова оживляться редкими прохожими, двери понемногу раскрывались, жители стряхивали полуденный сон, и жизнь опять принимала свой обычный ход.

В гостиной, довольно кокетливо меблированной, со стенами из бамбуковых палок, укрепленных на небольшом расстоянии одна от другой, но обтянутых тонким холстом, дабы, пропуская воздух, ограждать от нескромных взглядов, две молодые женщины, вернее, девушки, полулежа на койках, сами раскачивали их кончиком миниатюрной ножки и тихо беседовали, куря пахитоски, благовонный дым которых спиралью поднимался к потолку.

Эти две девушки, одаренные той чистой, величественной и в то же время бесхитростной красотой, были донья Эльмина и донья Лилия, уже представленные читателю.

В ту минуту, когда мы входим в гостиную, донья Эльмина с досадой отбросила далеко от себя только что закуренную пахитоску.

— Что с тобой? — изумилась подруга.

— Что со мной? — вздрогнула донья Эльмина. — Я страдаю, я несчастна, а ты, злая, вместо того чтобы сочувствовать моему горю и пожалеть меня, смеешься, поёшь и чуть ли не насмехаешься надо мной.

— О-о! — вскричала донья Лилия, приподнимаясь и слегка нахмутив брови. — Какой неожиданный и серьезный упрек! Видно, ты очень страдаешь, Эльмина, если говоришь таким образом со мной, твоей кузиной, твоим другом, твоей сестрой.

— Прости меня, Лилия, я действительно несправедлива, но если бы ты только знала...

— Что? Отчего не говоришь ты со мной откровенно, Эльмина? Вот уже месяц как я замечаю в тебе разительную перемену: ты бледна, мрачна, постоянно взволнована, порой я подмечала на твоих щеках следы едва стертых слез. Разве ты полагаешь, что я слепа или равнодушна к тебе? Нет, нет, дорогая моя, я все видела с первого же дня. Ты стала такой после продолжительного разговора с отцом.

— Правда, — пробормотала донья Эльмина, опустив голову.

— Но дружба должна прежде всего быть скромна, и я молчала. Я видела, что ты заключила горе в своем сердце и, быть может из гордости, не хотела открывать мне ничего. Я ждала, когда твое сердце переполнится

и тогда ты станешь искать облегчения от тяжелого гнета горести, разделив ее со мной.

— Спасибо, Лилия, ты добра и любишь меня.

— Да, люблю, Эльмина, и гораздо сильнее, чем ты полагаешь. Что же касается веселости, в которой ты упрекаешь меня...

— Я ни в чем тебя не упрекала, — с некоторой живостью перебила донья Эльмина, между тем как легкая краска покрыла ее прелестное личико.

— Веселость, в которой ты упрекаешь меня, лишь напускная; притворяясь веселой, я хотела вызвать на твоих губах мимолетную улыбку. Мне не удалось — стало быть, я не права. Прости меня, Эльмина: впредь уже мой смех не оскорбит твоего горя.

Последние слова были произнесены Лилией с таким выражением нежного сочувствия и искренней дружбы, что Эльмина вдруг вскочила и кинулась в объятия подружки, заплакав навзрыд.

Воцарилось продолжительное молчание; обе девушки плакали.

— Ты права, — вновь заговорила Эльмина, — я жестоко страдаю, мое сердце надрывается, ты угадала часть моей тайны; так выслушай же меня, ты узнаешь все.

— Одни ли мы здесь? — спросила Лилия. — Подожди. Она поднесла к губам золотой свисток, который носила на шее на золотой цепочке, и свистнула.

Прошло несколько минут, и послышались тяжелые шаги по паркету. Дверь отворилась, и негритянка лет сорока с улыбкой появилась на пороге.

Негритянка эта, должно быть, смолоду была очень хороша собой; ее умное лицо дышало кротостью и добротой, не без примеси твердости.

— Мама Кири! — ласково обратилась к ней Лилия. — Мы с кухней Эльминой должны переговорить о важном деле, но боимся, как бы нас не подслушали. Будьте добры и покарауйте, чтобы никто не подходил сюда.

— Не беспокойтесь, мои милые, никто и близко не подойдет, я позабочусь об этом, только постарайтесь, нинья¹³ Лилия, выведайте наконец тайну ниньи Эльмины. Нехорошо для молодой девушки держать таким образом на сердце свое горе.

— Да я стараюсь, — со смехом ответила Лилия, — изо всех сил стараюсь, мама Кири.

— Хорошо, девочки, можете щебетать без боязни, словно птички Божьи — да и те не чище и не невиннее вас! — а я покараулю.

Негритянка вышла с доброй улыбкой на лице. Кузины следили за негритянкой глазами, пока она не затворила за собой дверь.

— Любезная Лилия, — начала тогда Эльмина, — обещай мне не смеяться надо мной. Ты услышишь скорее историю моих личных впечатлений, чем изложение важных событий, способных меня печалить или тревожить.

— Говори, друг мой! Разве я, так сказать, не половина тебя самой?

— Правда. Слушай же. Ты знаешь моего отца, дона Хосе Риваса де Фигароа, и мне, стало быть, нет нужды описывать тебе его надменный нрав, суровую заносчивость и непреклонную волю, перед которой все должно склоняться. Моя бедная мать умерла, когда я появилась на свет; раннее детство мое прошло в грусти и заброшенности, я оставалась на руках невежественных и злых невольниц. Когда я развилась настолько, чтобы осознавать, что происходит вокруг меня, все эти несправедливости, эти беспричинные вспышки гнева, эти строгости, которые ничем не оправдывались, я ужаснулась в душе; все мои наклонности, все стремления были извращены. Сознаться ли тебе, моя дорогая Лилия? Я боюсь, что не люблю отца!

— Ах, Эльмина, какая страшная мысль! Этого быть не может!

— Увы! Напротив, это истинная правда. Напрасно силилась я побороть роковое впечатление моего раннего детства... все напрасно... Я боюсь отца, один его взгляд приводит меня в трепет. Ты надеюсь, помнишь, что через некоторое время после нашего переезда с Кубы на Санто-Доминго, когда наш корабль был захвачен в плен флибустьерами с Черепашьего острова и мы словно чудом спаслись от страшного рабства благодаря великодушию капитана Медвежонка Железная Голова — как видишь, я не забыла имени нашего избавителя, — заметила она, улыбаясь сквозь слезы, — мой отец был назначен губернатором Картахены, тогда как твой отец, дон Лопес Альдоа де Сандоваль, был произведен в бригадиры и готовился принять командование над гарнизоном этого же самого города. Спустя две недели после своего нового назначения наши отцы отправились вместе с нами

в Картахену. Когда высокие горы на Санто-Доминго стали расплываться на горизонте, сердце у меня внезапно сжалось, слезы выступили на глазах и я заплакала. Ты спросила о причине моей грусти. Я не могла объяснить, сама ее не зная: всего несколько дней провела я на Санто-Доминго, ничто не привязывало меня к этому месту, жизнь я вела там самую скучную и бесцветную. Отчего же такая грусть? Не было ли то предчувствием, внушаемым иногда Господом в своем милосердии тварям своим.

— Что ты хочешь сказать? — вскричала с изумлением Лилия. — Я не

понимаю тебя.

— Сейчас поймешь. Наверняка ты помнишь церемонию вступления моего отца на пост губернатора Картахены. Именитые горожане явились во дворец представиться дону Хосе Ривасу. Все они — богатейшие купцы, явились в числе тринадцати, и тринадцатого звали доном Энрике Торибио Морено; это богатый мексиканский купец, прибывший из Веракруса всего за несколько дней до нас.

— Дон Торибио Морено, закадычный друг твоего отца?

— Именно он.

— У него какое-то угрюмое лицо, — задумчиво заметила донья Лилия.

— Не правда ли? Знаешь ли, на кого он похож, и поразительно, так что я просто остолбенела, в первый раз увидев его?

— Нет, не знаю.

— Уверяю тебя, он в точности походит на презренного разбойника, рабами которого мы сделались в Пор-Марго вследствие случайностей азартной игры.

— Странно, — пробормотала Лилия.

— О, очень странно! — вскричала кузина с лихорадочным жаром. — Несмотря на его бороду, подстриженную теперь на испанский манер, на чистейшее андалусское произношение и мнимо добродушный вид, которым он как бы маскирует свое лицо, я ни минуту не была введена в обман и с первой встречи поняла, что человек этот явился мне на погибель.

— Однако...

— Дай мне договорить, ты увидишь, обмануло ли меня предчувствие. Впрочем, дон Торибио Морено отличается изяществом в одежде, в обращении и, судя, по крайней мере, по наружности, обладает несметным богатством; он так и сыплет золотом.

— Прибавь, что это азартный игрок, к тому же, как говорят, удачливый.

— Именно к тому я и веду речь. Мой отец небогат, как тебе известно, однако он страстный игрок и каждый вечер в его доме идет серьезная игра; нередко ставки достигают значительной суммы.

— Игра — бич Америки, она погубит испанские колонии!

— Погубит и поселенцев с их семействами. С месяц назад отец неожиданно приехал сюда, велел позвать меня и заперся со мной в этой самой комнате. Он усадил меня возле себя и пристально изучал несколько минут, после чего заговорил суровым голосом:

— «Ты хороша, Эльмина, тебе восемнадцать лет; пора выдать тебя замуж. Я выбрал тебе супруга, он богатый человек и мой закадычный друг.

Готовься принять его ласково, я дал ему слово, а решения своего, как тебе известно, никогда не изменяю, особенно если связан еще и словом. У тебя два месяца, чтобы подготовиться к этому браку. Через два месяца, день в день, считая с этой минуты, епископ Картахенский благословит ваш союз в церкви Милосердия Богоматери. Тот, невестой кого ты, Эльмина, являешься с этой минуты, — дон Энрике Торибио Морено». На том он и кончил.

— А ты что ответила отцу?

— Ничего. Что же мне было отвечать на такое решительное объявление его воли? Я была ошеломлена, почти лишилась чувств и чувствовала, что не в состоянии произнести ни слова. С первых же его слов я по тайному безотчетному внушению предчувствовала или, вернее, угадала, что отец кончит разговор именем этого человека. Дон Хосе Ривас встал, долго смотрел на меня и вышел, не простившись, так же холодно, как вошел. Когда дверь затворилась за ним, я упала на пол без чувств; меня подняла моя кормилица. Прошел ровно месяц с тех пор, как произошел этот разговор между мной и отцом, Лилия.

— Что ты намерена сделать?

— Не знаю; одно только верно: я не буду женой этого человека.

— Но из-за чего же должен состояться этот брак? Как допускает его твой отец? Он ведь так гордится своим дворянским титулом!

Донья Эльмина горько улыбнулась.

— Отец разорился, Лилия, у него не остается, быть может, ни одного реала. Все его состояние теперь принадлежит дону Торибио. Понимаешь?

— О, это ужасно!.. Какая же надежда остается тебе?

— Господь! — вскричала Эльмина, воздев к небу умоляющий взгляд. — Господь! Он не оставит меня, когда нигде нет для меня опоры.

В эту минуту дверь отворилась, и вошла негритянка.

— Идет ваш отец, нинья, — сказала она, — с ним дон Торибио Морено!

— Ни слова! — грустно шепнула молодая девушка кухне, приложив палец к губам. — Ни слова, умоляю тебя, Лилия.

— Не унывай, Эльмина, — ответила та, целуя ее.

ГЛАВА IX. Дон Энрике Торибио Морено предстает в выгодном свете

Дон Хосе Ривас де Фигароа, волею Его Католического Величества, короля Испании губернатор города Картахены, был высок ростом, хорошо сложен, лет сорока восьми, хотя на вид казался годами пятью-шестью моложе; походку он имел величественную, обращение изысканное; черты его лица не блистали красотой, но отличались теми крупными правильными линиями, которые встречаются только у потомков древних родов; его живые черные глаза глубоко сидели в глазных впадинах и выражали высшую степень надменности, спеси и насмешливого презрения.

Личность, которая сопровождала дона Хосе Риваса и величала себя доном Энрике Торибио Морено, слывя за мексиканца, составляла с ним самый разительный контраст.

Черты самые простые; серые, постоянно моргающие глаза с морщинами по углам, напоминавшие глаза хищных ночных птиц; светло-русые, почти белокурые волосы; рост не выше среднего; неуклюжее и тяжелое телосложение придавало ему с первого взгляда вид скорее нормандского или бретонского матроса, чем испанского дворянина, но взгляд его был так тонок, такая природная сила угадывалась в его мускулах, что невольно следовало признать в нем человека недюжинного.

Впрочем, обращение его носило отпечаток вполне светского воспитания.

Услышав, что двери открываются, кухни поднялись со своих лежанок, чтобы принять посетителей.

У дон Хосе Риваса брови были нахмурены, насмешливая улыбка мелькала на его губах. Казалось, он совсем не в духе.

— Здравствуйте, ниньи, — с иронией приветствовал он девушек, — я приехал, как нежный отец, навестить вас.

— Милости просим, отец, — дрожащим голосом ответила донья Эльмина.

Донья Лилия подвинула стулья.

— Я осмелился, — продолжал дон Хосе все тем же насмешливым тоном, — привести с собой своего доброго друга дон Торибио Морено, который сделал мне честь просить вашей руки.

— Отец...

— Прошу не перебивать меня, нинья. Девушка замолчала, вся дрожа.

— Извините, сеньорита, — обратился к ней мексиканец с почтительным поклоном, — ваш отец не успел договорить, что, осмеливаясь добиваться высокого счастья быть вашим супругом, я поставил при этом одно условие.

Донья Эльмина подняла голову и с изумлением поглядела на дону Торибио.

— Правда, — сказал дон Хосе сердито, — как ни нелепо это условие, я только что намеревался передать его в двух словах: дон Торибио Морено просит вашего разрешения ухаживать за вами, сударыня.

— Ведь вы не все передали, уважаемый дон Хосе, — любезно прибавил мексиканец. — Действительно, сеньорита, я добиваюсь чести быть иногда допущенным к вам, потому что при всем страстном желании сделаться вашим супругом я хочу, чтобы вы узнали меня, прежде чем отдадите мне свою руку. Все мое честолюбие в том именно и заключается, чтобы своим счастьем я был обязан вашей собственной воле.

— Благодарю! О, благодарю вас, — вскричала девушка, в душевном порыве протянув крошечную руку, которой мексиканец почтительно коснулся губами.

— Bravo! — вскричал дон Хосе Ривас с холодной иронией. — Это прелестно! Клянусь вечным блаженством, мы просто вернулись к самым цветущим временам рыцарей Круглого

Стола и двора короля Артура или императора Карла Великого. Ей-Богу! Я совсем умилен.

Молодая девушка опустила голову, покраснев от стыда, и прошептала голосом едва слышным от внутреннего волнения.

— Я исполню вашу волю, отец.

— Разве о моей воле идет речь, нинья? — продолжал он со сдержанным гневом. — Я имел глупость обещать вашему любезному рыцарю, что вы вольны принять или отвергнуть его предложение, и клянусь, вы будете совершенно свободны в своих действиях; никакого влияния, даже моего, не будет между вашим робким поклонником и вами. Повторяю, вы свободны.

— Слышите, сеньорита, — вскричал дон Торибио Морено с почтительным поклоном, — ваш отец подтверждает мои слова.

— Приходится, ей-Богу! — отозвался дон Хосе, презрительно пожав плечами. — Желаете вы сказать моей дочери еще что-нибудь?

— Ничего, друг мой, разве только повторить смиренную просьбу позволить мне иногда являться к ней с визитом.

Донья Эльмина молча склонила голову.

— Ну, довольны вы теперь? — грубо вскричал дон Хосе. — Становится поздно. Пойдемте, дон Торибио, пусть девочки вернуться к своим игрушкам и куклам.

— Як вашим услугам, друг мой.

— Прощайте, ниньи.

— Разве вы не поцелуете меня на прощание, отец? — спросила девушка, робко наклоняясь к нему.

Дон Хосе холодно поцеловал ее в лоб, глядя в сторону.

— Пора ехать, — повторил он.

Мексиканец почтительно раскланялся с двумя девушками.

Посетители вышли.

У наружной двери стояли неподвижно, как статуи, человек двенадцать всадников, вооруженных копьями с развевающимися значками, под командой унтер-офицера.

Губернатор подал знак, черный невольник подвел двух великолепных лошадей в кокетливой роскошной сбруе, употребляемой в испанских колониях.

Мужчины сели на лошадей и стали во главе отряда, который тотчас двинулся вслед за ними.

Когда отъехали шагов на сто от дома, дон Торибио Морено спросил:

— Вы возвращаетесь в Картахену, дон Хосе?

— Куда же вы хотите, чтоб я ехал? — изумился губернатор.

— Откровенно говоря, я не ожидал, что мы так скоро вернемся в город; я полагал, что ваше визит к дамам будет продолжительнее и что, пока вы отдыхаете, у меня будет время съездить на свою ферму, находящуюся здесь поблизости.

— Правда, я и забыл, что, если верить слухам, вы купили прелестное поместье на расстоянии двух-трех выстрелов от деревни.

— О! Это полуразвалившаяся жалкая лачуга, — с живостью вскричал дон Торибио, — потому-то я и прошу позволения оставить вас. Там производятся некоторые поправки, я и не прочь был бы невзначай нагрянуть к своим работникам.

— Я не спешу; хотите, мы поедем вместе?

— О нет, как можно!

— Почему?

— Во-первых, я должен поддерживать свою славу богача, друг мой, и не желаю вовсе лишиться ее, продемонстрировав вам свое приобретение в его нынешнем виде; во-вторых, признаться ли вам, я не знаю, где

разместить вас, там все вверх дном. Итак, мой любезный дон Хосе, лучше послушайте меня и спокойно продолжайте путь к городу, а мне позвольте следовать по своим делам.

— Пусть будет по-вашему! Но вы знаете, что я скоро жду вас в своем дворце, у нас сегодня большое собрание.

— Я не замедлю явиться.

— Обедайте у меня без церемонии, что будет проще.

— Не отказываюсь; подождите меня до семи часов. Быть может, я представлю вам еще одно лицо.

— Кого же?

— Капитана своей шхуны «Санта-Каталина», которая пришла сегодня утром из Веракруса.

— Это человек из хорошего общества?

— Моряк, но очень приличный, к тому же прекрасный игрок.

— Так постарайтесь привести его ко мне, особенно если он богат, — сказал со смехом дон Хосе.

— Надеюсь привести. Во всяком случае, подождите меня до назначенного часа.

— Хорошо.

И они разъехались.

Дон Хосе Ривас крупной рысью отъехал от деревни со своим конвоем, тогда как дон Торибио вернулся в нее, то есть повернул назад к Турбако, но, проехав несколько шагов в этом направлении, сошел с лошади и с минуту тщательно поправлял мундштук, в котором нечего было поправлять, потом снова вскочил в седло, сперва, однако, удостоверившись, что граф и его конвой скрылись за поворотом дороги и что нигде вокруг не видно ни души.

Тогда дон Торибио круто свернул вправо, немного погодя опять влево, очутился на опушке леса и поскакал по глухой тропе, с обеих сторон окаймленной частыми деревьями, густая листва которых образовывала над его головой непроницаемый свод.

Спустя четверть часа он достиг жалкого шалаша из сплетенных ветвей, какие устраивают вольные охотники и деревенские жители для защиты от солнечного зноя и страшных ливней.

Рослый детина с бледным лицом, изможденным от выпавших на его долю невзгод и лишений, но с мрачным и решительным выражением сверкающих глаз, внезапно вырос у входа в шалаш, услышав стук конских копыт.

Человек этот, в расцвете лет, гордо драпировался в гадкие лохмотья

неопределенного происхождения; за поясом у него были заткнуты длинный нож и топор; обеими руками он опирался на дуло буканьерского ружья, которое поставил перед собой, и насмешливо поглядывал на приближающегося дона Торибио.

Мексиканец остановил лошадь перед самым шалашом.

— Ты войдешь? — спросил по-французски вместо всякого приветствия хозяин шалаша.

— Войду, — ответил дон Торибио на том же языке, — если только у тебя найдется, где спрятать мою лошадь. У меня вовсе нет охоты оставлять ее таким образом на виду посреди дороги.

— Не беспокойся на сей счет, — возразил незнакомец, взяв лошадь под уздцы, — слезай и ступай в шалаш.

Дон Торибио повиновался, а его странный собеседник увел лошадь и скрылся с ней в чаще леса.

Внутренность шалаша была, если только подобное возможно, еще жалче наружного вида. В одном углу ворох сухой травы служил постелью; в середине яма с тремя камнями заменяла очаг, два-три бычьих черепа выполняли назначение стульев; старый, совершенно пустой матросский сундучок без крышки, чугунный котелок и две-три плоские деревянные чашки без ручек, скорее напоминавшие тарелки, — вот и вся обстановка.

Вероятно, давно уже знакомый с ней, дон Торибио Морено окинул убранство шалаша равнодушным взглядом, уселся на бычий череп, потом достал из портсигара сигару, закурил ее и в ожидании хозяина преспокойно стал пускать к потолку клубы.

Тот явился почти немедленно.

— Черт возьми! Аромат-то какой! — посмеиваясь, сказал вошедший. — Славные сигары ты куришь! Вот что значит быть богатым!

— Возьми! — небрежно подал знакомцу свой портсигар дон Торибио Морено. — Что с моей лошастью?

— На мягкой подстилке и с вязанкой корма перед собой. Он выбрал сигару, закурил ее о сигару дона Торибио, потом возвратил портсигар и сел напротив него. На минуту установилось молчание.

Два человека исподтишка наблюдали друг за другом, но, видя, что гость упорно молчит, хозяин шалаша наконец решился заговорить.

— Давно тебя не было видно в этих краях.

— Я завален делами.

— Бедняга! И все же ты вспомнил о старом товарище.

— Разве не были мы братьями-матросами?

— Правда, но очень давно, и после того много что произошло. Ведь

было это в экспедицию Монбара Губителя на Маракайбо. Помнишь?

— Еще бы!

— Однако ты, вероятно, приехал не для того, чтоб поговорить со мной об ушедших временах? Скорее, полагаю, ты имел в виду потолковать о настоящем, если не о будущем.

— Ага! Ты угадал, Бартелеми!

— Не надо быть колдуном, — с презрительной улыбкой возразил другой, — чтобы угадать, что если ты приезжаешь ко мне, то, вероятно, имеешь во мне надобность.

— Ну, я буду откровенен с тобой, старый дружище. Да, ты мне нужен.

— На все согласен, брат, я до смерти скучаю без дела. Но предупреждаю, это тебе обойдется недешево.

— Назначай свои условия, — холодно ответил дон Торибิโอ.

— Стоит ли того дело?

— Стоит.

— Слушай же, ты всегда был человеком тайных козней и скрытных замыслов. Когда испанское судно, на котором я был пленником, встретило тебя плывущим в одиночестве посреди моря, ты объяснил свое странное положение весьма туманно. Вдобавок ты выдал себя за мексиканца, и я притворился, что не узнаю тебя.

— Я не забыл этой услуги.

— Гм! Это было естественно между флибустьерами, особенно между братьями-матросами. Но менее естественно то, что случилось со мной в Сан-Франциско-де-Кампече: ты не помог мне, как я был вправе ожидать, но бросил меня, хотя был свободен и пользовался почетом у испанцев. Я догадывался, что некий удар ножом, который мне нанесли одной темной ночью в гавани, отчасти исходил от тебя.

— Как можешь ты думать так, старый дружище?

— Ладно, не будем об этом, приятель! Словом, я разбил цепи, сковывавшие меня, словно дикого зверя, и бежал. После многого, чего и не перескажешь, сам не знаю как я достиг этого острова и нашел прибежище в здешнем лесу. Однажды случай свел нас. Ты был богат, я — беден, ты мог оказать мне помощь, но не сделал этого.

— Ты забываешь, друг...

— Что ты предложил мне быть твоим слугой, это правда. Но я отказался: мне, капитану Бартелеми, знаменитому флибустьеру, быть слугой такого... словом, бросим это. Только, — прибавил он немного погодя с насмешливой улыбкой, — я должен отдать тебе справедливость, ты не выдал меня за вознаграждение.

— О-о!

— Я не благодарю. Выдав меня, ты сгубил бы себя самого. Ты очень хорошо понимал, что я без колебаний открыл бы твое настоящее имя. Испанцы же помнят его и, вероятно, несколько лучше, чем тебе бы хотелось. И вот теперь, после трех месяцев как ты ни разу не побеспокоился задать себе вопрос, жив я или мертв, ты как с неба свалился в мой шалаш и говоришь мне: «Я нуждаюсь в тебе». Разумеется, я вывел заключение, что дело должно быть очень важным. Я все взвесил и сказал: это тебе обойдется недешево.

— А я ответил: согласен.

— Хорошо же! Приступим к делу, я ничего другого не желаю. Дай мне еще сигару.

— Бери.

И дон Торибิโอ вновь протянул ему свой портсигар.

Бартеlemi открыл его и выбрал сигару, покачав головой.

Достойный капитан ни на грош не доверял своему «другу»; он знал его с давних пор. Конечно, его нынешнее появление, после того как он не вспоминал о Бартеlemi столько времени, казалось крайне странным.

Итак, куря сигару, он в душе давал себе слово быть начеку и не давать маху.

ГЛАВА X. Как толковали два матроса и что из этого вышло

Скажем в немногих словах, что за новое лицо мы так внезапно вывели на сцену. Ему предназначено играть довольно значительную роль в нашей истории.

Капитан Бартелеми пользовался громкой славой за свою храбрость и отвагу. Флибустьеры с Черепашьего острова рассказывали легенды о его необычайной смелости. Кроме того, он был отличный моряк и слыл среди друзей и в особенности среди врагов удивительно удачливым во всех предпринимаемых им экспедициях.

Много было и справедливого в рассказах о капитане Бартелеми. Одаренный большим умом, неукротимой храбростью, невозмутимым хладнокровием и беспримерным присутствием духа, не покидающим его, как бы ни было плохо положение, в которое внезапно попадал вследствие каких-либо случайностей, он всегда умудрялся выйти из него целым и невредимым при помощи мер, которые для всякого другого были бы недоступны.

Кроме того, он отличался честностью, вошедшей в пословицу, и ни за что на свете не согласился бы изменить данному слову.

Вот каков был человек, которого дон Торибио — мы сохраним за ним это имя на время — отыскал в жалком шалаше, дабы предложить то, что он назвал «делом».

Пока флибустьер губами приглаживал кончик своей сигары со всей развязностью настоящего дворянина, мнимый мексиканец украдкой всматривался в его лицо, гадая, с какой бы стороны ему приступить, чтобы вернее поколебать внешнее равнодушие своего собеседника.

— Посмотрим же, — вскричал он наконец весело, — каковы твои условия, дружище!

— Сперва ты предложи свои. Купцу следует показать свой товар, я буду судить по образчику, — посмеиваясь, возразил Бартелеми.

Дон Торибио понял, что ничего не поделаешь и надо вести дело начистоту.

— Ты расседлал мою лошадь? — спросил он. Внезапный, ни с того ни с сего вопрос показался капитану столь удивительным и неуместным, что он вытаращил глаза.

— Что с тобой? — вскричал он.

— А то, что, знай я где находится моя лошадь, тотчас отправился бы за саквояжем, который ты наверняка заметил за седлом.

— Еще бы не заметить! Он довольно тяжел.

— Очень хорошо. Знаешь, что в саквояже?

— Откуда же мне знать?

— Во-первых, для тебя богатый и изящный костюм, какой приличествует дворянину; сверх того сто пятьдесят унций золота, которые я прошу тебя принять, не обязывая ни к чему, просто как бывший брат-матрос.

— Тьфу, пропасть! — засмеялся Бартелеми. — Если ты даешь мне богатую одежду и двенадцать тысяч только потому, что я был твоим братом-матросом, что же ты дашь мне, когда я буду твоим соучастником?

Дон Торибิโอ попробовал улыбнуться, но получилась кривая гримаса.

— Ступай за саквояжем, — сказал он, — пока ты будешь одеваться, я объясню тебе, в чем заключается дело.

— Разве ты рассчитываешь взять меня с собой?

— Конечно.

— Но ведь я буду смешон донельзя.

— Отчего?

— Пешком, что ли, прикажешь мне бежать за тобой в богатом наряде.

— Не заботься, маловерный, — смеясь, возразил дон Торибิโอ, — когда настанет время, сыщется и лошадь.

— Ну, ты, видно, обо всем подумал. Канальство! Дело должно быть нешуточным; оно возбуждает мое любопытство и заставляет работать воображение.

— Дай обоим волю, я удовлетворю их. Только торопись, время уходит.

Бартелеми вышел и вскоре вернулся с саквояжем.

Дон Торибิโอ открыл его, вынул одежду и разложил ее, очень довольный собой.

Действительно, костюм был великолепен и сшит в лучшем вкусе. Штаны, камзол, полукафтаны, сорочка, шелковые чулки, туфли, ботфорты со шпорами для езды верхом, шляпа, портупея, дорогие золотые вещи и, наконец, множество безделушек, в то время необходимых человеку хорошего тона, — тут было все.

— Одевайся, — сказал мексиканец. — Вот зеркало, гребенка, бритвы, мыло, все, что только нужно. Некоторые другие вещицы, которые тебе еще понадобятся, будут у тебя вместе с лошадью.

— Пожалуй, и одеться можно, а ты говори тем временем, И

действительно, Бартелеми принялся за свое превращение — да, да, это можно было бы назвать настоящим превращением червя в бабочку.

— Тебя зовут доном Гаспаром Альварадо Бустаменте, — начал дон Торибио.

— Что за чертову кличку навязываешь ты мне?

— Это твое имя на время, пока ты капитан шхуны «Санта-Каталина» из Веракруса, водоизмещением в двести пятьдесят тон, которая пришла сегодня утром в Картахену прямо из Мексики с грузом европейских товаров на имя сеньора дона Энрике Торибио Морено.

— А это что еще за молодец?

— Я сам.

— Ты?

— Ну да, разве тебе это неприятно?

— Ничуть. Продолжай, это походит на волшебную сказку, — со смехом ответил Бартелеми.

— Сегодня вечером я представлю тебя картахенскому губернатору дону Хосе Ривасу, с которым мы на короткой ноге, и дону Лопесу Альдоа де Сандовалю, командующему здешним гарнизоном.

— Я не настаиваю на этом.

— Зато я настаиваю.

— Очень хорошо. Дальше.

— Это все.

— Как все?

— Да, на первый раз хватит.

— Если я понимаю хоть что-нибудь... клянусь честью, я готов провалиться в тартарары!

— Тебе и понимать не нужно, — перебил дон Торибю. — Когда твое положение будет ясно определено в глазах всех, мы сможем беседовать, когда нам заблагорассудится, а наши торговые дела доставят нам самый естественный предлог.

— Правда, наши торговые дела, черт возьми! — вскричал флибустьер со смехом. — Но при всем том, должен признаться, я очень боюсь.

— Чего?

— Чтоб все эти замысловатые выдумки не привели к заключительной катастрофе.

— Объяснись.

— Я полагаю, что губернатор дон Хосе Ривас — так, кажется, ты назвал его?

— Ну да.

— Дон Хосе Ривас должен знать, что делается в городе.

— Разумеется.

— Портовые смотрители всегда докладывают ему о заходе и отплытии каждого корабля.

— Без сомнения.

— Стало быть, шхуна «Санта-Каталина»...

— Она пришла в порт сегодня утром.

— Из Веракруса?

— Из Веракруса.

— С европейскими товарами...

— На мое имя.

— Так ты действительно богат?

— Всего-навсего миллионер.

Авантюрист посмотрел на своего приятеля невыразимо насмешливо.

— Ага! — пробормотал он почти шепотом. — Убийство мексиканцем богатого торговца алмазами и похищение всего его состояния... эта история, которую рассказывали в Сан-

Франциско-де-Кампече, когда мы находились там, видно, имела основание?

Дон Торибио помертвел.

— Что ты хочешь сказать?

— Ты слыл за мексиканца уже в Кампече.

— Что ж из того? Разве я француз?

— Правда, и даже бретонец, — продолжал авантюрист со странной улыбкой. — Но в Кампече в то время было немало мексиканцев и без тебя; не станем же углубляться в этот вопрос и положим, я ни о чем не говорил.

— О, я ничего не боюсь!

— Мне ли не знать, черт побери! Впрочем, это касается одного тебя, а нам лучше вернуться к общему делу. Решено, что шхуна существует в действительности, что она пришла из Веракруса с грузом, принадлежащим тебе, что утром она стала на рейде и называется «Санта-Каталина»

— С удовольствием вижу, что ты ничего не упустил.

— Прекрасно. Но ведь шхуна же пришла из Веракруса не сама по себе

— полагаю, на ней был экипаж и, наконец, капитан?

— Само собой! Шесть человек экипажа и капитан.

— Куда же они девались? Уж не сбежали ли все разом — и матросы, и капитан?

— Увы! Мой бедный друг, — вскричал мнимый дон Торибио Морено с добродушно покровительственным видом, — все мы смертные.

— Поговорка мудрая и справедливая.

— Вот что случилось.

— Я слушаю.

— Вчера с борта шхуны завидели берег в столь поздний час, что нельзя было решиться войти в узкий пролив; итак, она была вынуждена лавировать всю ночь, чтоб приблизиться к берегу на рассвете. Около полуночи, при повороте судна, капитан упал в море.

— Бедный капитан! — сказал Бартеlemi чрезвычайно серьезно. — И его не удалось спасти?

— Пробовали.

— А!

— Но вот ведь какое роковое стечение обстоятельств! Спустили лодку; четыре человека сели в нее, и лодка с людьми камнем пошла ко дну. От страшной жары расплавилась смола, которой были залиты швы. Разумеется, вода набежала мгновенно — и все потонули.

— Все четверо?

— Все без исключения. Ночь была темная, море беспокойно. На шхуне оставалось всего два человека, как могли они оказать помощь товарищам?

— Вот что называется несчастьем! И к тому же, совсем у цели!

— В двух лье всего-то. Будь светло, их бы увидели.

— В том-то и дело, что ночь была темная, — заметил авантюрист по-прежнему насмешливо, — ты должен признать, что два человека, оставшиеся одни на шхуне, находились в большом затруднении.

— По счастью для них и для «Санта-Каталины», шхуну заметили еще до заката, так как я ожидал ее прибытия с нетерпением. Зная, с каким грузом она идет, я хотел удостовериться в причине, почему она не вошла в канал еще с вечера. Я тотчас отправился к ней в лодке с шестью матросами и часам к четырем утра причалил к судну, которое лежало в дрейфе перед входом на рейд, ожидая помощи.

— Это просто внушение свыше.

— Ты совершенно прав. В ту самую минуту, когда я ставил паруса, из Картахены вышел корабль, державший путь в Кадис.

— В самом деле! Вот что значит случай.

— Единственные два матроса, оставшиеся в живых на шхуне, были до того поражены ужасной ночной катастрофой, что стали умолять меня отпустить их на корабль, который выходил из картахенского порта.

— Разумеется, ты сжалился над этими несчастными и согласился.

— Действительно, так и было. Я выплатил причитающееся им жалование, даже прибавил маленькое вознаграждение, чтобы утешить их в несчастной гибели своих товарищей, и отвез на испанское судно, капитан которого был немного знаком со мной и согласился принять их.

— Как все соединяется, Боже мой! — вскричал Бартелеми, воздев очи горе. — И ты...

— Я тотчас нанял шесть человек, которых привез с собой. Они ровно ничего не знали о том, что произошло на шхуне. К тому же, прежде чем сесть в шлюпку, шедшую к «Санта-Каталине», я сказал им, сам не знаю зачем, — такая вдруг мне в голову пришла мысль, — что капитан накануне съехал на берег, чтобы скорее известить меня о приходе шхуны, которую между тем оставил у входа на рейд.

— Это и было причиной того, что они не удивились, увидав накануне всего только двух матросов. Про капитана же думали, что он на берегу.

— Как видишь, все это очень просто.

— Разумеется, любезный друг. И нарочно лучше нельзя было сделать.

— Что ты хочешь сказать? — отчасти надменно спросил дон Торибิโอ.

— Я? Ровно ничего!

— Ты, право, так странно толкуешь вещи... — невольно бледнея, возразил собеседник.

— Толкую, как следует толковать. Я просто удивляюсь, насколько счастье благоприятствует тебе; кажется, естественнее быть ничего не может. Ты волен истолковывать мои слова по-своему. Но помни одно: я нисколько не ответствен в твоих действиях и словах, не ответствен — благодарение Богу! — ив чистоте твоей совести. Следовательно, все это меня не касается и я умываю руки.

— Так-то лучше.

— Я только хотел знать все в подробностях, чтобы не наделать ошибок и промахов, всегда достойных сожаления во время исполнения назначенной тебе трудной роли в комедии, которая очень легко может перейти в трагедию, если будет продолжаться так, как началась. Теперь я знаю все, что мне следовало знать. Можешь быть спокоен, тебе не придется упрекать меня в чем-либо. Я готов. Что мы теперь будем делать?.. Но прежде всего посмотри на меня.

Дон Торибิโอ осмотрел его с величайшим вниманием.

Превращение было полным; от странной личности, появившейся с час назад на пороге шалаша, не осталось ровно ничего.

Авантюрист, как человек, получивший прекрасное воспитание, не был ничуть стеснен своим костюмом, он имел вид очень приличный. Мексиканец пришел в восторг и крепко пожал ему руку.

— Ты, ей-Богу, бесценный человек! — вскричал он с жаром.

— Не бесценный, — возразил Бартелеми со своим привычным насмешливым хладнокровием, — но я стою дорого, ты скоро убедишься в этом, — прибавил он, спокойно опуская в карман кошелек, данный ему прежним братом-матросом. — Повторяю: что мы теперь будем делать?

— Мы поедем.

— Хорошо, дай мне только спрятать свое ружье, любезный друг. Это «желен», которым я, признаться, очень дорожу. Я приду за ним, если не завтра, то очень скоро.

Пока авантюрист тщательно прятал свое ружье под сухими листьями, так долго служившими ему постелью, дон Торибио запер саквояж, вышел на тропу, окинул ее внимательным взглядом и свистнул два раза особым образом.

Ему почти мгновенно ответили таким же свистом.

Он вернулся в шалаш.

— Спрятал? — спросил он у авантюриста.

— Да, я готов, — ответил тот.

— Так потрудись привести сюда мою лошадь... Ах! Позволь еще одно слово.

— Говори.

— Помни, что с этой минуты ты — дон Гаспар Альварадо Бустаменте, командир шхуны «Санта-Каталина», пришедшей из Веракруса.

— А ты дон Энрике Торибио Морено, богатый мексиканец, владелец моих товаров.

— Очень хорошо, только смотри не проговорись как-нибудь. И будем при посторонних всегда говорить друге другом по-испански.

— Разумеется. Если тебе нечего больше сообщить мне, я приведу твою лошадь.

— Веди.

Минут пять авантюрист был в отсутствии и вернулся со стороны дороги.

— Лошадь готова, — сказал он.

В эту минуту раздался топот лошадей, скачущих во весь опор.

Товарищи вышли из шалаша.

Это скакал верхом негр, ведя другую лошадь под уздцы.

Он остановил лошадей перед шалашом и почтительно поклонился мексиканцу.

— Сеньор дон Гаспар, — сказал дон Торибио, — я думаю, вы напрасно будете ждать дальше того человека, о котором говорили. Судя по всему, он уже не придет.

— Я разделяю ваше мнение, сеньор кабальеро, — тотчас ответил Бартелеми, отважно входя в свою роль, — да и мне больше нельзя оставаться здесь: я должен ехать на шхуну.

— Як вашим услугам, сеньор кабальеро. Прошу вас взять лошадь, которую я приготовил для вас, и принять эту шпагу взамен сломанной.

— Тысячу раз благодарю вас, кабальеро.

Все это было сказано на чистейшем кастильском наречии.

Оба вскочили в седло и поскакали к Картахене, куда прибыли без малого в пять часов пополудни.

Негр, невольник дона Энрике Торибио, следовал за ними на почтительном расстоянии, даже не стараясь уяснить себе, что произошло в его отсутствие.

ГЛАВА XI. Как встретились «Задорный» и «Сан-Хуан-Батиста»

Мы оставили «Задорный» с убранными главными парусами, между тем как его раскачивало во все стороны разъяренными волнами, исполинские гребни которых то и дело перекатывались через палубу.

Ураган бушевал двое суток. Все усиливаясь, он наконец достиг таких размеров, что были вынуждены убрать все паруса до единого и закрепить все снасти, какие только можно, чтобы спасти их от действия бури. Случай весьма редкий в морском деле: корабль только и держался, что на руле, которым едва могли управлять четверо самых сильных моряков из всего экипажа.

«Задорный» так и подбрасывало; на палубе нельзя было держаться от волн, которые ежеминутно бешено устремлялись через нее. Измученные матросы стали глухо роптать, и офицерам стоило величайшего труда сдерживать их недовольство.

Экспедиция начиналась неудачно; уже поговаривали о роковом тринадцатом числе и благодаря суеверию матросов недовольство грозило принять очень серьезные размеры.

Один капитан Медвежонок Железная Голова и его помощники, Олоне, Польшэ и еще два-три человека оставались холодны и спокойны. Обратив взгляд на небосвод, они с уверенностью выжидали конца урагана.

На третьи сутки, в восемь часов утра, буря как будто стала стихать, ветер заметно спал, хотя море еще бешено выбрасывало свои волны на необъятную высоту и стремительно обрушивалось на корабль. В девять часов уже можно было воспользоваться ветром, а в поддень «Задорный» ходко шел вперед под несколькими парусами.

В первый раз по происшествии трех суток на «Задорном» могли делать наблюдения по солнцу и определить положение судна!

Оказалось, что оно находится совсем рядом с Сент-Кристофером, прямо на пути следования европейских кораблей, направляющихся к острову или возвращающихся от его берегов.

Экипаж снова повеселел. С обычной беспечностью моряков матросы сами подтрунивали над паникой, которая было овладела ими, между тем как готовили оружие к бою и вновь водворяли на корабле порядок и чистоту, разумеется упущенные из виду во время шторма. Теперь у этих

людей только речи и было, что о доле добычи, на которую они рассчитывали, да о тех богатствах, которые они захватят.

Часам к четверем пополудни Пьер Легран стоял на вахте и расхаживал между ютом и грот-мачтой, то наблюдая за парусами, то глядя на море, которое стихало все более и более, и по временам бросая взгляд на нактоуз, когда вдруг дозорный на верхушке фок-мачты крикнул:

— Корабль!

Пьер Легран кинулся на бак.

— Эй, дозорный! — крикнул он, образовав руками нечто вроде рупора.

— Есть, — ответил матрос.

— Где видишь корабль?

— От штирборта милях в четырех под ветром.

— Судно трехмачтовое?

— Нет, настоящий двухмачтовик с низкой кормой. Это бриг!

— Предупреди-ка командира, малый, — обратился старший капитан к Александру, стоявшему возле него с боцманским свистком в руках.

Александр передал приказание матросу, который тотчас исчез в люке на юте.

— Куда направляется бриг? — продолжал расспрашивать Пьер Легран.

— Идет на нас, — ответил дозорный, — он уже заметил фрегат.

— Ты уверен, что заметил?

— Так точно; он взял к ветру на два румба.

— Видно, «испанец».

В это мгновение на палубу поднялся командир с длинной подзорной трубой через плечо.

Он пристально поглядел на ту точку горизонта, где должен был находиться замеченный корабль, потом, не говоря ни слова, быстро влез на выбленки и вмиг очутился на грот-марселе, а с него поднялся на вершину брам-стенги, поднял подзорную трубу и стал смотреть.

Весь экипаж стоял на палубе молча и неподвижно.

Волшебное слово «корабль», точно гальванический ток, оживило самых ленивых и беспечных. Корабль — это означает добычу, поживу, быть может богатство, но уж наверняка бой с непримиримыми врагами. Разумеется, жадное нетерпение флибустьеров все разгоралось, пока командир хладнокровно рассматривал во всех подробностях замеченное судно.

Прошло несколько минут. Наконец Медвежонок Железная Голова медленно спустился назад на палубу.

— Братья, — сказал он, сняв шляпу, — это судно — испанский бриг;

он сейчас повернул на другой галс, но с Божьей помощью мы догоним его до заката: он далеко не так легок на ходу, как мы. Господин лейтенант, распорядитесь, чтобы пуститься за ним в погоню.

Маневр был исполнен с необычайным усердием и похвальной быстротой.

В несколько минут «Задорный» покрылся парусами и вскоре рассекал носом волны со стремительностью морской чайки.

Удостоверившись, что приказание его было правильно понято и исполнено, командир вернулся в свою каюту в сопровождении Польтэ и Олоне.

«Задорный» был едва ли не лучшим ходоком из всех французских, английских, голландских и испанских судов, которые в ту эпоху бороздили Атлантический океан по всем направлениям.

И в этот раз он не ударил лицом в грязь. Как ни хитрил, как не менял галс, как ни вертелся и поворачивал несчастный бриг, за которым гнался фрегат Медвежонка, ничто не помогло; он был вынужден признать себя побежденным.

Вскоре он уже показался на небосклоне белым пятнышком с величину крыла чайки; потом пятно стало расти, стали различимы паруса, затем корпус, и часам к шести вечера бриг находился не более чем в полумиле от грозного корсара.

Впрочем, сознавая невозможность спастись от когтей хищника, бриг покорился своей участи с тем героическим спокойствием, которым во все времена отличались испанцы, фаталисты по природе, пропитанные восточным духом покорности судьбе вследствие восьмивекового рабства под игом мавров.

Бриг убрал почти все паруса, которые распустил было сначала, и храбро продолжал свой путь под малыми парусами.

Медвежонок опять появился на палубе и, поднявшись на шканцы, взял в руки рупор.

— Все по местам! К бою! — скомандовал он.

— Все готовься к бою! — повторил Олоне.

Немедленно на палубе и на батареях все пришло в движение, гренадеры и самые искусные стрелки взобрались на мачты; потом все стихло, и мертвое молчание водворилось на фрегате.

— Командир! — сказал Олоне. — Все готово, каждый на своем месте.

Пьер Легран с фитилем в руках неподвижно стоял у пушки на баке, устремив взгляд на командира.

Тот подал знак. Пьер Легран поднес фитиль.

Грянул выстрел, и в то же мгновение флибустьерский флаг величественно взвился над фрегатом.

Флаг этот, как удостоверяют все сочинения о флибустьерстве, голубой, белый и красный, имел в точности такое же расположение полос, как на нынешнем национальном флаге Франции.

Только на белой полосе командир «Задорного» велел изобразить черную медвежью голову в натуральную величину, пользуясь преимуществом флибустьеров помещать, если им заблагорассудится, герб, разъясняющий их имя, на флаге собственного судна.

Пушечный выстрел был только угрозой, никакого ядра не пронеслось над волнами. Однако эту угрозу вполне правильно истолковали на бригае: большой испанский флаг мгновенно поднялся на корме, и радостное «ура!» экипажа «Задорного» погребальным звоном отдалось в ушах испанцев.

Между тем погоня все продолжалась; вскоре «Задорный» поймал в паруса свежий порыв ветра и очутился рядом с бригам, на расстоянии слышимости голоса.

— Эй, на судне! — крикнул Медвежонок в рупор.

— Эй! — тотчас отозвались с брига.

— Ложись в дрейф или потоплю!

Приказание флибустьера на бригае исполнили с быстротой, похожей на волшебство.

Фрегат шел вперед еще несколько минут, потом также лег в дрейф.

Два судна находились на расстоянии неполного ружейного выстрела.

Тут Медвежонок приступил к продолжению на минуту прерванного разговора.

— Название и водоизмещение брига? — спросил он.

— «Сан-Хуан-Батиста» в триста пятьдесят тонн.

— С каким грузом?

— Индиго, кофе, слитки серебра и сплюснутая серебряная посуда.

При этом блистательном перечислении богатств, заключавшихся в трюмах брига, радостный трепет пробежал по рядам флибустьеров.

— Откуда и куда идете? — продолжал спрашивать Медвежонок.

— Из Картахены в Кадис прямым путем.

При упоминании о Картахене командир едва удержался от удивленного жеста.

— Сколько времени вы в пути?

— Мы вышли из Картахены одиннадцать дней назад.

— Пришлите лодку с капитаном.

Этот маневр был исполнен гораздо медленнее первого. Испанцы

страшно боялись флибустьеров, которых буквально считали исчадиями ада; однако приходилось покоряться.

На воду спустили шлюпку, в нее сошли несколько человек, хотя и с очевидным неудовольствием, потом они отчалили от брига и направились к корсару, отдавая всеми возможными мерами страшную минуту встречи с противниками.

Командир «Задорного» обратился к своему экипажу со словами:

— Пусть каждый остается на своем месте. Ни криков, ни ропота: я хочу, чтобы величайший порядок и глубокая тишина царили на фрегате в течение всего времени, пока на нем будет оставаться испанский капитан. Боцман, — продолжал Медвежонок, — поставьте четырех человек у трапа на штирборте. Покажем этим гордым испанцам, что и мы знаем морские обычаи. Да быть наготове бросить канат, как только подойдет шлюпка.

Несмотря на преднамеренную медлительность, за которую всякий другой флибустьерский предводитель заставил бы дорого поплатиться, шлюпка с испанского брига в конце концов все-таки достигла фрегата.

Капитан, который правил рулем, был человек лет сорока, с мелкими и ничем особенным не приметными чертами лица, на котором было разлито выражение грусти и глубочайшего уныния.

Он один взошел на фрегат. Ему отдали воинские почести. Испанец ответил с улыбкой, исполненной горечи, и направился к командиру фрегата, который со своей стороны спустился со шканцев и шел к нему навстречу.

— Э-э! — вскричал Медвежонок с движением дружеского удивления. — Да это, кажется, дон Рамон де Ла Крус, если не ошибаюсь.

— Увы, благородный командир, — ответил тот со смиренным поклоном, — опять я.

— Опять? Уж не укор ли это, капитан?

— Он относится лично ко мне, командир. Видно, судьбой так определено, что я не могу совершить ни одного перехода, не будучи захваченным вами в плен. Я сетую на судьбу, а не на вас.

— Действительно, мы встречались чуть ли не три раза.

— Четыре, командир.

— Вы думаете?

— Увы! Уверен, — со вздохом ответил дон Рамон.

— Положим, четыре! Итак, в знак уважения к старому знакомому я прошу сказать мне, что могу сделать для вас.

— Только одно, командир.

— Вернуть вам ваше судно, не так ли?

— Увы!

— К несчастью, это невозможно. Но Бог мне свидетель, я желаю облегчить вашу участь... Пойдите, кажется, я придумал средство. Есть ли на корабле что-нибудь, принадлежащее лично вам?

— Увы! Все мое состояние.

— Как так?

— Индиго и кофе — моя собственность.

— Какая опрометчивость.

— Теперь я и сам это вижу.

— Впрочем, кто знает! Сколько стоила вам покупка этого индиго и кофе?

— Пять тысяч пиастров, все мое состояние.

— Гм! Сумма крупная... Все равно, что сказано, то сказано! Я покупаю у вас индиго за шесть тысяч пиастров от своего имени и от имени своих товарищей; сверх того я уполномочиваю вас взять две лодки, в которые вы сложите все ваши собственные вещи, равно как и те, что принадлежат членам вашего экипажа. Сколько их?

— Четырнадцать, благородный командир, — ответил капитан с растерянным видом, — да еще два матроса, которых я взял пассажирами при выходе из Картахены.

— Стало быть, шестнадцать человек. Возьмите еще пресной воды и съестных припасов на восемь дней, десять ружей, восемь пистолетов и сто пятьдесят зарядов пороха, чтобы иметь возможность защищаться в случае необходимости; вы находитесь поблизости от Антильских островов, стало быть, если не сумеете добраться до испанских владений, то уж решительно судьба против вас. Впрочем, для большей верности, на тот случай, если бы вы наткнулись на какого-нибудь корсара с Черепахи или из Пор-Марго, я снабжу вас пропуском. Довольны вы теперь?

— О, командир! — вскричал капитан со слезами в голосе, целуя руки флибустьера, несмотря на его сопротивление. — Я навеки остаюсь у вас в долгу. Чем могу я отплатить вам?

— Рассказывая вашим соотечественникам, любезный дон Рамон, что флибустьеры вовсе не такие дьяволы, какими кажутся, что и у них есть сердце, как у других людей. А теперь послушайте моего совета.

— Я готов на все.

— Постарайтесь больше мне не попадаться.

— Говоря по правде, — наивно воскликнул дон Рамон не то со смехом, не то со слезами, — если уж суждено мне быть захваченным в плен в

пятый или, вернее, в шестой раз, я скорее предпочел бы, чтобы это было проделано вами, нежели кем-нибудь другим.

— Благодарю. Пока будут переносить в лодки вашу поклажу, пойдемте перекусить в мою каюту, капитан, и потолкуем.

— К вашим услугам, командир.

— Олоне, ты слышал? — обратился Медвежонок к младшему капитану. — Посмотри, чтобы все было исполнено, как я решил.

— Будь спокоен, я беру это на себя.

Медвежонок Железная Голова и капитан испанского брига дон Рамон де Ла Крус спустились в каюту, где были приготовлены закуски.

Оба моряка сели за стол.

Флибустьер, как известно, не пил вина; но это не мешало ему быть любезным и приятным хозяином.

Когда дон Рамон выпил два-три стакана вина, Медвежонок вынул из небольшого кожаного мешочка, который висел у него на шее на стальной цепочке, довольно крупный алмаз и подал его капитану.

— Разбираетесь ли вы в подобных вещах? — спросил он.

— Немного, — ответил испанец, — одно время я торговал ими.

— Так взгляните на этот алмаз и оцените его. Капитан взял алмаз, очень внимательно осмотрел его, поворачивая во все стороны, и наконец сказал:

— Он стоит по меньшей мере одиннадцать тысяч пиастров.

— То есть пятьдесят пять тысяч франков, — заметил Медвежонок, отстраняя руку испанца, который возвращал ему драгоценный камень, — итак, оставьте его на память обо мне, любезный капитан. Теперь с денежными делами мы покончили; побеседуем, если вы ничего против этого не имеете?

— Однако, — возразил дон Рамон, — этот алмаз...

— Что ж, это плата за ваше индиго и за кофе, вы продали мне их с прибылью ста на сто, вот и все. Я же даю вам алмаз, потому что его удобнее иметь при себе, чем золото; уберите его и бросим разговор о нем. Скажите-ка лучше, кто теперь губернатор в Картахене?

— Дон Хосе Ривас, граф де Фигароа, предостойный дворянин, у которого очаровательная дочь.

— Ага! У него есть дочь. Ребенок, наверное?

— Нет, любезный командир, донье Эльмине лет шестнадцать, насколько я мог судить по виду.

— Дочь губернатора зовут Эльминой? — воскликнул Медвежонок, слегка вздрогнув. — Она очаровательна, по вашим словам. Наверное, за

ней многие ухаживают?

— Этого я, по правде, не сумею сказать. Только я знаю, что, когда я уезжал, речь шла о ее браке.

— Донья Эльмина выходит замуж! — вскричал Медвежонок, помертвев.

— По крайней мере, так говорят, — ответил спокойным тоном дон Рамон, который не подозревал, какое значение для собеседника имели его слова.

— И кто сей счастливый смертный?

— Признаться, любезный командир, мне этот счастливец кажется довольно гаденькой личностью, между нами будь сказано. Это мексиканец, который в один прекрасный день словно с неба свалился в колонию. Никто не знает, кто он и откуда. Он слывет страшно богатым, живет на широкую ногу и ведет игру по-крупному. Последнее качество, судя по всему, и открыло ему двери дома губернатора, с которым он теперь в самых коротких отношениях, уже настолько коротких, что на днях женится на его дочери, бедняжке!

— Вы жалеете эту девушку?

— От всего сердца жалею, командир. Я уверен, что ее приносят в жертву. Она не может любить этого человека, о котором ходят странные, даже гнусные слухи.

— Расскажите-ка мне о них.

— Я уже говорил вам, командир, что при выходе из Картахены я принял на борт брига в качестве пассажиров двух матросов.

— Помню.

— Ну так вот, эти два матроса были привезены мне самим доном Торибио Морено.

— Доном Торибио Морено?

— Да, так зовут мексиканца.

— Ага! Очень хорошо! Продолжайте.

— Представьте себе, этот дон Торибио Морено ждал своей шхуны «Санта-Каталина» из Веракруса. На шхуне было всего семь человек, включая и капитана. Так вот, мексиканец так ловко подстроил дело, что при подходе к картахенскому рейду потонули четыре матроса и сам капитан. Дон Торибио Морено сам приехал на шхуну с новым экипажем немного спустя после этого рокового случая, но два матроса, оставшиеся в живых, были охвачены жестоким ужасом от всего, что произошло на их глазах, и во что бы то ни стало хотели покинуть шхуну. В это самое время я выходил в море. Сеньор Морено, который, вероятно, ничего больше не желал, как

только избавиться от нежелательных свидетелей, предложил мне взять их на бриг, на что я согласился.

— И теперь они у вас?

— А то как же! Им это темное дело известно во всех подробностях. Только одного я не пойму: какая выгода может быть дону Торибю Морено в этом потоплении?

— Я дознаюсь, — пробормотал себе под нос флибустьер. — Хотите уступить мне этих двух людей, капитан, — спросил он вслух, — даю вам слово, что им не будет причинено вреда, напротив.

— Как вам угодно, любезный командир. Но позвольте узнать?..

— Любопытство, капитан, одно любопытство. Вот вам пропуск, — прибавил он, подавая бумагу, на которой написал несколько слов и подписался внизу, — теперь пойдете.

— Ах! Командир, — вскричал капитан, пряча драгоценный листок, — я, право, не сумею выразить...

— Полноте, мы старые друзья, и я не хочу, чтобы с вами случилось несчастье. Идете же.

Они вышли на палубу.

Олоне в точности исполнил приказание командира: две самые большие лодки с брига были нагружены сундуками и всем имуществом экипажа. Сами матросы разместились в лодках с запасом воды, съестных припасов и оружия. В лодку, которая была побольше и предназначалась для самого капитана, сложили его собственные вещи. Человек десять флибустьеров перешли на время на бриг, чтобы нести вахту.

Два испанских матроса с радостью приняли предложение Медвежонка и поспешно поднялись на борт фрегата.

Кроме личных сведений, которые командир экспедиции надеялся получить от них, эти двое своим знанием местности и порта, куда направлялся фрегат, могли быть весьма полезны для общего дела. Разумеется, флибустьеры поняли цель начальника и с удовольствием встретили это пополнение экипажа.

Капитан дон Рамон де Ла руус, простившись с капитаном Медвежонком Железная Голова и осыпав его благословениями, сошел в свою шлюпку, и две лодки помчались на всех парусах к острову Куба, берегов которого они могли достигнуть менее чем за трое суток, если бы все время дул свежий попутный ветер.

Медвежонок Железная Голова отобрал сто пятьдесят человек, которых перевел на бриг. Кроме того, он вооружил его дюжиной восемнадцатифунтовых орудий, которые находились в трюме фрегата, и

переименовал свой приз в «Бунтаря», назначив Олоне капитаном. Вслед за тем на обоих флибустьерских кораблях подняли паруса, и они устремились к Картахене.

ГЛАВА XII. Как донья Лилия полностью одобрила свою кузину

Когда двери залы затворились за доном Хосе Ривасом и его приятелем, донья Эльмина опустила голову и две слезы тихо скатились по ее щекам, между тем как вздох вырвался из ее груди. Донья Лилия тихо подошла, села на стул возле нее и нежно пожала ей руку.

— Бедная сестра! — шепнула она ласково.

Донья Эльмина не ответила, она сидела неподвижная и грустная, устремив в пол растерянный взгляд.

— Эльмина, милая, — продолжала девушка, целуя кузину в лоб, — не унывай, приди в себя, вооружись бодростью против горя, не поддавайся отчаянию, опомнись. Твое несчастье велико, но могущество Божье беспредельно.

— Нет, Лилия! Нет, моя дорогая! Сам Господь не может спасти меня. Я в могучих когтях тигра, а тигр неумолим, как тебе известно. Я должна умереть.

— Умереть, ты?

— Да, Лилия, лучше смерть, чем страшная жертва, которой требует от меня отец.

— Тебя ли я слышу? Всего два часа тому назад не была ли ты исполнена твердости, отваги и надежды!

— Я надеялась, это правда, на что — сама не знаю. Всегда надеешься, увы, когда страдаешь, а я страдаю так сильно, Лилия.

— Бедный, милый друг, приди в себя, повторяю, не поддавайся горю. То, что произошло во время визита твоего отца, не должно было тебя удивить, ведь ты все знала. Так ободришь же и вернемся к нашей беседе, прерванной так некстати. Докончи признание, на которое едва намекнула...

— Не настаивай, любезная Лилия, — с живостью перебила ее донья Эльмина, подняв голову, — все это — один только бред воспаленного воображения. Я погибла, я чувствую это. Ничто не удержит меня на краю пропасти, в которую я готова низринуться.

— Не говори таким образом, Эльмина, умоляю тебя; напротив, ты должна мужаться и не поддаваться отчаянию.

— Мужаться! — горестно повторила Эльмина. — К чему пытаться вступить в безнадежную борьбу? Увы! Моя судьба решена безвозвратно.

— Кто знает, Боже мой! Разве не может случиться чего-нибудь необыкновенного?

— Не старайся, любезная Лилия, — возразила Эльмина, качнув головой, — вселять в меня надежду, которой сама не имеешь.

— Полно, милая Эльмина, будь же немного бодрее. Забудь, если можешь, хоть на минуту свое горе, и попытайся отвлечься чем-нибудь. Поговорим душа в душу, открой мне тайну, которая гнетом лежит у тебя на сердце, а ты все упорно носишь его одна, скрывая от всех.

Донья Эльмина задумалась, бледная улыбка мелькнула на ее губах, и наконец невыразимо грустным тоном, в котором звучало глубокое смирение, она сказала:

— Впрочем, милая Лилия, я не вижу причины хранить секреты от тебя, моего единственного друга. Признание, которого ты требуешь от моей дружбы, я сделаю в двух словах: я люблю. Тот, кого я люблю, не знает о моем чувстве; он далеко, очень далеко от меня. Никогда я не увижу его более, он едва знаком со мной, и даже если бы любил меня, что немыслимо, нашему союзу препятствуют такие неодолимые преграды, такая бездна разделяет нас, что я никогда не смогу принадлежать ему! Эта любовь — просто безумная мечта.

Донья Лилия выслушала кузину с величайшим вниманием, порой покачивая головой и очаровательно надувая крошечные губки.

— Эльмина, — шепнула она, когда та замолчала, — французы говорят, что слова «невозможно» в их языке не существует; почему бы не допустить этого и для испанского?

Донья Эльмина пристально поглядела на нее.

— С какой стати говоришь ты мне про французов? — спросила Эльмина, и голос ее слегка дрогнул.

Донья Лилия улыбнулась.

— Французы — люди с душой, — заметила она вкрадчивым голосом.

— Некоторые из них доказали нам это, — ответила Эльмина, подавив вздох.

Донья Лилия склонила голову к плечу кузины.

— Не знаю, заметила ли ты, — продолжала она, — но дон Торибิโอ в нашем присутствии как будто прикидывается...

— Ни слова больше об этом человеке, — вскричала с живостью донья Эльмина, — умоляю тебя!

— Как хочешь, но пока он говорил с тобой, я пристально вглядывалась в него и, как и ты...

— Как и я, не правда ли, нашла, что лицо его очень тебе знакомо? —

перебила донья Эльмина с нервным содроганием во всем теле.

— Это и вправду он, буканьер, разбойник с Санто-Доминго!.. О! Никогда не существовало сходства удивительнее!.. — продолжала донья Лилия. — А между тем тот, о ком мы говорим, не может быть жив.

— Разве злой дух не выходит из пучины?

— Но если это он, надо предупредить твоего отца, Эльмина, и все сказать ему.

— Что же все? — возразила дочь дона Хосе Риваса, с унынием качая головой. — Что мы знаем? Ровно ничего. К тому же этот человек целиком завладел моим отцом, который видит все вокруг только его глазами. Доказательства же мы, к несчастью, никакого привести не можем.

— Как знать! — быстро ответила донья Лилия.

— Что ты подразумеваешь под этим?

— Выслушай меня, Эльмина. У меня также есть тайна, которую я тебе открою, — твердо и решительно заявила донья Лилия.

Донья Эльмина взглянула на нее с изумлением.

— У тебя?

— Ну да, Эльмина. Ты знаешь, какая я сумасбродка и как люблю бродить одна по лесам и по полям. Ты сама часто ставила мне в укор мои бродяжнические наклонности.

— Правда, — прошептала донья Эльмина, улыбаясь сквозь слезы.

— Так именно этой моей страсти к одиноким странствиям мы, пожалуй, и будем обязаны единственной помощью, на которую можно рассчитывать.

— Объяснись.

— Одним прекрасным утром, недель шесть назад, я выехала верхом из деревни и скакала по лесу без определенной цели, просто находя наслаждение в том, чтобы вдыхать свежий и легкий воздух и чувствовать, как утренний ветерок играет в моих волосах. Вдруг моя лошадь бросилась в сторону, так что я едва удержалась на седле. И представь себе, я вижу, что поперек дороги лежит человек в лохмотьях, с длиной бородой и осунувшимся лицом; он имел самый жалкий вид. Я сошла с лошади и наклонилась к нему. Глаза незнакомца были закрыты, и глухое хрипение вырывалось из его груди. Мне с трудом удалось привести его в чувство. Несчастный умирал с голоду. Я бросилась в деревню и привезла ему что-нибудь поесть. Когда же он немного пришел в себя, то сознался мне, что он француз, флибустьер, чудом спасшийся из испанской тюрьмы. Зная, что будет безжалостно убит, если попадет в руки своих врагов, он добрался до леса и скитался в нем несколько дней, питаясь кореньями и дикими

плодами. Ружье он сохранил, но пороха не имел, следовательно, ни охотиться, ни защищаться не мог. Я дала ему нож и топор, которые захватила с собой из деревни, и высыпала все деньги, какие были у меня в кошельке, на траву возле него.

— Это хорошо, милая Лилия.

— Он сказал мне только: «Вы спасли мне жизнь, она принадлежит вам».

— И ты виделась с ним после того?

— Часто. Он рассказал мне всю свою историю. По-видимому, это какой-то знаменитый флибустьер с Черепашьего острова. Я говорила с ним о...

— О ком?

— О том, кого ты знаешь, милая, — улыбаясь, ответила донья Лилия, — он знает его и любит; мне и пришла в голову одна мысль, — прибавила она нерешительно.

— Какая?

— Видя тебя такой страдающей и не зная, каким способом помочь твоему горю, я с месяц назад спросила у Бартелеми — этого человека зовут Бартелеми — нет ли у него возможности доставить письмо на Санто-Доминго.

— «А что, это очень важно, сеньорита?» — осведомился он.

— «Вопрос жизни или смерти», — ответила я.

— «Хорошо, — сказал он, — сам еще не знаю как, но клянусь вам, я доставлю письмо. Давайте его».

— «Я привезу его завтра».

— И письмо это?.. — вскричала донья Эльмина задыхающимся голосом.

— Я отдала на следующий день Бартелеми. В письме заключалось всего три слова: «Картахена. Сейчас. Опасность». Однако надо было, чтобы тот, к кому посылалось извещение, узнал, от кого оно. Тут я вспомнила про кольцо, которое ты постоянно носишь на груди в ладанке из пахучей кожи. Я тайком сняла его с тебя, пока ты спала и, каюсь, отважно приложила печать вместо подписи.

— Ты сделала это, Лилия?

— Признаюсь, сделала, моя душечка. Ты находишь, что я была не права?

— О Лилия, моя дорогая Лилия! — вскричала донья Эльмина, бросившись кузине на шею. — Спасибо тебе, спасибо тысячу раз!

— Спустя три дня Бартелеми, которого я нигде не могла отыскать, хотя

изъездила весь лес вдоль и поперек, сам пришел ко мне сюда.

— Письмо отправлено, — объявил он мне, — оно дойдет самое позднее дней через десять.

— О! Только бы он получил его! — пробормотала дочь дона Хосе.

Лилия улыбнулась.

— Недели две назад, — продолжала она, — Бартелеми сказал мне однажды утром: «Капитан получил письмо, он будет. Зорко наблюдайте, и я со своей стороны буду смотреть в оба».

— Так он уже в пути?

— В пути. Довольна ли ты теперь, милочка?

— О, Боже мой! Неужели Ты сжалишься надо мной? — воскликнула донья Эльмина и зарыдала.

Две девушки крепко обнялись, одновременно и плача, и улыбаясь.

ГЛАВА XIII. В которой дон Торибิโอ и его приятель беседуют о кое-каких своих делах

Прошло несколько дней со времени представления капитана Бустаменте губернатору города Картахены дону Хосе Ривасу де Фигароа. Знаменитый флибустьер так искусно сыграл свою маленькую *рольку*, как говаривал кровавой памяти король Карл IX, мнимый капитан «Санта-Каталины» изъяснялся на таком чистейшем кастильском наречии, выражал настолько глубокое отвращение к грабителям с Тортуги, Санто-Доминго и Ямайки, а в особенности с такой очаровательной непринужденностью выигрывал пиастры и квадруполи новых приятелей, что все лица, присутствовавшие на вечерах губернатора, с первого же раза признали его за *старого христианина* и чистокровного испанца из старой Кастилии.

Заметим мимоходом, что в испанских колониях Америки и даже в самой Испании звание *старого христианина* — настоящий титул и присваивается только тем, в чьем роду никогда не примешивалось ни индейской крови в Америке, ни мавританской в Испании.

Дон Хосе Ривас был очарован таким замечательным игроком и почувствовал к нему безотчетное влечение; он радушно отворил двери своего дома настежь для капитана Бустаменте.

Итак, все улыбалось авантюристу: он был богат, пользовался почетом и уважением и вдобавок имел прелестное судно.

Однако капитан Бартелеми не был счастлив. На ясном небосклоне его судьбы виднелась темная тучка, правда едва заметная, но напоминающая о том, как в аргентинской пампе крошечная черная точка на горизонте в несколько мгновений может разрастись до громадных размеров и превратиться в ураган.

В этот день около семи часов утра достойный капитан задумчиво сидел в каюте своей шхуны «Санта-Каталина», облокотившись о стол и подперев руками голову, и трагическим взглядом смотрел на громадный стакан глинтвейна, стоявший перед ним.

— Это не может длиться дальше таким образом, — пробормотал он, — я просто более не человек и не принадлежу себе. Черт меня побери, если я не превратился в вещь, которую ворочают и вертят как хотят! Надо так или иначе положить этому конец. Мне надоело.

Он встал, залпом осушил стакан и вышел на палубу.

— Спустить мою шлюпку, — приказал он вахтенному, который расхаживал взад и вперед по шкафуту.

Приказание исполнили немедленно.

Через несколько минут шлюпка отчалила от шхуны и направилась к берегу.

Едва капитан занес ногу на первую ступень пристани, как вдруг увидел перед собой высокую фигуру своего близкого приятеля дона Торибио Морено.

Мексиканец улыбался.

Капитан, напротив, нахмурил брови.

Он знал своего приятеля: улыбка не предвещала ничего хорошего.

— Ты куда? — поинтересовался дон Торибио, протягивая ему руку.

— На берег, — лаконично ответил капитан, не взяв руки.

— Видно, у тебя есть какой-то замысел? — продолжал расспрашивать дон Морено, нисколько не обидевшись.

— Нет.

— Так пойдем позавтракаем вместе.

— Я не хочу есть.

— Голод придет, когда примешься за еду. Капитан сделал нетерпеливый жест.

— Да что же с тобой сегодня? — спросил дон Торибио, пристально глядя на него.

— Не знаю, я раздражен. Пусти меня.

— Куда ты идешь?

— За своим ружьем, если тебе непременно надо знать.

— Неужели ты так им дорожишь?

— Разумеется, дорожу.

— В таком случае все складывается как нельзя лучше, мы поедем вместе. Я еду на свою ферму в Турбако.

— Я предпочитаю отправиться один.

— Весьма возможно, но я мне крайне необходимо переговорить с тобой, любезный друг.

— После переговоров.

— Нет, сейчас; то, что я должен тебе сказать, очень важно и не терпит отлагательства.

— А-а! — вскричал авантюрист, останавливаясь, и в свою очередь посмотрел прямо в глаза собеседника. — Что такое творится?

— Еще ничего, но скоро, пожалуй, что-то произойдет.

— Что же именно?

— Узнаешь. Поедем.

— Поедем, раз ты так настаиваешь.

Держа на поводу двух оседланных лошадей, черный невольник неподвижно стоял в нескольких шагах. Дон Торибио подал ему знак; он подвел лошадей.

Бартелеми и его приятель вскочили в седло.

Через пять минут они несись по дороге.

Видя, что спутник упорно молчит, дон Торибио наконец решился вступить в разговор.

— Ты ведь принял на шхуну десять человек, которых я прислал к тебе четыре дня тому назад? — спросил он.

— Принял, хотя, признаться, вовсе не понимаю, на что тебе понадобился экипаж из шестнадцати человек на судне, которым легко управлять вчетвером.

— Тебе какое дело?

— Никакого, только хочу заметить, что если ты делал выбор намеренно, то он удачен: это сущие разбойники.

— Ба! Ты усмиришь их, не мне тебя учить, как за это взяться. Кстати, ты ведь также принял на борт порох и четыре орудия?

— Все тщательно спрятано в трюме.

— И ты готов сняться с якоря?

— По первому знаку. Целых двое суток я стою наготове на большом рейде.

— Очень хорошо.

— Ты доволен, тем лучше.

— И ты будешь доволен, когда узнаешь, что я хочу сделать.

— Какую-нибудь гадость, вероятно?

— Великолепную штуку. Ты знаешь, что у губернатора есть дочь?

— На которой ты женишься.

— Какой дурак наговорил тебе подобный вздор! — вскричал дон Торибио, пожимая плечами. — Я уже десять лет как женат, дружище. Черт возьми! Я не хочу быть двоеженцем.

— Чего же ты хочешь?

— Немногого. Ты ведь обедаешь сегодня у губернатора?

— Ну да.

— За десертом ты пригласишь губернатора с семейством, дон Лопеса Сандовалья, командующего гарнизоном, и всех присутствующих на вечер, который ты даешь на своей шхуне перед уходом из Картахены, чтобы

отблагодарить за оказанное тебе радушное гостеприимство, понимаешь?

— Совсем мало.

— Все с радостью принимают твоё приглашение, а ты устраиваешь пир. Пока гости веселятся, играют, пьют и танцуют в каюте на корме, ты тихонько снимаешься с якоря и выходишь в открытое море. В двух или трех милях от рейда мы берем с наших гостей выкуп — и шутка сыграна.

— А богатство-то своё ты бросишь, что ли?

— Мой бедный Бартелеми, до конца дней твоих ты останешься простаком, — заметил дон Торибио, пожав плечами и глядя на собеседника с насмешливой улыбкой. — Сколько бочонков принял ты на шхуну?

— Тридцать, черт возьми! Можно подумать, что ты сам не знаешь!

— Счет верен. Ну так вот, двенадцать из них набиты золотом. Я потихоньку превратил все своё состояние в деньги под предлогом грядущих больших трат для покупки земель, домов и так далее. Теперь всё мое богатство на «Санта-Каталине», понимаешь?

— Ещё бы!

— Что же ты скажешь о моей мысли?

— Это порядочная гнусность! — отчеканил капитан.

— Ба-а! Разве, любезный друг, не всё позволено в борьбе с испанцами?

— Может быть... а девушка?

— Девушки, хочешь ты сказать; их две, и обе очень хорошенькие.

— Две девушки?

— Да, да, и очень хорошенькие, приятель.

— Ага! Как же ты поступишь с ними?

— Ещё не знаю, там поглядим, — самодовольно ответил мексиканец.

Уже несколько минут всадники взбирались на довольно высокий пригорок, с вершины которого открывался прекрасный вид на море, в ту минуту тихое и голубое.

Вдруг флибустьер вскрикнул.

— Что с тобой? — спросил дон Торибио с изумлением.

— Со мной? Что же со мной могло случиться! Ничего, моя лошадь вдруг споткнулась, вот и всё, — холодно ответил капитан Бартелеми, тревожно всматриваясь вдаль, где на горизонте только что появилось едва заметное, с крыло чайки, белое пятнышко.

— Какой ты неумелый наездник, — насмешливо заметил дон Торибио.

— Что ж тут удивительного, раз я моряк.

— А потому плохой ездок, не правда ли?

— Сознаюсь. И что дальше? — с некоторой грубостью воскликнул Бартелеми.

— Уж не сердишься ли ты?

— Я нисколько не сержусь, но считаю нелепым с твоей стороны подтрунивать надо мной.

— Не знал я за тобой такой щепетильности, брат.

— Уж не прикажешь ли мне переродиться? Надо принимать меня таким, каков я есть.

— Тьфу, пропасть! Ты сущий терновник с иглами! Не в духе ты, видно, сегодня.

— Может быть, — согласился Бартелеми, который во что бы то ни стало хотел отвлечь внимание товарища и не дать ему взглянуть на море, где почти незаметная сперва белая точка быстро росла.

— Полно, не сердись, брат, я был не прав.

— Рад, что ты признаёшь это, — ответил Бартелеми угрюмо.

— Вернемся к нашему делу.

— К какому?

— О котором мы сейчас говорили, пропасть тебя возьми!

— А! Хорошо.

— Итак, решено, не правда ли? Ты пригласишь их сегодня.

— На какой день? — осведомился флибустьер, не отрывая взгляда от моря.

— Сегодня пятница... — начал дон Торибио.

— Несчастный день, — заметил Бартелеми с насмешливым выражением.

— Эх ты, суеверный! Пригласи своих гостей к будущему вторнику.

— Пожалуй. Если тебе нечего больше сообщить мне, то прощай или, вернее, до свидания вечером. Мы у самого Турбако.

— До вечера.

Они повернули в разные стороны.

Всадники находились совсем неподалеку от узкой тропинки, которая вела к шалашу, прежнему жилищу Берегового брата.

Дон Торибио тихо продолжал свой путь и въехал в деревню, а капитан направился к лесу.

— Как только исчезнет надобность в его помощи, я сумею от него избавиться, — пробормотал мексиканец, посмотрев вслед товарищу, который скрылся за деревьями.

— Как долго еще Господь будет терпеть на земле этого подлеца и допускать его злодеяния, — пробормотал в свою очередь капитан Бартелеми, углубляясь в чащу леса.

ГЛАВА XIV. Капитан Бартелеми приставляет глаз к щели, чтобы лучше видеть, а ухо прикладывает к перегородке, чтобы лучше слышать

Спустя минуту после прощания с доном Торибио Морено капитан Бартелеми, сделав круг по лесу, вернулся на прежнюю дорогу и осторожно последовал за мнимым мексиканцем на таком расстоянии, чтобы не быть замеченным им. Он увидел, что вместо того, чтобы направиться к своей ферме или, вернее, вилле, как убеждал капитана, он, напротив, свернул к кабаку, пользующемуся крайне дурной славой, где имели обыкновение собираться бродяги и мошенники, которыми испанские колонии, как бы по особому преимуществу, кишмя кишели с первого дня своего существования.

Дон Торибио Морено сошел с лошади и без малейшего колебания направился в кабак с видом человека, вполне привычного к виду этого более чем подозрительного заведения.

Мы забыли упомянуть, что за те полчаса или минут тридцать пять, на которые капитан Бартелеми оставил его одного, достойный мексиканец перед въездом в деревню, спрятавшись, без сомнения, за кустом, воспользовался полным уединением, которое царило вокруг, чтобы переодеться и настолько изменить свой наружный вид, что его не узнал бы никто, кроме флибустьера, одаренного зорким и проницательным глазом и сильно заинтересованного всем происходящим.

Подъехав чуть позже к кабаку, капитан остановил лошадь.

С минуту он колебался. Очевидно, с первого же шага, который ему предстоит сделать в общей зале, взгляд его товарища упадет прямо на него и он будет узнан.

Именно этого он и хотел избежать.

К несчастью, флибустьер находился перед одним из тех затруднений, которые порой возникают случайно и разрушают любые, даже самые тщательно обдуманые планы, поскольку не представляется никакой возможности обойти их.

Но капитан Бартелеми был из числа тех энергичных, с железной волей людей, которые, сильно захотев чего-нибудь и приняв решение, скорее

дадут убить себя на месте, чем отступятся от него.

— Ба-а! — пробормотал он про себя, выразительно пожав плечами. — Кто ничем не рискует, ничего и не получает. Как он ни хитер, все же не у него мне учиться хитрости. К тому же, — насмешливо заметил он, — я заслужил от Бога это вознаграждение!

Он поднял лошадь на дыбы, чтобы привлечь к своей особе внимание, а когда никто не вышел, крикнул громовым голосом:

— Эй, кто здесь кабатчик! Выйдешь ли ты, мерзавец, черт тебя побери?!

Почти мгновенно на пороге явился субъект в жалких лохмотьях, сухощавый, худосочный, кривобокий и горбатый, с лицом в форме треугольника и голодным выражением круглых, точно буравом просверленных карих глаз, которые, однако, светились тонким умом.

Этот прелестный образчик индейской расы — человек этот был индеец — взял в руку засаленную шляпу, украдкой лукаво взглянул на путешественника и наконец решился подойти.

— Что прикажете, ваша милость? — сказал он, низко кланяясь и взяв лошадь под уздцы.

— Хочу, — ответил капитан, — чтобы ты отвел мою лошадь на конюшню, а мне подал водки.

— Здесь? — хитро спросил индеец.

— Нет, — с живостью возразил капитан, — в общей зале или, если там слишкомлюдно, в отдельной комнате; я оплачу, что причитается.

И он сделал движение, чтобы сойти с лошади.

— Вам будет хорошо в общей зале, ваша милость, посетители не будут беспокоить вас.

— Это почему? — спросил капитан, спрыгнув наземь.

— Потому во всем доме пусто, ни единой души. Капитан пытливо взглянул на индейца, но тот выдержал его взгляд, не опуская и не отводя глаз.

— Это другое дело, любезнейший, — ответил капитан, положив ему руку на плечо, — хочешь заработать унцию золота? — прибавил он, слегка понизив голос.

— Гм, ваша милость, я предпочел бы две, — не задумываясь, ответил индеец и выразительно прищурил глаз.

— Я вижу, что мы можем поладить.

— Ваша милость, такой бедняк, как я, который за весь год не зарабатывает более восьми пиастров — когда на его долю случайно выпадет счастье получить иное вознаграждение помимо палочных ударов,

всегда уладит дело с господами, которые удостоят его своего доверия и покажут ему свои унции золота.

Слово *покажут* было произнесено с ударением, в значении которого капитан ошибиться не мог.

Он достал из кармана длинный красный кошелек, сквозь шелковые петли которого поблескивало золото, и, с ювелирной точностью выхватив правой рукой две унции золота и зажав их между большим и указательным пальцами, сверкнул деньгами перед заблестевшими от жадности глазами нищего индейца.

— Что ты сделаешь, чтоб заработать это золото и даже вдвое больше, если я останусь тобой доволен? — с улыбкой спросил капитан.

— Увы! Ваша милость, — ответил индеец с выражением, которого нельзя передать, — у меня отца нет, иначе я бы сказал... но за неимением его, я весь к вашим услугам. Что мне нужно сделать? Я принадлежу вам душой и телом.

Капитан спрятал золото в руке.

— Где конюшня? — спросил он.

— Там за домом, ваша милость; вы отсюда можете видеть ее.

— Очень хорошо. Слушай: вот тебе пять минут, ни секундой больше, чтобы отвести мою лошадь на конюшню и вернуться ко мне. Если ты кому-нибудь скажешь хоть слово за это время, считай, что мы ни о чем с тобой не договаривались. Понял? Ступай!

— Ай, ваша милость, я буду нем как рыба. Индеец увел лошадь.

Через три минуты он уже вернулся.

— Я доволен тобой, — продолжал капитан, — теперь вслушайся хорошенько в то, что я скажу тебе: с четверть часа назад к этому дому подъехал всадник. Ты отвел его лошадь на конюшню, как сейчас свел туда мою. Я хочу, чтоб ты поместил меня в таком месте, где я мог бы видеть этого всадника и слышать все, что он скажет, между тем как он не будет подозревать о моем присутствии. Если ты в точности исполнишь мое требование, я заплачу тебе не две, а четыре унции золота. А чтобы ты не сомневался, что я не обманываю тебя, вот тебе две унции задатка.

Он опустил золото в дрожащую руку индейца. Тот спрятал его с таким проворством, что капитан не мог понять, куда оно девалось.

— Кстати, чуть не забыл, мне надо предупредить тебя, для твоей же пользы, — прибавил Бартелеми, нахмутив брови, — что при малейшем подозрении в измене я пристрелю тебя как собаку.

И, приподняв край своего плаща, он показал индейцу массивные рукоятки двух пистолетов, заткнутых за его шелковый пояс.

— Ваша милость, — с величавым достоинством возразил индеец, — если бы я имел честь быть вам знакомым, вы бы знали, что Тонильо не изменник. Мой хозяин теперь отдыхает после обеда, стало быть, я один распоряжаюсь в доме, и клянусь вам той долей блаженства, которую надеюсь вкусить в раю, что вы услышите все, о чем будут говорить люди, которых вы хотите подкараулить. К тому же, это дрянные посетители, — прибавил он тоном насмешливого презрения, — они сидят с добрый час и еще ничего не заказали, ни на один реал. А ведь прежде всего я должен соблюдать выгоды заведения.

— Это справедливо! — посмеиваясь, согласился бравый капитан.

— Пойдемте, — сказал индеец. Капитан пошел вслед за ним.

Тонильо, как звали индейца, не вошел в общую залу, а обогнул угол дома и направился через конюшню к двери, не запертой на ключ. Он привел капитана в какой-то подвал, где было сложено несколько бочонков с водкой и вязанок сорок корма для лошадей.

Тонильо осторожно отодвинул вязанки, прислоненные к стене, и указал капитану на довольно широкую щель в перегородке.

— Здесь вам будет очень удобно, — сказал он.

— Хорошо, можешь идти, — ответил флибустьер. — Смотри, чтобы не увидели моей лошади. Когда эти люди соберутся уезжать, вернись сюда.

Индеец отвесил почтительный поклон, вышел из подвала и затворил за собой дверь.

Капитан внезапно очутился в глубоком мраке.

Единственный свет, которым освещался подвал, исходил от широкой щели, указанной индейцем.

— Ведь я всегда знал, — пробормотал себе под нос капитан свойственным ему насмешливым тоном, — я был уверен, что Господь никогда не покидает честных людей.

И, пристроившись как можно удобнее, он приложил глаз к скважине.

Взгляду его представилась одна из тех живописных картин, которые наш бессмертный Калло¹⁴ уже тогда начал гравировать в своих странствиях с цыганами.

В зале, довольно обширной, но едва освещенной узкими окнами, тусклые стекла которых были покрыты паутиной, где табачный дым густым облаком стлался под потолком, поглощая почти весь свет, находились человек двадцать сущих висельников, если судить по лицам с низкими лбами, выступающими, словно клювы, носами, коварным взглядом и с усами, так лихо закрученными вверх, точно они были готовы проткнуть небо.

Люди эти, одетые буквально в отрепья, но драпировавшиеся в них с искусством, которым владеют одни только испанцы, в случае нужды способные составить себе живописный наряд из одной простой бечевки, лежали или стояли вокруг столов в самых причудливых позах.

Все были отлично вооружены.

У каждого из них не только висела на боку длинная шпага с рукояткой в виде раковины, но все до одного к тому же имели пистолеты за поясом и широкие кинжалы с роговой ручкой — за голенищем правого сапога.

Капитан с минуту отыскивал глазами своего «приятеля» среди этой пестрой толпы бродяг и разбойников.

Он вскоре обнаружил его сидящим на единственном стуле, который был в зале. Прислонившись к спинке и закинув назад голову, мексиканец, по своему обыкновению, курил превосходную сигару.

В ту минуту, когда флибустьер наклонился к щели, дон Торибио Морено держал речь; разбойники слушали его с величайшим вниманием.

— Господа! — небрежно говорил он, пуская огромные клубы дыма ноздрями и ртом. — Я не понимаю вашего колебания. В чем же, наконец, дело? Ведь проще, ей-Богу, и быть ничего не может.

— Проще! — подхватил хриплым голосом рослый детина отвратительной наружности, кривой на правый глаз и косой на левый. — Гм! Видно, вашей милости угодно шутить. Я не нахожу этого дела таким простым.

— Черт тебя побери, любезный Матадосе, — возразил дон Торибио заискивающим тоном. — Ты вечно находишь затруднения в пустяках.

Достойный Матадосе, судя по виду, между прочим будь сказано, вполне заслуживающий свое прозвище, которое по-испански означает буквально «убивший дюжину», ответил невозмутимо:

— Я возражаю потому, ваша милость, что я честный человек и добросовестно исполняю дело, за которое возьмусь, чтобы не заслужить укора. Что касается девчонок — дело простое: петля, стянутая более или менее крепко — и все тут! Ребенок возьмется за это. Бедненькие голубки, они и не подумают защищаться... да, наконец, мы же будем в море, далеко от нескромных глаз, никто не посмеет помешать нашим делам... вопрос в том, что это еще не все.

— Да, да, — ответил дон Торибио, посмеиваясь, — я знаю, где у вас больное место.

— Черт побери! И даже очень, ваша милость. Я видел знаменитого капитана Бустаменте, как вы изволите называть его, и клянусь, мне он кажется вовсе не таким, чтобы с ним легко было справиться.

— Да вас-то ведь двадцать!

— Велика важность! Послушайте-ка: не далее как дня три назад человек двенадцать из наших поджидали, когда он выйдет от губернатора. Говорят, он чертовски удачлив в игре, и, признаться, мы хотели избавить его от части выигрыша за этот вечер. Темно было, хоть глаз коли. Подходит он, и мы накидываемся на него со всех сторон сразу. Другой бы немедленно сдался и просил пощады, не правда ли?.. Как бы не так!.. Что делает этот черт? Обнажает длиннющую шпагу и, не говоря ни слова, не подав даже голоса, как бросится на нас; меньше чем за три минуты искрошил пятерых, двоих-троих поранил и ушел, показывая нам кукиш. Нет, нет, ваша милость, это нелегкое дело. И наконец, поскольку сам я человек военный, то полюбил его. Это малый что надо! Мне он мил, клянусь честью, и меньше чем за тридцать унций я не убью его; вот и весь сказ!

— Вот и весь сказ! — хором подхватили остальные разбойники.

— Как угодно, ваша милость, меньше мы не возьмем, — повторил Матадосе.

Дон Торибิโอ задумался.

— Пусть будет так! — вскричал он спустя минуту с гримасой, которая имела притязание изобразить улыбку. — Пусть будет по-вашему, упрямыцы. Но я балую вас, честное слово! Каждый из вас получит по тридцать унций; только в этот раз, надеюсь, вы действительно убьете его.

— Без честности дела вести нельзя, ваша милость, — с достоинством ответил разбойник. — Мы с товарищами, благодарение Богу, известны как люди благородные и всегда добросовестно отрабатываем свои деньги.

— Никогда я и не сомневался в вашей честности и вашем благородстве, — улыбнувшись, заверил общество дон Торибิโอ, — так как теперь мы обо всем договорились... ведь договорились, кажется?

— Договорились, ваша милость, — ответили разбойники хором.

— За исключением задатка, — вкрадчиво вставил Матадосе.

— Каждый из вас сейчас получит по десять унций, остальное — после дела. Только помните, что вы всегда должны быть у меня под рукой. Я отправлю вас на шхуну только в последнюю минуту.

Капитан Бартелеми нашел, что слышал достаточно; он выбрался из своей засады.

Спустя пять минут он уже отдал честному Тонильо две унции золота и на всем скаку удалялся от кабака.

— Тьфу пропасть! — пробормотал он сквозь зубы. — Животное ядовитее, чем я полагал. Я не жалею, что подкараулил и подслушал его. Это, признаться, единственное средство докопаться до истины! Как,

однако, хорошо питать недоверие!

ГЛАВА XV. Капитан Бартелеми отправляется за своим ружьем

Капитан Бартелеми придерживал аллюр лошади все время — разумеется, непродолжительное, — пока ехал по деревне. Отъехав на расстояние ружейного выстрела от Турбако, он пустил лошадь во весь опор и, достигнув узкой тропинки в лесу, решительно углубился в чащу.

Тропинка эта вела к шалашу, в котором так долго жил капитан, где мы увидели его в первый раз совсем в другом виде, нежели в настоящую минуту, и перед которым он проехал с час назад.

Еще издали, не доехав до шалаша, он увидел у входа негра верхом на лошади, который держал другую лошадь в поводу.

— Слава Богу! — шепотом сказал себе капитан. — Она имела терпение дожидаться меня.

Он вонзил шпоры в бока лошади, и та помчалась стрелой.

Заслышав бешеный топот копыт, на пороге шалаша появилась прелестная молоденькая девушка.

Это была донья Лилия.

В мгновение ока капитан подскакал, спрыгнул наземь, бросил повод негру и почтительно раскланялся со своей очаровательной гостьей, вслед за которой вошел в шалаш.

— Долго же вы заставили себя ждать, сеньор! — воскликнула донья Лилия, пленительно надув губки. — Разве вы не получили моего письма? Или, быть может, вы забыли, что в нем заключалось?

— Вы сами этого не думаете, сеньорита; напротив, вы абсолютно убеждены, что любое ваше слово для меня равнозначно приказанию, которому я с радостью готов повиноваться.

— Но только не с поспешностью, — вставила девушка, усмехаясь.

— Сеньорита, я направлялся прямо сюда, когда нежданно-негаданно столкнулся нос к носу со своим достопочтенным другом сеньором доном Торибио Морено. Вот уже несколько дней как он — прости, Господи! — точно задался мыслью не отходить от меня ни на шаг. Он так упорно вертелся около меня, что я едва высвободился из его когтей с час назад в нескольких шагах отсюда.

— Ха-ха-ха! — рассмеялась девушка. — И вам понадобился целый час, чтобы доехать? Перемените свою лошадь, любезный капитан; у

бедного животного, должно быть, страшно разбиты ноги.

— Смейтесь, смейтесь, сеньорита, — с обиженным видом ответил капитан, — доброе же у вас сердце, когда вы так радуетесь моим невздам!

— Полноте, вот вы уже и сердитесь, капитан! Еще одна уловка, чтобы как-нибудь вывернуться.

— Нисколько, сеньорита, и в доказательство я скажу вам все: я ездил в кабак.

— Выпить чарочку?

— Нет, кое-что посмотреть.

— Отведать винца, хотите вы сказать? — насмешливо заметила девушка.

— Шутите сколько угодно, сеньорита, но тем не менее я вовсе не весел, смею вас уверить. Я пробрался в отвратительный сарай, приложил глаз к щели в перегородке и увидел и услышал такие вещи, от которых содрогнулись бы алькальд и даже альгвазил¹⁵, по природе своей люди отнюдь не робкого десятка.

— И что же такого удалось вам увидеть и услышать, капитан? — любопытствовала донья Лилия.

— Этого я, видите ли, сказать не могу, — ответил капитан, качнув головой.

— Стало быть, вы рассказываете мне, ни дать ни взять, какую-то чепуху.

— Я?

— Еще бы! Вы с головы до пят окутаны таинственностью.

— Увы! — воскликнул Бартеlemi. — Разве моя вина, сеньорита, что вся наша жизнь состоит из тайн? Идем мы куда-то или возвращаемся, спим или бодрствуем, все вокруг нас — тайна! Отовсюду веет на нас таинственный мрак, он парит у нас над головой, глухо рокочет под ногами!

— Уж не сходите ли вы с ума, любезный капитан? — с изумлением сказала девушка, пристально взглянув ему в лицо.

— Я?

— Разумеется, вы.

— Насколько мне известно, нет. Я только отвечаю вам, сеньорита.

— Ах! И это вы называете «отвечать»?

— Когда же я говорю вам, сеньорита, что тайна...

— Довольно, капитан, ради Бога! — поспешно перебила донья Лилия. — Не повторяйте снова!

— Как вам угодно.

— Видно, мне придется отказаться от того, чтобы узнать что-либо от вас.

Бартелеми молча и почтительно поклонился очаровательной собеседнице.

— Фи, какой дурной! Ничего и говорить не хочет! Знаете ли вы, по крайней мере, что происходит?

— Происходит много разных разностей, сеньорита.

— И среди прочих одна в особенности.

— Какая же именно?

— Брак моей кузины с сеньором доном Торибิโอ Морено назначен на будущий четверг. Что вы на это скажете?

— Что же сказать? Это смешно.

— Злой человек! Так-то вы принимаете эту страшную весть!

— Позвольте, сеньорита, прошу не смешивать одного с другим. Если бы этому браку, вполне обоснованно ненавистному вашей пленительной кузине, суждено было совершиться, вы бы видели меня в отчаянии. Но так как он не состоится никогда, то это известие просто смешит меня.

— Послушайте, капитан, вы, право, стоите того, чтобы я выцарапала вам глаза.

— Мне!.. Вот тебе и на! За что?

— Я приезжаю сюда с отчаянием в душе, чтобы почерпнуть у вас утешения и поделиться с вами горем, а вы только одно и твердите: этот брак не состоится. Не вы ли помешаете ему?

— Гм, гм!.. Как знать? — насмешливо заметил капитан. — Пожалуй, что и помешаю. Во всяком случае, если не я остановлю его, то это сделает некто другой, кого я знаю.

— Да, ваш знаменитый капитан Железная Голова?

— Именно, сеньорита.

— Который все едет, да никак не приедет! — с досадой воскликнула девушка.

— Ошибаетесь, сеньорита, он приехал.

— Он?

— Как нельзя вернее.

— Медвежонок Железная голова?

— Он сам, сеньорита.

— Вы видели его?

— Признаться, еще нет.

— О чем же вы мне толкуете?

— Позвольте.

— Я горю нетерпением, а вы как нарочно мучаете меня! — вскричала девушка, с гневом топнув крошечной ножкой.

— Можете ли вы говорить так, сеньорита, когда я исполняю все, что вы приказываете?

— Кончите вы или нет?

— В двух словах дело вот в чем, сеньорита: час назад, въезжая на пригорок, все также в обществе моего почтенного приятеля дона Торибио Морено... вот кому, между прочим, я готовлю хороший сюрприз!..

— Да продолжайте же, капитан, продолжайте, ради всего святого!

— Ну так вот, сеньорита, я увидел два больших корабля, фрегат и бриг, которые показались на горизонте.

— И это единственный признак?

— Для меня его вполне достаточно, сеньорита, и вот почему: фрегат идет со взятым на гитовы грот-брамселем и распущенным красным фор-брамселем.

— Вы должны знать, что я не поняла ни слова из того, что вы сейчас сообщили.

— Подозреваю, сеньорита. Для меня это означает так же ясно, как будто написано буквами высотой в шесть футов, что это фрегат Медвежонка Железная Голова.

— Ах, Боже мой! — донья Лилия сильно побледнела и пошатнулась.

— Что с вами? Уж не ужалила ли вас змея?

— Меня, капитан? Ничуть не бывало; это просто от волнения.

— Я предпочитаю последнее, сеньорита, — по крайней мере, опасности нет.

— Но вы сообщаете известия так внезапно!

— Ну вот! Не говорю я — грозят выцарапать мне глаза; говорю — падают в обморок. Прекрасное у меня положение, нечего сказать!

— Молчите!

— Весьма охотно.

— Отвечайте же!

— Как! Опять?

— Когда должен прибыть капитан Железная Голова?

— В эту ночь, по всей вероятности.

— Можете вы связаться с ним?

— Мог бы, то есть... нет, не могу!

— Не объясните ли вы мне этого противоречия?

— С легкостью, сеньорита. Я мог бы, если бы имел лодку, какую-нибудь пирогу или выдолбленное бревно, что бы то ни было; не могу же

потому, что не располагаю ни одним из вышеозначенных средств для плавания и, при всем своем желании, не в силах проплыть мили четыре, по меньшей мере, уж не говоря об акулах, которые, вероятно, цапнули бы меня мимоходом, так как имеют дурную привычку постоянно шнырять вокруг берегов.

— Стало быть, вы нуждаетесь в лодке?

— Боже мой! Я удовлетворюсь чем угодно, лишь бы было куда сесть.

— Если бы я достала вам индейскую пирогу, смогли бы вы ею воспользоваться?

— Это как раз было бы мне на руку.

— Что такое?

— Это я так сболтнул, а просто хотел сказать, что для меня ничего не может быть удобнее.

— Пирог у я вам достану.

— В самом деле?

— Да.

— Сейчас?

— К какому времени она вам нужна?

— Позвольте, сеньорита... Солнце заходит часов в семь или в половине восьмого; раньше восьми полная темнота не наступит... мне нужна эта ладья или пирога где-то к половине девятого, но не позднее.

— Это почему?

— Принимая во внимание, сколько времени понадобится, чтобы привести пирогу в то место, откуда я должен отчалить... потом кратчайший срок на переезд... я не могу попасть на фрегат раньше полуночи.

— Не поздно ли это будет?

— Нет, сеньорита, напротив, самое лучшее время. Месяц всходит только в одиннадцать часов, а я уже буду так далеко от берега, что меня не увидят.

— Это уж ваше дело, капитан; вам лучше меня знать.

— Да, да, сеньорита, будьте уверены, я все устрою, положитесь на меня.

— Капитан, вы премилый человек, я вас очень люблю.

— Ах, если б это было правдой! — вскричал Бартеlemi с трагикомическим видом. — Но все равно, ветер подул с другой стороны; я предпочитаю его прежнему.

— А когда мы увидим капитана Железная Голова?

— Кого? Медвежонка?

— Да, капитана Железная Голова.

- Знаю, знаю. Когда же вы желаете его видеть?
- Разве вы не понимаете, что кузина будет рада увидеть его чем скорее, тем лучше?
- Пойдите-ка!
- Что такое?
- Позвольте прикинуть.
- Вечно все только прикидывать!
- Правда, но ведь это единственное средство не ошибиться. Можете ли вы выходить в ваш сад когда вам заблагорассудится?
- Кто же нам запретит? Мы с кузиной совершенно свободны.
- Хорошо; извольте же нынче часам к трем утра прогуливаться вдвоем, как ни в чем ни бывало, близ калитки, которая вам известна.
- Которая в самом конце сада, со стороны леса?
- Именно.
- А дальше что?
- А то, что, вероятно, некое отчасти знакомое вам лицо постучится в эту калитку...
- Ах, капитан, если вы это сделаете, то я...
- Что? — с живостью перебил он.
- Повторяю вам, вы будете прелестным человеком и я буду крепко любить вас.
- Так решено, я привезу вам Медвежонка, живого или мертвого.
- Кузина предпочла бы первое.
- Понятно; да и он также, надо полагать. Вы ничего больше не желаете спросить у меня, сеньорита? Не стесняйтесь.
- Нет, ничего.
- Так я напомню вам о пироге для меня.
- Я сейчас уеду, следуйте за мной на расстоянии, я укажу вам место, где она находится. Смотрите, не забывайте вашего обещания.
- Скорее умру, чем обману вас.
- Вот моя рука, до свидания, капитан.
- До свидания, сеньорита, — ответил он, целуя протянутую ему крошечную ручку.

Девушка присела в грациозном поклоне, сопровождая его пленительнейшей улыбкой, и вышла из шалаша.

Спустя минуту на потрескавшейся от засухи земле раздался лошадиный топот, который быстро удалялся.

Оставшись один, капитан подозрительно осмотрелся вокруг, наклонился к куче сухих листьев в углу и, порывшись в них, достал свое

буканьерское ружье, спрятанное некоторое время тому назад, когда он покидал шалаш с доном Энрике Торибิโอ Морено.

— Вот мой «желез», — весело воскликнул он, — хорошо быть предусмотрительным. Если я встречу со своим славным товарищем, то докажу вам, что я не обманщик.

Часам к десяти с половиной капитан Бартеlemi сел в пирогу и стал грести к флибустьерской эскадре, замеченной им днем.

Для большей предосторожности, чтобы какой-нибудь невидимый соглядатай не подкараулил его, он обернул весла ветошью, и плеска воды не было слышно.

ГЛАВА XVI. Как капитан Бартелеми встретил старых друзей

Ночь была темная, целых двое суток дул свежий ветер. Флибустьерская эскадра находилась уже на виду Картахены, но не смела подходить близко к берегу, пока не соберет точных сведений о том, что там происходило. Потому она и лавировала в открытом море в пяти милях от рейда.

Вахтенный у руля на «Задорном» пробил четыре склянки, то есть десять часов; то же повторилось на «Бунтаре», следовавшем за фрегатом.

В эту минуту на палубе «Задорного» появился человек.

Он был тщательно закутан в широкий плащ, капюшон которого, наброшенный на голову, не давал рассмотреть лица.

Увидев его, вахтенный офицер вполголоса отдал приказание, матросы бросились исполнять маневр, судно немедленно сделало поворот. На фрегате убрали грот-марсель.

Легли в дрейф.

Человек в широком плаще молча сошел в спущенный на воду баркас, где уже находилось человек двенадцать Береговых братьев, хорошо вооруженных. Тихо оттолкнулись, обернули весла ветошью, и баркас отчалил от фрегата, который опять принялся лавировать.

Как уже говорилось, ночь была темная, волнение сильное. Высокие мачты фрегата и менее значительной высоты мачты брига не замедлили исчезнуть во мраке, и баркас очутился среди моря один, направляясь прямо к берегу, который простирался громадной черной линией на горизонте.

Двое сидели на корме баркаса: Олоне и человек в плаще, — сам Медвежонок Железная Голова.

— Сушите весла, ребята, — приказал Олоне немного погодя. — Поставьте мачту и поднимите парус.

Спустя пять минут баркас мчался по верхушкам волн, слегка наклонившись на правый борт, точно силился коснуться парусом их пенистых гребней.

Протекли два часа; на баркасе царило глубокое молчание, только изредка раздавалась команда Олоне.

Берег вырастал, так сказать, на глазах.

Баркас уже приближался к земле, потому что, несмотря на темноту,

легко было различить ее прихотливые очертания.

Два Береговых брата с минуту совещались шепотом, потом Олоне велел убрать парус, опустить мачту и взяться за весла.

Пока исполнялся этот маневр, на небольшом расстоянии от баркаса появилась красноватая точка и хриплый голос крикнул по-французски:

— Эй, на лодке, слушай!

— Эй! — тотчас отозвался командир.

— Что бы это значило? — пробормотал Олоне. — Странно, голос мне как будто знаком.

— И мне тоже, — ответил Медвежонок Железная Голова, — впрочем, сейчас мы все узнаем.

Он приложил к губам руки в виде рупора и крикнул:

— Кто идет?

— Береговой брат! — немедленно ответили, несомненно радостным голосом.

— Какое судно? — спросил Медвежонок.

— Индейская пирога с одним человеком.

— Причаливай!

— Будьте наготове.

Предостережение оказывалось излишним: любопытство флибустьеров было возбуждено странной встречей, и все они стояли настороже.

Вскоре две лодки поравнялись, и, не дожидаясь приглашения, приплывший на пироге легко перепрыгнул на корму баркаса.

Олоне тотчас же открыл потайной фонарь.

— Бартелеми! — вскричал он с изумлением.

— Олоне! Медвежонок! — радостно ответил тот. — Вот счастье-то, ей-Богу! Добро пожаловать, братья! — прибавил он, протягивая им обе руки, которые флибустьеры дружески пожали.

— Так ты узнал нас? — спросил Медвежонок.

— Еще бы, со вчерашнего дня наблюдаю за вами; как назло, я мог пуститься в путь только ночью.

— Да как же ты попал в эти края? — полюбопытствовал Олоне.

— Это длинная история, теперь не расскажешь.

— Мы считали тебя погибшим, — прибавил Медвежонок.

— Мне и впрямь чуть было не пришел мне карачун, но теперь я жив и здоров, и весь к вашим услугам, братья.

— Мы этим воспользуемся, — сказали в один голос два флибустьера.

— И ты, если имеешь в нас нужду, говори прямо, — прибавил Медвежонок.

— Весьма охотно, — ответил Бартелеми, — а вы теперь куда идете?

— Ищем удобного места, где бы пристать к берегу, не возбуждая ненужного внимания, и собрать необходимые для нас сведения.

— В таком случае пусти меня к рулю, Олоне... Весла на воду, ребята, — обратился Бартелеми к матросам, — через четверть часа мы будем у цели.

— Зачем же нам ехать дальше, когда ты можешь дать все необходимые для нас сведения? — заметил Олоне.

— Я действительно могу снабдить вас всеми сведениями, но все равно, братья, поверьте, вам лучше сойти на берег.

— Так вперед, и да хранит нас Бог!

Гребцы склонились над веслами, которые, словно ивовые прутья, гнулись в могучих руках, и баркас понесся по морю, словно чайка; один из матросов перешел в легкую пирогу капитана Бартелеми и плыл в кильватере баркаса.

— Теперь скажи мне... — начал было Медвежонок Железная Голова.

— Тс-с, — повелительно остановил его Бартелеми, — мы переговорим на берегу. Теперь я должен пустить в ход всю свою сметливость, чтобы не допустить ошибки.

Уже некоторое время баркас шел в тихой воде; вскоре над ним раскинулся лиственный свод и он очутился посреди зарослей корнепусков. Последовал легкий толчок, что-то заскрипело, и баркас был у цели.

Он замер в неподвижности.

— Мы пришли, — сказал Бартелеми, — здесь вы так хорошо скрыты, что вас не отыскали бы и за две недели, впрочем и берег-то этот весь пустынный. Привяжите баркас к стволу дерева, оставьте одного человека караулить его и следуйте за мной.

Флибустьеры повиновались и последовали за Бартелеми. Шли ощупью, так было темно, но вскоре почувствовали твердую почву под ногами. Олоне передал свой фонарь капитану Бартелеми.

— Да мы, похоже, в каком-то гроте! — вскричал Олоне. — Это превосходно!

Действительно, они находились в естественном гроте.

Пройдя несколько поворотов, они увидели вдали мелькнувший огонь.

Флибустьеры приостановились в нерешительности, не зная, благоразумно ли идти дальше вглубь.

— Не бойтесь, это я развел огонь перед выходом в море, — сказал Бартелеми, — погрейтесь, братья.

Флибустьеры не заставили повторять приглашение: ночной воздух

леденил.

Между тем Бартелеми не упустил из виду ничего, что относилось к обязанностям гостеприимства. Береговые братья с радостным восклицаниями обнаружили несколько корзин со съестными припасами и напитками, которым по приглашению хозяина не замедлили оказать должную честь.

— Теперь же, братья, — сказал Бартелеми, — пейте, ешьте и спите без страха, здесь вы в безопасности.

Он обратился к Медвежонку.

— А теперь можешь спрашивать меня, брат, — прибавил он, — я готов сообщить тебе все необходимые сведения.

— Говори, брат, — ответил Медвежонок.

— Не здесь. То, что мне следует сообщить тебе, должно быть сказано с глазу на глаз.

Медвежонок поднял на него изумленный взгляд.

— Следуй за мной. Ты вскоре найдешь объяснение моим словам.

Дав вполголоса наставления Олоне, Медвежонок взял свое ружье и обратился к Бартелеми:

— Я готов идти, брат.

— Так пойдем.

Они вышли из грота и почти мгновенно очутились у подножия горы, на вершине и откосах которой лепились амфитеатром домики очаровательной деревушки.

— Прежде чем идти дальше, — вдруг заговорил буканьер, остановившись, — я должен задать тебе несколько вопросов. Расположен ли ты отвечать на них?

— Разумеется, брат; я знаю, что ты человек честный и настоящий Береговой брат.

— Спасибо. Получил ли ты с месяц назад в Пор-Марго записку из трех слов и с печатью внизу, значение которой известно тебе одному?

— Получил, брат.

— Связано ли твое прибытие сюда с получением записки или один лишь простой случай привел тебя в эти места?

— Едва получив записку, я снарядил экспедицию и направился к Картахене.

— С какой целью?

— С той, чтобы, не теряя времени, явиться на зов к особе, которая прибегла к моей помощи, и, если понадобится, пожертвовать жизнью, чтобы спасти ее, — с чувством произнес Медвежонок.

— Хорошо, брат. Теперь я знаю все, что мне было нужно. Следуй за мной.

— Куда мы идем?

— Будь тверд, брат. Я веду тебя к той, которая писала записку. По ее приказу я и доставил тебе ее послание.

— О! Если это справедливо, брат!.. — вскричал капитан.

— Разве ты сомневаешься в моих словах?

— Нет, нет, извини, брат, я с ума схожу, пойдём скорее! Они пошли по тропинке к деревне.

Было два часа утра.

ГЛАВА XVII. Медвежонок Железная Голова испытывает приятную неожиданность благодаря своему брату- матросу

Флибустьеры шли быстрым шагом; через несколько минут они достигли деревни. Улицы были темны, безмолвны и пустынно. Лишь кое-где собака, потревоженная появлением чужих людей, приветствовала их продолжительным лаем и снова засыпала.

Бартелеми обошел дом губернатора и через несколько минут остановился перед низенькой калиткой в садовой стене, полускрытой ползучими растениями, которые падали с высоты стены зелеными спиралями почти до земли.

— Вот мы и пришли, любезный друг, — сказал он спутнику.

— Войдем, — с живостью ответил Медвежонок.

— Спешить не к чему; та особа, которая должна ввести нас, появится за этой калиткой не раньше чем через четверть часа.

— Стало быть, нас ждут? — осведомился Медвежонок с тайным биением сердца.

— Ждут меня, брат. На твое столь скорое прибытие не рассчитывали. Пойдем в эту беседку у лимонных и апельсиновых деревьев, там мы будем ограждены от любопытных взглядов и сможем спокойно потолковать о наших делах.

Медвежонок молча последовал за товарищем; когда же оба расположились на траве, Бартелеми продолжал тихим голосом:

— С какой целью прибыл ты сюда на двух судах и, вероятно, с большим числом людей?

— Я отвечу тебе коротко, брат, и правдиво, по своему обыкновению. Я люблю донью Эльмину; она не знает о моей любви, однако, когда мы расставались с нею, я поклялся, что моя жизнь принадлежит ей. Я говорил, что если когда-нибудь понадобится, то я по первому ее призыву явлюсь на помощь. Она призвала меня — и я тут.

— Ты знаешь, что отец хочет выдать ее замуж?

— Да, за мексиканца.

— Знаешь ты этого мексиканца?

— Откуда же мне знать его?

— Это правда. Когда ты исполнишь задачу, которой задался, какой награды ожидаешь ты за свою преданность?

— Никакой, брат, — ответил капитан, грустно покачав головой, — я ни на что не надеюсь, не смею ни оглянуться на самого себя, ни спросить свое сердце. Я с ума схожу, люблю, страдаю — и все тут.

Бартелеми пожал ему руку. Воцарилось продолжительное молчание.

— Кстати, — вдруг сказал буканьер, — куда девался твой бывший хозяин?

— Пальник?

— Он сам.

— Советом флибустьеров был осужден на смерть и брошен на Акульем утесе.

— Ты уверен, что он умер?

— Разве ты имеешь повод предполагать противное?

— Ничего не предполагаю, брат, сохрани меня Боже! Только по моему мнению, недостаточно раздавить голову змеи, надо еще оторвать ее от туловища, чтобы окончательно убедиться, что она убита.

— Что ты хочешь сказать?

— Теперь не могу говорить яснее. Я обещал молчать, а ты знаешь, Медвежонок, что я никогда не изменяю своему слову. Не спрашивай же меня больше, но прими последний совет: что бы ты ни предпринимал, будь осторожен.

— Спасибо, брат.

— Теперь встанем и пойдем. Нас, должно быть, уже ждут. Они немедленно поднялись с травы и пошли к калитке, в которую Бартелеми тихонько постучал. Нежный голос произнес одно слово:

— Вера!

— Надежда, — ответил сейчас же Бартелеми. Калитка приоткрылась; флибустьеры проскользнули в отверстие.

— Вы не одни, капитан? — с изумлением, почти с испугом вскричала донья Лилия.

— Успокойтесь, сеньорита, — почтительно сказал флибустьер, — я обещал вам и привожу Медвежонок Железная Голова.

— Вы очень добры, благодарю вас, сеньор кабальеро, — с чувством продолжала девушка и, грациозно поклонившись двум мужчинам, прибавила: — Следуйте за мной, сеньоры. Эльмина не смела надеяться на такое счастье. Не опасайтесь, что кто-нибудь вас увидит, в доме все спят.

Флибустьеры склонили голову в знак согласия и последовали

большими шагами за девушкой, которая весело, почти бегом шла впереди них.

Вскоре все трое были у входа в беседку, где неподвижно стояла донья Эльмина, встревоженная, бледная, нагнув вперед голову и пристальным взглядом как бы стараясь проникнуть во мрак и уяснить для себя природу смутного шума, уже несколько минут долетавшего до ее ушей.

— Это вы! — воскликнула она с глубоким чувством при виде капитана.

Тот остановился, стал на одно колено и почтительно снял шляпу.

— Вы позвали меня, сеньорита, — сказал он, — и я тут.

Девушка приложила руку к сердцу и прислонилась к переплетенной ветвями стене беседки.

Донья Лилия бросилась поддержать ее, но кузина мягко отвергла ее помощь и протянула руку Медвежонок.

— Встаньте, сеньор кабальеро, — сказала она ему дрожащим голосом, — такое положение пристало только тому, кто молит, но не избавителю; сердце не обмануло меня, я надеялась на вас.

Медвежонок встал, почтительно поцеловав руку девушки, и, склонив голову перед ней, сказал:

— Располагайте мной, сеньорита. Только откройте мне, что я могу сделать для вас. Как бы ни велики были препятствия и опасности, клянусь, я избавлю вас от ваших врагов во что бы то ни стало. Господь поможет мне!

— У меня только один враг, сеньор кабальеро, — с грустью ответила девушка, — но, увы, враг этот всемогущ в Картахене.

— Я полагал, что ваш отец — единственная власть в городе.

— Это правда, сеньор кабальеро, но тот человек или, вернее, демон овладел моим отцом до такой степени, что дон Хосе Ривас видит все окружающее только его глазами и думает так, как хочет он; не далее как месяц тому назад в этом старом доме, где мы теперь находимся, отец обещал ему мою руку.

— А вы этого человека не любите, сеньорита? — с живостью спросил Медвежонок.

— Люблю ли? — с содроганием вскричала девушка. — Я ненавижу его, он вселяет в меня ужас. Уж лучше умереть, чем принадлежать ему.

Капитан поднял голову и оглянулся вокруг сверкающим взглядом.

— Успокойтесь, сеньорита, вы не выйдете за него; он осужден и умрет. Ведь он мексиканец?

— Слывет за мексиканца.

— Разве вы полагаете...

— Он как две капли воды похож на другого.

— А кто этот другой?

— Вы знаете его.

— Я?

— Помните вашу страшную партию с буканьером, пленницей которого я была?

— Ведь тот буканьер умер, сеньорита.

— Действительно ли умер? Вы уверены в этом?

— О, капитан, — робко вмешалась донья Лилия, со страхом прижимаясь к своей подруге, — это он, я убеждена, это наверняка он. Подобное сходство невозможно.

Мрачное облако легло на лицо капитана Медвежонка Железная Голова. Он медленно повернулся к Бартелеми, который стоял в двух-трех шагах позади него, опираясь на свое ружье.

— Брат, — протягивая ему руку, сказал Медвежонок с грустью, — ты должен знать всю правду. Отчего же ты молчишь?

При этом внезапном и прямом вопросе флибустьер вздрогнул, нервный трепет пробежал по его телу, он побледнел и, стукнув оземь прикладом ружья, сказал хриплым, едва слышимым голосом:

— Зачем спрашивать меня, Медвежонок, когда ты знаешь, что я не могу отвечать?

— Прости, Бартелеми, я виноват, — откровенно признался капитан, — но теперь знаю достаточно, чтобы принять меры. Сеньорита, — обратился он к донье Эльмине, — как зовут этого человека?

— Дон Энрике Торибьо Морено.

— Так и есть! — пробормотал Медвежонок Железная Голова. — А на какой день назначен брак? — спросил он.

— Окончательно время еще не назначено, но он должен совершиться скоро.

— Повторяю, успокойтесь, этому браку не бывать, клянусь вам честью!

— Увы! Что можете вы сделать против такого количества врагов, в чужом краю и почти один? Я была не права, призвав вас на помощь. Предоставьте меня моей печальной участи, не затевайте этой страшной борьбы, капитан, умоляю вас.

— Когда человек, подобный мне, дает клятву, сеньорита, никакая человеческая власть не в силах помешать ему сдержать ее.

— Но вы подвергаете опасности свою жизнь из-за меня, посторонней

вам, и вдобавок представительницы враждебной нации.

— Я так мало ценю жизнь, сеньорита, что не считаю нужным беречь ее, когда речь идет о вашем счастье.

— Аесли я хочу, чтобы вы берегли ее? — вскричала донья Эльмина. Отчаяние сквозило в ее взгляде.

— Господь решит это, сеньорита, — с унынием сказал капитан, — клянусь, что спасу вас или умру. Да хранит вас Бог! Позвольте мне теперь проститься с вами. Вскоре, как полагаю, я буду иметь счастье видеть вас опять. Надейтесь, сеньорита.

Он почтительно раскланялся с обеими девушками и быстро ушел в сопровождении Бартеlemi. Донья Лилия пошла за ними вслед, чтобы указывать дорогу.

Оставшись одна, донья Эльмина с минуту стояла неподвижно, потом вдруг упала на колени, сложила руки и, воздев к небу полные слез глаза, воскликнула:

— Сохрани его, о Боже, Боже мой! Ведь я люблю его! И она рухнула на землю без чувств.

ГЛАВА XVIII. Дон Торибио Морено начинает тревожиться

Сеньор дон Энрике Торибио Морено чувствовал смутное беспокойство.

Несмотря на щедро розданные им деньги, несмотря на меры предосторожности, которые он принял, чтобы упрочить успех своего дерзкого замысла, бывший буканьер находился под влиянием безотчетного предчувствия, которое никогда не обманывает. Временами ему представлялось, что небосвод вокруг него опускается все ниже и ниже и на него мало-помалу набегают грозные тучи.

Между тем вокруг него не происходило никаких видимых изменений.

Приятели были все также внимательны, знакомые кланялись с таким же корыстным подобострастием, губернатор и комендант гарнизона встречали его с прежней улыбкой.

Дважды навещал он донью Эльмину, и в оба раза девушка, отбросив обычную холодность, приветствовала его улыбкой и беседовала с ним почти дружески.

Что же происходило? Отчего дон Торибио Морено невольно волновали смутные опасения? Он сам не мог бы сказать этого.

Предполагать, что подобный человек способен испытывать угрызения совести, было бы совершенно ошибочно.

Дон Торибио Морено, по природе своей дикий зверь в полном смысле этого слова, был из тех свирепых натур, созданных для злодейских поступков, которые, по счастью, встречаются реже, чем полагают, у которых не существует даже зачаточных представлений о морали и нравственности и которые творят зло, уступая инстинкту, почти с наслаждением, даже не сознавая, какие преступления совершают. Злодеяния представляются им действиями обыденными.

Дон Торибио не доверял никому.

Против воли вынужденный прибегнуть к помощи Бартеlemi, чтобы достигнуть своей зловещей цели, он, однако, не полагался на верность Берегового брата, помня, сколько зла причинил ему за время их знакомства.

Он стремился избавиться, и чем скорее, тем лучше, от соучастника, который мешал ему, и мы видели выше, какие меры уже были приняты им на сей счет.

Но он боялся, что Бартелеми упредит его. Чем меньше оставалось времени до срока, назначенного для похищения девушек, тем внимательнее наблюдал мексиканец за своим соучастником, по возможности не теряя его из виду.

Только страх измены со стороны капитана Бартелеми причинял беспокойство дону Торибио.

Поучительный страх этот можно бы назвать предчувствием.

Однажды, часов в пять пополудни, он отправился на шхуну «Санта-Каталина», стоявшую, как уже говорилось, на большом рейде.

В ту минуту, когда он подходил к правому борту судна, лодка, которую он рассмотреть не мог, внезапно отчалила от левого борта и капитан Бартелеми, обменявшись безмолвным знаком с людьми, сидящими в ней, поспешно перешел на другую сторону палубы и бросился навстречу мексиканцу.

Действия капитана не прошли незамеченными для дона Торибио: поспешность друга, который, как ему было известно, менее кого-либо на свете подчинялся требованиям этикета, разумеется, показалась ему подозрительной.

Он слегка нахмурил брови.

— Что ты там делал? — спросил он с равнодушным видом, однако внимательно озираясь вокруг.

— Там? Где же это, любезный друг? — изумился флибустьер.

— Нагнувшись над левым бортом.

— Я прощался с лейтенантом судна, которое ты видишь там на якоре, в двух кабельтовых от нас. Оно пришло ночью; это береговое судно из Веракруса. Чтобы легче стать на фертоинг¹⁶, они протянули к нам канат.

Дон Торибио поглядел в ту сторону.

— Странно, — сказал он задумчиво, — корабль мне как будто знаком.

— В этом нет ничего удивительного, — заметил Бартелеми, — не в первый раз приходит он в Картахену. Что привело тебя сюда? Ты собирался сообщить мне о чем-то важном?

— Ровно ни о чем; я просто приехал повидаться с тобой.

— Только-то?

— Да, — ответил дон Торибио рассеянным тоном и прибавил как бы про себя: — Решительно, этот корабль мне знаком.

Флибустьер улыбнулся.

— Твоя идея приехать сюда просто прекрасна, — воскликнул он, — я ждал тебя с нетерпением.

— А!

— Тебе, видишь ли, нечего мне сообщить, но зато мне нужно побеседовать с тобой о многом.

— Говори, но коротко.

— То, что я должен сказать тебе, очень важно, приятель, никто не должен нас слышать. Ступай за мной в каюту.

Дон Торибิโอ поглядел флибустьеру прямо в глаза; тот улыбался.

— Это что, действительно очень важно? — пробормотал мексиканец.

— Настолько важно, что, не появившись ты сам на шхуне, любезный друг, я был бы вынужден сегодня же отправиться на берег, чтобы повидаться с тобой.

— Ого! В чем же дело?

— Пойдем, и ты узнаешь.

Дон Торибิโอ, хотя и неохотно, решился в конце концов последовать за капитаном в каюту, бросив последний долгий взгляд на неизвестное судно, вид которого внушал ему все большие подозрения, хотя он не мог дать себе отчет в причинах этого беспокойства.

Капитан Бартелеми придвинул стул гостю, достал из шкафчика бутылку рома и налил два стакана.

— За твое здоровье, — сказал он.

— За твое.

Бартелеми набил себе трубку, закурил ее и откинулся на спинку стула со словами:

— Теперь поговорим.

— Пожалуй, — ответил мексиканец. Воцарилось продолжительное молчание. Капитан словно совсем забыл про своего приятеля.

Тот терпеливо ждал несколько минут, но когда собеседник совсем углубился в свои мысли и, по-видимому, перестал замечать его присутствие, мексиканец вскричал, стукнув кулаком по столу:

— Ну же!

— Что? — холодно откликнулся капитан.

— О чем таком важном ты собирался мне сообщить? Говори!

— Разумеется, буду говорить. Об этом и думаю.

— И дело очень важное?

— Суди сам, приятель.

— Так говори же скорее.

Капитан устремил на него лукавый взгляд и тем насмешливым тоном, который всегда принимал, разговаривая с прежним братом-матросом, наконец произнес:

— Что ж, я готов... Дело наше все еще должно состояться? — задавая

этот вопрос, капитан Бартелеми окружил себя густым облаком дыма.

— Конечно.

— Послезавтра?

— Послезавтра; но к чему ты клонишь?

— К тому, любезный друг, — ответил Бартелеми еще насмешливее, — что пора бы нам и счета свести.

— Свести счета? Какие? — вскричал мексиканец в изумлении.

— Да наши счета. Уж не воображаешь ли ты, чего доброго, что я буду служить тебе с завязанными глазами, не зная, что это принесет мне? Ведь я сказал, что мои услуги обойдутся тебе недешево. Дело делом, любезный друг, но ты втянул меня в такие неблагоприятные проделки, что я не могу не принять мер предосторожности.

— Если ты привел меня сюда для этого только, — посмеиваясь, возразил дон Торибио, — то очень жаль, дружище. У меня сегодня уйма хлопот, я больше никак не могу оставаться здесь; в другой раз — пожалуй, завтра — я буду весь к твоим услугам.

Он осушил свой стакан и встал.

— Как хочешь, — ответил Бартелеми, не трогаясь с места, — но, честное слово, я думаю, что ты не прав, любезный друг.

— Ба! — откликнулся дон Торибио и сделал шаг к двери.

— До свидания, приятель. Ах, кстати, меня предупредил вчера ловец жемчуга, который возвращался из открытого моря, что неподалеку от берега крейсирует сильная флибустьерская эскадра.

— Что такое? — мексиканец побледнел как мертвец и кинулся назад к капитану. — Что ты говоришь, Бартелеми? Сильная флибустьерская эскадра?

— Ну да.

— Ты уверен?

— Еще бы, когда я видел ее собственными глазами! Ты понимаешь, я надеюсь, что обстоятельство это очень важно для меня, и потому я тотчас удостоверился сам, верны ли слухи... Но что же ты, любезный друг, смотришь так растерянно, вместо того чтобы радоваться?

— Я смотрю растерянно? — вскричал дон Торибио, стараясь вернуть себе внешнее хладнокровие. — Ты с ума сошел, приятель! С какой стати мне глядеть растерянно? Но скажи, пожалуйста, не догадываешься ли ты, что намерены предпринять Береговые братья?

— Не только догадываюсь, но прекрасно знаю. На кораблях эскадры по меньшей мере тысяча пятьсот человек, набранных из самых храбрых флибустьеров и буканьеров; они просто хотят овладеть Картахеной.

— Овладеть Картахеной? Какой вздор! — вскричал, подпрыгнув от изумления, мнимый мексиканец. — Это чистое безумие!

— Твоего мнения не разделяют Береговые братья, уверяю тебя, приятель! Напротив, они надеются на успех.

Дон Торибио опять опустился на стул, дрожа всем телом; лицо его обрело зеленовато-бледный оттенок.

Бартелеми сделал вид, будто не замечает состояния своего «друга».

— Смелая затея, не правда ли? — заметил он, раскуривая трубку, которая успела погаснуть.

— Очень смелое, правда, но откуда же ты знаешь все это?

— О! Все чрезвычайно просто, любезнейший друг: я виделся с их предводителями. Ведь ты же понимаешь, надеюсь, что, заброшенный более года назад в этот край, находясь в положении почти что пленника, я не мог упустить счастливый случай, представившийся мне, чтобы вырваться на свободу. Я преспокойно отправился ночью на судно командующего экспедицией.

— Продолжай же.

— А-а! Ты уже передумал немедленно отправиться на берег? Видно, разговор становится для тебя интересен.

— Очень даже.

— Их вожаки — между прочим будь сказано, все мои старые друзья, — приняли меня с распростертыми объятиями и, разумеется, принялись выспрашивать у меня разные сведения, которые я и сообщил им с превеликой охотой.

— А кто ими командует? Можешь ты назвать мне их имена?

— Конечно, любезный; во-первых, Олоне, потом Польгэ, Пьер Легран и еще два-три наших брата.

— И Медвежонок с ними?

— Какой Медвежонок? Железная Голова?

— Именно.

— Не знаю; его я не видел. Дон Торибио перевел дух.

— Продолжай, — опять повторил он.

— Я рассказал почти все. Мы с ними потолковали, они спросили меня, могу ли я быть им полезен, и, как ты понимаешь, я ответил утвердительно. Я полностью отдал себя в их распоряжение, чтобы со своей стороны способствовать успеху их предприятия. Я даже прибавил, что нас здесь двое Береговых братьев, способных благодаря своему положению оказать им пользу. По-моему, я поступил правильно.

— Так они знают, что я здесь?

— То есть им известно, любезный друг, что в Картахене двое авантюристов: я и другой Береговой брат.

— Но ведь другой-то, тысяча чертей, это я!

— Конечно, но что ж тут такого?

— Если им не удастся, я разорен.

— Разорен, ты? Да ты с ума сошел, что ли? Никто в Картахене тебя не знает, а ты настолько вошел в свою роль мексиканца, что...

— Здесь в Картахене это возможно, но они, флибустьеры... Береговые братья... наши товарищи, наконец...

— Ну и что? Они тебя также не знают. Не воображаешь ли ты, чего доброго, что я был таким олухом и прямо объявил твое имя, не будучи уверен в успехе их предприятия?

— Это правда? — вскричал дон Торибио, в порыве радости схватив капитана за руку. — Они не знают моего имени?

— Вовсе не знают.

— Слушай, старый дружище, — совсем растерянно заговорил мнимый мексиканец, — все это до того поразило меня, что я сам не знаю, что сказать. Дай мне время подумать, я отвечу тебе сегодня вечером. Знай только одно: ты тут говорил, что нам надо свести счета, не правда ли? Даю тебе слово, если ты будешь мне верным и добрым товарищем, награда превзойдет все твои желания.

— Спасибо, — с усмешкой ответил капитан. — Я принимаю обещание.

— Но и ты со своей стороны...

— Буду нем, это решено.

Дон Торибио выбежал, как полоумный, из каюты, спустился в свою лодку и поспешно удалился от шхуны, даже не простившись с капитаном.

— Все это прекрасно, — посмеиваясь, пробормотал флибустьер, как только остался один, — но лишняя предосторожность не помешает. Мне не следует терять из виду этой ехидны; никогда нельзя быть полностью уверенным, что принял все меры предосторожности против нее.

ГЛАВА XIX. План атаки

После свидания с доньей Эльминой Медвежонок долго беседовал со своим другом и только потом вернулся в пещеру к товарищам.

Там же в пещере и стали держать совет.

В качестве Берегового брата Бартелеми был приглашен принять в нем участие.

Конечно, мгновенно овладеть такой твердыней, какой слыла Картахена, было делом нешуточным; хорошо укрепленный, город защищался многочисленным и храбрым гарнизоном.

Но эти трудности только воспламеняли дух отваги у флибустьеров и подстегивали их поскорее приняться за дело.

Бартелеми, давно уже пребывавший в этом краю, знал его как нельзя лучше. Вследствие жизни, которую он был вынужден вести, ему было знакомо все на десять миль в округе, и он сообщил Береговым братьям драгоценные сведения о численности гарнизона, о слабых пунктах в системе оборонительных укреплений и о возможных способах захватить Картахену врасплох.

Все эти сведения оказались точными и были дополнены лоцманом, привезенным из Гуантанамо, и двумя матросами с «Санта-Каталины» — все трое отлично знали город.

Картахена, как и все испано-американские города в ту эпоху, была серьезно защищена только со стороны моря.

Действительно, только с этой стороны и следовало ожидать нападения. Представлялось невероятным, что опасность будет грозить из глубины материка. Город был просто обнесен деревянной, местами очень ветхой стеной футов в десять высотой и три — толщиной. В крепостной стене имелось четверо ворот, никогда не запиравшихся.

По совету Бартелеми решили основной натиск произвести именно со стороны, обращенной к внутренним областям Материковой земли.

Вот на чем остановились.

Триста человек самых искусных стрелков под командой Олоне должны высадиться на берег. Снабженные съестными припасами, они должны были скрываться в пещере до той минуты, когда будет подан сигнал атаки.

Пещера находилась не более чем в двух милях от Картахены.

Сто Береговых братьев под командой Польтэ должны будут поодиночке войти в город в сопровождении Бартелеми, который мало-

помалу разместит их в обширных складах для товаров богатого мексиканца дона Торибิโอ Морено. Эта сотня человек также будет наготове действовать по первому сигналу.

Двадцать флибустьеров с Александром, слугой Медвежонка, во главе засядут в лесу и установят пристальное наблюдение за загородным домом дона Хосе Риваса.

В минуту атаки эти двадцать флибустьеров займут дом и запрутся там, чтобы охранять донью Эльмину и донью Лилию. В случае, если атака не удастся, девушки послужат заложницами для Береговых братьев.

Бриг «Сан-Хуан-Батиста», которому на время экспедиции придадут его прежний мирный вид, войдет прямо на рейд и станет в двух кабельтовых от «Санта-Каталины».

На нем будет находиться экипаж в сто пятьдесят человек под командой Пьера Леграна. Пятьдесят из них переправят на шхуну и спрячут до поры до времени в трюме.

Наконец, Медвежонок Железная Голова на «Задорном» станет силой пробиваться в канал.

И пока фрегат будет стоять на шпринге¹⁷ под огнем первого форта, два десантных отряда начнут штурмовать второй и третий, чтобы все три форта одновременно подверглись нападению и не могли оказать друг другу поддержку перекрестным огнем.

Этот смелый план, который мог удалиться только благодаря своей крайней смелости, заставив испанцев потерять голову, был предложен флибустьерам Медвежонок Железная Голова, в главных чертах предварительно составившим его вместе с Бартелеми.

Береговые братья с восторгом приняли этот план. Решение совета было единодушно: немедленно приступить к его исполнению.

Медвежонок Железная Голова еще больше своих товарищей горел нетерпением приступить к безумно отважной попытке.

Когда все было оговорено и определено, Медвежонок и Бартелеми дружески простились и флибустьеры вернулись на фрегат, куда прибыли незадолго до восхода солнца.

Капитан же Бартелеми, расставшись с товарищами, тотчас направился к дому в Турбако, где жили дочь дона Хосе Риваса со своей кухней.

Достойный капитан не терял времени, пока Медвежонок Железная Голова разговаривал с доньей Эльминой.

Сад был ему давно известен, так как он уже не раз тайком пробирался сюда; обширный и очень тенистый, он кончался со стороны леса каменным павильоном, в который никто никогда не входил.

Капитану пришло в голову, что гораздо лучше спрятать двадцать человек флибустьеров во главе с Александром именно в этом павильоне, вместо того чтобы они скрывались в лесу, где случайно могли быть обнаружены.

Павильон представлял собой полуразрушенное массивное здание; два окна с решетками и балкон, наглухо закрытый по обычаю испанцев, выходили к лесу на высоте пятнадцати футов от земли.

Осмотревшись вокруг, дабы удостовериться, что поблизости никого нет, флибустьер развернул длинную веревку, обмотанную вокруг его пояса.

К одному из концов он привязал довольно тяжелый камень и закинул его на балкон, чтобы камень попал в одну из железных спиралей решетчатых ставень и опять упал к его ногам.

Так и случилось; веревка, ловко закинутая вместе с камнем, проделась в железный завиток и упала назад на землю.

Бартелеми тотчас взялся за нее и, убедившись, что она держится крепко, вмиг поднялся по ней и очутился у балкона.

Тогда он вложил в замок кончик своего кинжала. Замок открылся без малейшего труда.

Флибустьер прыгнул внутрь павильона.

Место немедленно подверглось тщательному осмотру.

Второй этаж павильона состоял из единственной комнаты, довольно большой, меблированной стульями, столами, скамейками и шкафами, отчасти ветхими, но еще способными служить.

Два широких окна выходили к дому губернатора. Они были закрыты, но сквозь решетчатые ставни можно было видеть весь сад.

Бартелеми посмотрел туда.

Он был пуст.

Флибустьер весело потер руки, потом отворил дверь, находившуюся против балкона, и очутился на площадке лестницы.

Капитан спустился вниз, отворил другую дверь и вошел в комнату, почти такую же, как наверху, но еще больше заставленную всякого рода хламом.

С трудом пробравшись между вещами, Бартелеми убедился, что дверь в сад заперта на ключ.

Для большой предосторожности он подпер ее изнутри двумя толстыми колышками, потом опять вернулся наверх, вышел на балкон, затворил за собой решетчатый ставень, соскочил на землю, выдернул веревку и весело направился к Картахене, куда прибыл часам к восьми утра, не замеченный решительно никем.

Следующей ночью началась высадка флибустьеров.

В тот день, когда дон Торибио прибыл на шхуну «Санта-Каталина» и между ним и капитаном Бартеlemi состоялся вышеприведенный занимательный разговор, план Медвежонка Железная Голова уже начал приводиться в исполнение.

Мина была подведена.

Флибустьеры ждали только сигнала своего предводителя, чтобы начать атаку.

Сигнал не заставил себя ждать.

ГЛАВА XX. В которой дон Торибио замечает, что предчувствия его не обманули

Едва достигнув пристани, дон Торибио отправился во дворец губернатора.

Доверенный камердинер дона Хосе Риваса де Фигароа тотчас вышел сообщить дону Торибио, что господин губернатор долго ждал его, но в конце концов предположил, что мексиканец был чем-нибудь задержан, и решил отправиться в свой загородный дом, куда просил приехать как можно скорее и сеньора дона Торибио Морено, потому что собирался сообщить ему весьма важную новость.

Дон Торибио Морено велел оседлать для себя лошадь и тотчас поскакал вслед за доном Хосе, надеясь догнать его, так как, по словам камердинера, он выехал из Картахены не более двадцати минут назад.

Между тем в голове мексиканца роились мысли одна другой мрачнее.

О каких важных известиях собирался сообщить ему дон Хосе?

Неужели ему уже стало известно о прибытии флибустьеров к картахенскому берегу?

Он мчался во весь опор; уже невдалеке от Турбако дон Торибио был вынужден на крутом подъеме несколько умерить аллюр лошади и машинально бросил взгляд на море, простиравшееся справа от него обширной голубой равниной, уходящей за далекий горизонт. Вдруг он вскрикнул от изумления и остановился, весь бледный, растерянный, дрожащий.

В трех пушечных выстрелах от берега под всеми парусами шел великолепный фрегат.

Прежнему буканьеру было достаточно одного взгляда, чтобы узнать его.

— «Задорный»! — пробормотал он в ужасе, отирая пот, выступивший на его бледном лбу. — «Задорный», фрегат Медвежонка Железная Голова! Бартелеми обманул меня! Это Медвежонок Железная Голова, он сам возглавляет экспедицию! Но откуда же он может знать, что я здесь? О, мои предчувствия! Прочь все колебания, надо во что бы то ни стало опередить их. Я погиб, если не погублю их!

И с яростью вонзив шпоры в бока лошади, которая заржала от боли,

бывший буканьер понесся во весь дух к Турбако.

Однако как ни быстро мчалась лошадь, мексиканец доскакал до загородного дома губернатора, так и не догнав его.

Входя во двор, он увидел несколько лошадей, которых держали под уздцы слуги-негры.

Дон Торибิโอ соскочил наземь.

— Паломбо, — спросил он невольника, — здесь сеньор губернатор?

— Здесь. Только что приехал с сеньором полковником доном Лопесом Альдоа.

— И полковник тут?

— Так точно, сеньор кабальеро.

— Странно, — пробормотал дон Торибิโอ Морено сам с собой. — Где они, Паломбо? — спросил он вслух.

— В гостиной сеньорит.

Мексиканец бросил поводья чуть ли не в лицо негру и опрометью кинулся к дому.

Он уже отворял двери гостиной, когда почувствовал на плече чью-то руку.

Быстро оглянувшись, он вдруг увидел склоненное к нему насмешливое лицо Бартелеми, которого никак не ожидал встретить.

— Ты здесь? — вскричал он.

— Почему же нет, когда ты тут? — откликнулся буканьер.

— Что я тут делаю — понятно, но ты? Объясни мне?..

— Сейчас, любезный друг, сейчас, — ответил Бартелеми, все также продолжая посмеиваться, — но что же мы стоим у дверей! Входи, есть много новостей.

— Вот тебе и на! Видно, сегодня у всех есть новости.

— Должно быть, — равнодушно заметил Бартелеми.

И не дожидаясь более дона Торибิโอ, он сам распахнул двери с двусмысленной улыбкой на лице, которая имела свойство бросать в дрожь мнимого мексиканца.

Они вошли.

Среди комнаты стояли губернатор и комендант картахенского гарнизона, дон Лопес Альдоа. Они беседовали с Эльминой и Лилией.

По-видимому, разговор был очень оживлен, в нем даже слышались угрозы.

При виде дона Энрике Торибิโอ Эльмина быстро обернулась к нему.

— В присутствии этого человека, — вскричала она, — когда случай

или, лучше сказать, Господь привел его сюда, я объявляю вам, отец, что никогда не соглашусь быть его женой!

— Берегись! — с гневом топнув ногой, перебил ее дон Хосе.

— Сеньорита, умоляю вас! — прошептал дон Торибио Морено. — Да что же тут происходит?.. Я только сейчас прискакал... Мне ничего не говорили...

— Молчите! — крикнула на него девушка в порыве негодования. — Как вы смеете возвышать здесь голос?

— Довольно, донья Эльмина! — вскричал дон Хосе. — Вы будете женой дона Торибио, я так хочу.

— Нет, отец, — вскричала Эльмина еще смелее, — я скорее умру, чем сделаюсь женой этой презренной твари!

— Сеньорита! — опять вскричал дон Торибио, совсем озадаченный внезапным нападением и не зная, как себя держать.

Бартелеми исподтишка смеялся над жалким видом приятеля.

Донья Лилия старалась ободрить кузину и защитить ее от гнева отца.

При последних словах доньи Эльмины дон Хосе пришел в такую ярость, что чуть не бросился на дочь.

— Несчастная! — вскричал он. — И ты осмеливаешься не покоряться моей воле?

— Не хочу идти за этого человека, — произнесла она разбитым от скорби голосом.

— Ты выйдешь, говорю тебе, или...

— Убейте же меня на месте! — воскликнула девушка в невыразимом отчаянии.

— Повторяю тебе, — кричал дон Хосе, сильно сжимая ее руку, — ты выйдешь за дона Энрике Торибио Морено!

Внезапно дверь гостиной с шумом распахнулась и на пороге появился человек в сопровождении двух громадных собак и двух кабанов.

При виде незнакомца у присутствующих вырвался крик изумления, смешанного с ужасом.

Это был Медвежонок Железная Голова.

Он был одет в свой буканьерский костюм и держал в руке ружье.

Сделав два шага вперед, он спокойным голосом произнес:

— Вы ошибаетесь, сеньор кабальеро, донья Эльмина не выйдет за этого негодяя.

На мгновение все остолбенели.

При появлении Медвежонка Бартелеми как бы случайно стал у двери, чтобы загородить выход.

— Флибустьер, грабитель, здесь?! — вскричали оба испанца и взялись за эфесы шпаг.

— Прошу без криков и без угроз, — все так же невозмутимо продолжал Медвежонок Железная Голова. — Сеньор дон Хосе Ривас, знаете ли вы человека, которого выбрали себе в зятя?

— Кажется... — пробормотал было испанец, невольно подчиняясь твердости и прямодушию Берегового брата.

— У вас, по-видимому, короткая память, кабальеро, — строго заявил флибустьер, — я скажу вам, кто этот человек, который бесчестной игрой отнял у вас все состояние и теперь прикидывается, будто хочет жениться на вашей дочери. Правда заключается в том, что он обманывает вас, так как давно вступил в брак у себя на родине.

— Прежде всего, — надменно и с обычным хладнокровием сказал дон Хосе, который уже вполне овладел собой, — не угодно ли вам будет сообщить, кто вы такой, сеньор кабальеро, и по какому праву вошли в мой дом.

— Кто я? — холодно ответил Медвежонок. — Флибустьер, как вы сами только что сказали, тот человек, сеньор кабальеро, которому вы на Санто-Доминго были обязаны своей свободой и сохранением чести вашей дочери. По какому праву я здесь? По праву каждого благородного человека — праву ограждать слабых от притеснений тех самых лиц, которые должны бы служить им покровителями.

— Такая дерзость не останется безнаказанной, сеньор! — вскричал в бешенстве дон Хосе. — Я сумею отплатить по заслугам...

— Давайте не будем попусту произносить напыщенные фразы и грозить, кабальеро, а вы, сеньориты, уйдите, пожалуйста, в ваши комнаты. Не бойтесь, донья Эльмина, вы теперь под моей охраной, я сумею защитить вас от всех и от каждого, даже от вашего отца.

Знаменитый Береговой брат низко поклонился молодым особам, которые, ответив на его поклон, медленно вышли из комнаты, не произнеся ни слова.

Дон Хосе бросился было вперед, чтобы преградить дочери выход. Но перед ним словно из-под земли вырос капитан Бартелеми.

— Позвольте, сеньор кабальеро, — сказал он, — поверьте, вам лучше послушаться капитана Железная Голова. Дело стоит того, клянусь душой!

Действия губернатора заставили Бартелеми отойти на несколько мгновений от дверей, которые он заслонял собой.

Дон Торибю не дремал, хотя совсем уже отчаялся спастись. Увидев лазейку, открывшуюся ему по счастливой случайности, он мигом юркнул в

нее и бросился бежать сломя голову.

Почти немедленно вслед за тем раздался топот лошади, удалявшейся во весь опор.

Это мнимый мексиканец решил обратиться в бегство, так как для него стало очевидно, что он попал в безвыходное положение.

Побег произошел так стремительно, что пораженные изумлением присутствующие не успели ему воспрепятствовать.

Куда он ускакал, читатель узнает совсем скоро. Пока же предоставим беглецу свободу нестись что было духу.

— Доброго пути! — рассмеялся Бартелеми.

— Господа, — продолжал с достоинством Медвежонок Железная Голова, — Картахену теперь атакуют и с моря, и с суши. Отправляйтесь в город, чтобы стать во главе ваших солдат. Я не нарушу законов гостеприимства, задержав вас пленниками в вашем собственном доме; одной донье Эльмине вы обязаны, что я поступаю с вами таким образом.

— Презренный! — в бешенстве вскричал дон Хосе. — Я отомщу за эту гнусную измену!

Медвежонок презрительно улыбнулся.

— Вам изменил тот, — заявил он, — кого вы хотели сделать своим зятем, ваш прежний хозяин на Санто-Доминго, бывший буканьер, которого товарищи осудили на смерть, а злой дух спас. Словом, Пальник!

— Пальник?! — вскричал дон Хосе вне себя от унижения.

— Кровь смывает любую вину, кабальеро. Будьте мне благодарны за то, что я предоставляю вам возможность умереть смертью воина.

Дон Хосе с минуту колебался. Жгучая слеза сверкнула на его ресницах и тотчас высохла.

— Моя дочь! — воскликнул он.

— Что бы ни случилось, я возвращу вам ее после сражения. Она и ее кузина находятся под охраной моей чести.

— Итак, до встречи на поле битвы. Дай Бог, чтобы я нашел там смерть!

Вдруг дверь отворилась и в комнату вбежали донья Эльмина и донья Лилия.

— Отец! Отец! — донья Эльмина упала к ногам дона Хосе. Тот как будто пребывал в нерешительности.

— Отец! — повторила девушка голосом, исполненным тоски. — Сжальтесь надо мной!

Но гордость уже взяла верх в душе надменного дворянина; демон победил доброго ангела. Дон Хосе поглядел на бедное дитя со странным

выражением и, наклонившись к ней, спросил вполголоса тоном убийственной иронии:

— Если я прощу тебя, покоришься ты моей воле?

— О, отец! — воскликнула она с невыразимой тоской. Губернатор поднял голову, горькая усмешка мелькнула на его бледных губах.

— Прочь! — крикнул он, грубо отталкивая Эльмину. — Прочь! Не желаю тебя знать!

И он быстро вышел.

Дон Лопес сделал было движение, чтобы последовать за ним, но любовь к дочери оказалась сильнее. Он остановился, прижал ее к сердцу и, толкнув в объятия Медвежонок Железная Голова, вскричал с невыразимой скорбью:

— Берегите ее!

Он выбежал с глухим рыданием, закрыв лицо руками. Обе девушки лежали в обмороке.

— Александр! — крикнул Медвежонок. Слуга немедленно явился на зов.

— Ты мне ответишь головой за них обеих, — сказал капитан, обращаясь к нему.

— Не беспокойтесь, командир, — заверил флибустьера Александр.

— А мы куда? — спросил Бартелеми.

— Мы идем победить или лечь костью вместе с товарищами.

Через несколько минут Береговые братья также покинули загородный дом губернатора.

ГЛАВА XXI. Дон Хосе Ривасде Фигароа исповедуется дону Лопесу Альдоа Сандовалю

Два испанца вихрем мчались к Картахене на превосходных лошадях.

Бледный, нахмутив брови, сжав губы, без шляпы, с обнаженной шпагой в руке, дон Хосе то и дело погонял своего коня. — Осмеян! — бормотал он. — Предан, брошен всеми! И одной только жалости презренного флибустьера быть обязанным, что умру смертью солдата!

— Этот человек вовсе не презренный, вы сами это знаете, мой друг, — возразил дон Лопес Альдоа, пожав плечами.

Дон Хосе быстро обернулся.

— И вы, вы также против меня! — вскричал он с гневом, в котором сквозила невыразимая горечь.

— Я не против вас, дон Хосе. Вы же сами видите, я возле вас и готов принять смерть. Отчаяние ослепляет вас.

— Правда! Я с ума схожу! Я не прав! — горестно воскликнул губернатор. — Простите меня, друг мой, но вы не знаете, вы не можете знать, как я страдаю.

— А сам я разве не страдаю, дон Хосе? Разве моя честь воина не запятнана так же, как ваша? Разве я не отец, как и вы? И Богу известно, дорога ли мне моя дочь, моя бедная добрая девочка! Клянусь же вам честью, друг мой, я убежден, что донья Лилия подвергается не большей опасности под охраной этого человека, чем если бы была со мной.

— Уж не воображаете ли вы, что я не знаю этого так же хорошо, как и вы? — нетерпеливо произнес дон Хосе Ривас.

Дон Лопес поднял на него изумленный взгляд.

— Если так, то я не понимаю вас, мой друг, — сказал он.

— Вы не можете понять меня, любезный дон Лопес, — пробормотал с горькой улыбкой губернатор.

Они продолжали скакать так же стремительно, но уже молча.

Вскоре два испанских сановника очутились в виду Картахены; городская стена была всего в несколько сотнях шагов от них.

Везде царила тишина. Несмотря на слова Медвежонка, который полагал, что говорит правду, атака города еще не начиналась.

Всадники миновали довольно густой лесок гуайявы, который почти

примыкал к городской стене, очень ветхой, как уже было сказано, и с большими брешами там и здесь.

Нигде не было видно ни души. Мертвое безмолвие установилось там, где обычно царило оживление.

Дон Хосе сошел с лошади.

Спутник его также остановился и глядел на него с изумлением, не понимая, в чем заключался смысл его последних слов и что он собирается делать.

— Дадим отдохнуть лошадям, — мрачно сказал губернатор, — торопиться некуда: неприятель еще далеко.

Дон Лопес Альдоа молча кивнул головой и в свою очередь спешился. Лошадей привязали к стволу дерева. Губернатор, бледный как мертвец, опустил на землю и несколько мгновений оставался неподвижен, с тусклым взглядом, искаженными чертами, холодным потом на лбу, словно не сознавая ничего вокруг себя. Его побороло жестокое душевное страдание, против которого он, несмотря на все усилия воли, устоять не мог.

— Что с вами, дон Хосе? — спросил с участием дон Лопес. — Вам дурно?

— Нет, — откликнулся губернатор, качая головой, — душа страдает. Выслушайте, любезный друг, мою предсмертную исповедь.

— Вашу предсмертную исповедь? — с изумлением вскричал дон Лопес.

— Да; вы мой единственный друг, вас я назначаю исполнителем моей последней воли.

— Однако...

— Вы отказываетесь? — дон Хосе почувствовал новую вспышку гнева.

— Я далек от подобной мысли.

— Так позвольте мне говорить, дон Лопес Альдоа, времени остается мало.

— Друг мой...

— Не перебивайте меня, — мрачно остановил коменданта дон Хосе. — Предстоящее сражение будет для меня роковым, я предчувствую это.

Но я не хочу уносить в могилу тайну, которая убивает меня и которую я так долго хранил в душе. После моей смерти поступайте как сочтете нужным — вернее, я в этом уверен, как предпишет вам честь. Не перебивайте, дайте мне договорить. Мне станет легче, когда я выскажусь.

Если я не сделаю этого сейчас, то уже никогда не соберусь с духом покаяться в том, что меня просто убивает.

Я все скажу в нескольких словах. Неумолимая ненависть к двум объектам терзает мое сердце целых двадцать лет: я ненавижу флибустьеров и ненавижу Эльмину.

— Вашу дочь? — вскричал дон Лопес.

— Донья Эльмина мне не дочь, — сухо возразил дон Хосе Ривас.

Он говорил хрипло, отрывисто, поспешно, точно торопился поскорее излить страшную исповедь, быть может, уже раскаиваясь в глубине души, что приступил к ней.

Дон Лопес Альдоа слушал его в оцепенении, почти в ужасе.

— Мне было тогда двадцать пять лет, — продолжал дон Хосе немного погодя, — три года я был женат вопреки воле своих родителей. Вы знаете, что наш род принадлежит к высшему дворянству Испании. Мы жили с женой и двухлетней дочерью в маленьком городке Сан-Хуан-де-Гоаве на Эспаньоле; этот городок находится, как вам, быть может, известно, на самой границе испанских владений. В одну ночь буканьеры завладели городом и сожгли его. Мой дом взяли приступом только после отчаянного сопротивления, все мои слуги были безжалостно умерщвлены разбойниками. Лишь каким-то чудом я сумел убежать сквозь огонь и пламя. Жена и дочь сгорели.

— Это ужасно! — вскричал дон Лопес.

— Не правда ли? Слушайте дальше, я еще не кончил... Я люблю деньги — не ради них самих, но из-за наслаждений, которые они доставляют. Деньги для меня — все. По условиям брачного контракта состояние моей жены должно было возвратиться в ее род, если бы она умерла бездетной. Состояние это доходило до двух с лишним миллионов пиастров. Как младший сын, я не имел ничего, кроме дворянского титула. Смерть дочери делала меня нищим, а я жаждал богатства, жаждал во что бы то ни стало сохранить состояние своей жены, так как только ради него и женился. В суматохе, пока город погибал под натиском огня и меча, я незаметно выбрался из него. Увидев пьяного буканьера, который спал у подножия дерева, я подкрался, убил его, снял с него платье и надел взамен своего. Вслед за тем я пошел куда глаза глядят, без определенной цели, останавливаясь, когда усталость сломит меня, питаюсь Бог знает как; я не помнил себя от отчаяния. На третий день я вошел в какой-то город. Впоследствии я узнал, что это был Пор— Марго. Под своей новой одеждой я был так хорошо скрыт, что никто не обратил на меня внимания. Мои предки из Наварры, а посему я говорю по-французски почти так же

свободно, как на родном языке. Непроизвольно я остановился у первого встретившегося мне дома и попросил приюта; мне дали его. Хозяин был бедняк бретонец, недавно прибывший на Эспаньолу с женой и дочерью, слышите, дочерью в точности одного возраста с моей девочкой, которой я лишился таким ужасным образом...

— Итак, донья Эльмина...

— Дочь приютившего меня хозяина; вот как это произошло.

Спустя несколько дней после моего водворения в дом Гишара — моего хозяина, который был очень беден, звали Гишар — он нанялся матросом на корабль знаменитого Монбара Губителя и отправился в экспедицию, поручив жену и дочь моим заботам. Оставшись хозяином в доме, я поддался искушению — злой дух вселил в меня ужасную мысль. В первую же ночь по отъезде Гишара около полуночи я крадучись вошел в комнату хозяйки. Она спала; я приблизился к колыбели ребенка. При шуме моих шагов мать проснулась. И зачем ей только понадобилось просыпаться?! Я не хотел ей зла... Увидав меня, она, вероятно по предчувствию, которое никогда не обманывает сердце матери, заподозрила мое намерение и с криком бросилась на меня, призывая на помощь. Я убил ее, потом хладнокровно закутал девочку в свой плащ и бежал. Через четыре дня я достиг Сан-Хуан-де-Гоаве. Я вернулся вовремя, — продолжал дон Хосе с резким смехом, в котором не слышалось ничего человеческого, — наследники уже делили мое состояние. Своим неожиданным появлением я спутал им все карты: моя жена умерла, но дочь осталась в живых. Итак, я сохранил богатство. Спустя месяц я уже продал все свое недвижимое имущество и был на пути в Мексику.

— О, это ужасно! — вскричал дон Лопес Альдоа, в ужасе всплеснув руками.

Дон Хосе продолжал, не обратив внимания на этот возглас, которого, может быть, не расслышал.

— И что же, друг мой! Несмотря на все, что я сделал для нее, — произнес он с невыразимой горечью и негодованием, — девочка никогда не любила меня. Слепое, безотчетное чувство удаляло ее от меня, оно будто говорило ей, что мы не одной крови. Она почти невольно стремится душой к этим презренным грабителям.

— А что же случилось с ее отцом? — спросил дон Лопес Альдоа, против воли увлеченный страшным рассказом.

— Никогда о нем не слыхал. Впрочем, вы должны понимать, что я и не добивался известий о нем. Какое мне было дело до этого человека, вероятно убитого во время какой-нибудь экспедиции?.. Вот тайна, которую

я решился открыть вам перед смертью.

— Бедное дитя! — грустно произнес полковник вполголоса.

Дон Хосе Ривас презрительно рассмеялся.

— Не жалейте ее, — возразил он с горечью, — если захочет, она легко отыщет своих родных. Кто знает, быть может, я ошибаюсь и ее родители еще живы? Кстати, я забыл упомянуть, что благодаря образу жизни, который они ведут, флибустьеры часто бывают разлучены со своим семейством на долгий срок и потому имеют обыкновение отмечать детей разными знаками. У доньи Эльмины на правой руке вытатуирован голубой знак величиной с реал. Теперь, надеюсь, вы поймете мою ненависть к флибустьерам, этим врагам, которые вечно становились у меня на пути и вечно побеждали меня; вы понимаете, как я должен был страдать от геройского великодушия презренного разбойника, который избавил меня на Санто-Доминго от позорного рабства и час тому назад в моем собственном доме разыграл роль покровителя и с таким пренебрежением дал мне уйти, когда я находился в его власти!

При этих словах дон Хосе быстро встал и отвязал свою лошадь.

Полковник шел за ним почти машинально, находясь под впечатлением невыразимого ужаса.

Страшная исповедь ошеломила его.

— Еще одно слово, — вдруг сказал дон Хосе.

— Говорите.

— Я узнал гнусного негодяя, за которого насильно хотел выдать донью Эльмину! — с демонической усмешкой вскричал губернатор. — Брак этот должен был стать моей последней и окончательной мезью!

— О, довольно! Довольно! — воскликнул полковник. — Это чудовищно!

Дон Хосе разразился адским смехом, вонзил шпоры в бока лошади и отпустил поводья.

Всадники понеслись во весь опор.

Едва они успели отъехать, как из кустарника медленно поднялся человек, прежде лежавший там, притаившись. С минуту он со странным выражением глядел вслед удалявшимся всадникам.

— Ей-Богу! Иногда полезно подслушивать! — вскричал он, весело потирая руки. — Как хорошо я сделал, что гнался за достойными испанскими сановниками! Ну и злодей же этот достопочтенный испанский дворянин! Честное слово, мой превосходный друг Пальник — просто невинный агнец перед ним!

Произнеся эту маленькую речь свойственным ему насмешливым

тоном, он вернулся в лес за лошадью, которую там оставил, вскочил в седло и ускакал во весь опор по направлению к Картахене.

Читатель, вероятно, узнал в нем капитана Бартеlemi.

ГЛАВА XXII. Развязка

Несмотря на решение совета, Медвежонок Железная Голова возглавил десантный отряд, поручив Олоне командовать фрегатом. Медвежонок никому не хотел доверить заботы об охране доньи Эльмины. Фрегат «Задорный», недостаточно поднявшись по ветру, не смог подойти к каналу в условленное время; он был вынужден сделать поворот, отчего и произошла заминка.

Однако, когда наконец подошли флибустьеры и завязался бой, испанцы, которые не имели возможности так быстро приготовиться к обороне и были, так сказать, захвачены врасплох, почти не сопротивлялись, увидав себя окруженными со всех сторон.

Город был бы взят без боя, если бы губернатор и комендант гарнизона не успели запереться в форте Сан-Хуан с отборным войском и не воодушевляли солдат своим присутствием, решившись защищаться до последнего.

Вокруг форта разгорелось ожесточенное сражение. Если бы везде оборона была такой же умелой и упорной, флибустьерам ни за что не удалось бы овладеть Картахеной.

Форт был ключом к городу; взять его следовало во что бы то ни стало.

Десять раз буканьеры, раздраженные сопротивлением, дружно бросались в атаку, и десять раз их отбрасывали от укреплений. Солнце клонилось к закату. Нужен был решительный штурм.

Медвежонок Железная Голова собрал вокруг себя самых храбрых своих товарищей и вместе с Польшэ и другими вожаками флибустьеров решился на последнюю отчаянную попытку.

Но перед тем как подать сигнал к атаке, он подозвал капитана Бартелеми.

— Ну что? — спросил он.

— Ничего.

— Надо отыскать этого человека; он наверняка замышляет очередную измену.

— Боюсь, что ты прав, — покачав головой, ответил Бартелеми. — Он вернулся в Картахену, где собрал негодяев, завербованных им для шхуны, и куда-то с ними скрылся.

— Этот Пальник — мой злой гений, — в задумчивости пробормотал Медвежонок. — Послушай, Бартелеми, возьми человек пятьдесят, садитесь

на лошадей и скачите в Турбако. Он должен быть там.

— Ты прав! — вскричал Бартелеми, ударив себя по лбу. — Он там и нигде более. Я еду сейчас же. А ведь мне, — прибавил он со вздохом сожаления, — очень хотелось участвовать в последнем приступе. Атака обещает быть великолепной.

— Еще бы! Они защищаются, как львы. Впрочем, как знать, не ожидает ли и тебя там серьезное дело?

— Не думаю, что оно сравнится с тем, что предстоит тебе. Но раз ты приказываешь...

— Прошу, брат. Обнимемся — и да хранит тебя Господь!

— Прощай, брат, желаю успеха!

Когда Бартелеми удалялся, будучи совсем не в духе, до его слуха донеслась команда Медвежонка:

— За мной, братья! В штыки! Пора кончать!

— Вот счастливы-то! — проворчал Бартелеми.

Он мигом собрал вокруг себя небольшой отряд всадников, стал во главе их и во весь опор понесся к деревне.

Спустя час они показались в виду Турбако, словно мчавшийся вихрь.

Едва дон Торибио Морено — или, вернее, бывший буканьер Пальник, так как пора назвать его настоящим именем — обратился, как мы говорили выше, в бегство из загородного дома губернатора, он стремглав понесся к кабаку, где нанятые им Матадосе и его достойные товарищи скрывались, согласно уговору, в ожидании распоряжений дона Энрике.

Пальник вбежал в общую залу. Его сподручные курили, пили ром и играли в карты, вовсе не интересуясь тем, что происходило в городе, и нисколько не сучая от бездействия, в котором оставлял их тот, кому они запродали свои услуги.

По приказанию бывшего буканьера они встали, взяли за оружие и вмиг приготовились следовать за ним.

Их было пятнадцать; остальные, отправленные два дня тому назад в Картахену, были переведены, как мы уже говорили, на шхуну.

Пятнадцать разбойников вышли из кабака поодиночке и направились к лесу, который примыкал к загородному дому дона Хосе Риваса, где и спрятались в кустарнике, выжидая, когда настанет минута действовать.

Велев им соблюдать величайшую осторожность, мнимый мексиканец поскакал к Картахене за остальными разбойниками, которые находились на шхуне.

Ненависть словно придавала ему крылья; менее чем за два часа он слетал туда и обратно и примкнул с подкреплением к Матадосе и его

товарищам.

Теперь он очутился во главе пятидесяти человек отчаянных висельников, которые не остановились бы ни перед чем и по одному его знаку без колебаний совершили бы величайшее злодеяние.

Убедившись, что узран и не сможет уйти от мести Береговых братьев, Пальник смело сбросил маску и, если смерть была неизбежна, решился, по крайней мере, умереть, отомстив за себя.

Он раздал своим клеветам довольно крупную сумму денег, в нескольких словах дал им инструкции и приготовился сыграть свою последнюю игру.

Вот в чем она состояла: пробраться в дом, который Пальник считал незащищенным, и, завладев девушками, запереться там, приняв все меры для обороны. В душе он не сомневался в успехе флибустьеров и питал глубокое убеждение, что их смелая затея увенчается победой. Итак, он намеревался выдержать целую осаду и сдать только на выгодных для себя условиях при том, что донья Эльмина и донья Лилия будут в его руках заложницами.

Он рассчитывал на любовь Медвежонка к донье Эльмине и вообще на великодушие и благородство знаменитого флибустьера.

План был составлен хорошо; исполнив его с надлежащей смелостью, можно было рассчитывать на успех.

Итак, Пальник напал на загородный дом губернатора.

Сперва он велел сломать садовую калитку, через которую два дня назад тайком входили ночью Бартелеми и Медвежонок Железная Голова. Разбойники с яростными криками ринулись в сад.

К несчастью для Пальника, его шайка с первых же шагов наткнулась на флибустьеров под командой Александра, слуги Медвежонка.

Завязалась ожесточенная стычка. Бандиты вдвое превосходили числом флибустьеров, но последние твердо решились не отступать ни на пядь.

Бой разгорался.

Домчавшись до Турбако, капитан Бартелеми остановил на мгновение свой отряд и с напряженным вниманием стал вслушиваться.

Со стороны губернаторского дома раздавался сильный ружейный огонь.

— Я слышу звук желеновских ружей! — вскричал Бартелеми. — Медвежонок был прав! Нападают на наших. Вперед, братья, с Богом, вперед!

Отряд немедленно помчался вскачь и влетел во двор дома. Там все было тихо. Сражение происходило в саду.

— За мной, ребята! — крикнул Бартелеми и соскочил с лошади.

Авантюристы последовали его примеру. Сад был усеян мертвыми телами.

Посреди обширной лужайки, в центре которой рос могучий дуб, стояли кругом, спиной к дереву, Александр и восемь уцелевших буканьеров. Все они уже успели получить легкие или тяжелые раны. Словно львы, доведенные до крайности, они отбивались от двадцати испанцев, которые с яростью наседали на них со всех сторон.

— Стреляй, ребята, и в штыки! — вскричал Бартелеми. Раздался страшный залп, и буканьеры ринулись на испанцев со своим грозным воинственным кличем.

Произошла страшная свалка.

Испанцы, очутившись между двух огней, так что бегство стало для них невозможным, полегли все до единого.

— Эй, ты! Постой-ка! — вскричал Бартелеми, прицеливаясь в субъекта, который старался ускользнуть в кусты. — Так с товарищами не расстаются.

Раздался выстрел, и беглец упал на землю безжизненной массой, испуская от боли дикий крик, скорее походящий на рев дикого зверя.

Бартелеми бросился к нему.

— Эге! Ты, видно, хотел изменить нам, достопочтенный Пальник! — сказал он с обычной усмешкой, крепко скрутив его веревками и отдав под надзор двух товарищей.

Пленник бросил на него грозный взгляд, но не произнес ни слова.

Узнав бывшего буканьера, бросившегося в бегство, Бартелеми раздробил ему пулей правую ногу, так как не собирался убивать презренного негодяя, а только хотел помешать ему уйти, что ему и удалось.

Приставив к Пальнику надежный караул, Бартелеми вернулся к Александру, занятому перевязкой двух полученных им довольно сильных ран — в правую руку и в голову.

— Где девушки? — спросил он.

— Здесь, — ответил Александр, — под этим ворохом листьев и сухих ветвей.

— Они целы и невредимы?

— Да, но ты подоспел вовремя, брат.

— Вижу.

— Как ты думаешь, Медвежонок Железная Голова будет доволен мной?

— В восторге, черт возьми!

— Тогда все идет отлично! — весело вскричал Александр.

— Однако ты ранен?

— Ба-а! Пустяки!

И он снова принялся за свою перевязку.

Девушки были так хорошо спрятаны в ворохе сухих ветвей своими защитниками, что не получили ни одной царапины. Правда, они были ни живы ни мертвы от страха.

Медвежонок Железная Голова был прав, когда предполагал, что Пальник нападет на дом, где находились девушки, и попытается овладеть им.

Еще несколько минут — и низкий негодяй преуспел бы в своем гнусном замысле.

Не теряя ни секунды, капитан Бартеlemi принял все меры, чтобы вернуться в Картахену как можно скорее и увезти с собой молодых девушек.

— А мой отец? — вскричала донья Лилия.

— Вы вскоре увидите его, надеюсь, — ответил буканьер.

— Видели вы его?

— Издали видел; он храбрый воин.

— Вы ничего не говорите про моего отца, сеньор кабальеро! — в волнении воскликнула донья Эльмина.

— Вашего отца, сеньорита, я не знаю.

— Как! Вы не знаете дона Хосе Риваса?

— Знаю, сеньорита.

— Так что же?

— Что?

Буканьер остановился; он заметил, хотя и слишком поздно, что у него с языка сорвалась глупость.

— Ради Бога, говорите все! — с горечью вскричала донья Эльмина. — Не ранен ли он, о Боже мой?.. Вы не отвечаете... Одно слово, умоляю вас... он не умер?

Буканьер сделал над собой усилие и храбро принял решение.

— Да! — пробормотал он. — Лучше рассказать все.

— Господи! Я вся дрожу от ваших слов.

— Успокойтесь, сеньорита.

— Он ранен?

— Этого я не знаю, сеньорита, но вот что мне известно, потому что я слышал, как сам он говорил: он вам не отец, даже не родственник. Вы дочь храброго Берегового брата, вот что!

— Дон Хосе мне не отец? — вскричала Эльмина, всплеснув руками. — Боже, Боже мой! Что все это значит? Я ослышалась, вероятно, я с ума схожу...

И, пошатнувшись, молодая девушка покатилась на землю без чувств.

Бартелеми растерянно поглядел на нее.

— К черту женщин! — вскричал он, треснув себя кулаком по лбу так, что впору бы свалить быка, — а я-то воображал, что сообщаю хорошую весть!

— Вы глупец, сеньор! — засмеялась над его растерянным видом донья Лилия.

— Начинаю подозревать об этом, — очень серьезно бравый буканьер.

Капитан Бартелеми вернулся в Картахену часам к восьми вместе с девушками, Александром и его товарищами, а также с плененным Пальником.

Флибустьеры уже заняли город.

Последний приступ увенчался победой. После упорной схватки грудь с грудью защитники форта, сознавая бесполезность дальнейшего сопротивления, были наконец вынуждены выкинуть белый флаг и сложить оружие.

Против обыкновения, Береговые братья благодаря решительности и твердости их предводителя этот раз не запятнали своей победы позорными неистовствами.

После геройского сопротивления дон Лопес Альдоа отдал свою шпагу самому Медвежонку Железная Голова.

Тот заставил его взять ее обратно и в то же время вернул ему дочь.

Что же касается дона Хосе Риваса, то он сам свершил над собой суд: губернатор пустил себе пулю в лоб, не желая отдаться живым в руки врагов.

В тот же вечер испанский полковник поведал предводителям флибустьеров историю доньи Эльмины.

Береговые братья тотчас признали ее своей приемной дочерью.

В награду за храбрость при защите дома в Турбако Медвежонок объявил Александра свободным от всякого обязательства и равноправным Береговым братьям.

Пребывание победителей в захваченной Картахене длилось восемь дней, после чего флибустьерская эскадра вернулась на Санто-Доминго с громадным количеством добычи.

Напрасно Медвежонок разыскивал и лично, и через других лиц родственников сироты. Бедный Гишар только однажды много лет назад

показался на Санто-Доминго, не оставив никаких следов своего кратковременного пребывания.

Пришлось покориться невозможности приподнять хоть краешек завесы, которая скрывала эту непроницаемую тайну.

Спустя месяц Медвежонок Железная Голова женился на донье Эльмине.

Свидетелями со стороны жениха и невесты были Бертран д'Ожерон, губернатор Тортуги и французских владений на Санто-Доминго, и Монбар Губитель.

Благодаря обмену заложников, совершенному д'Ожероном от имени короля французского, донья Лилия и отец ее оказались на свободе.

По просьбе дочери дон Лопес Альдоа поселился в Пор-Марго.

Через четыре месяца капитан Бартелеми имел счастье называться супругом доньи Лилии.

Что же касается Пальника, то он также совершил переезд из Картахены на Санто-Доминго, только способом не совсем приятным, то есть повешенный на фок-рее фрегата «Задорный».

Говорят, добродетель рано или поздно всегда вознаграждается; в подтверждение этой истины и мы скажем, что капитан Бартелеми унаследовал состояние своего бывшего приятеля и прелестную шхуну «Санта-Каталина». Но бравый капитан не возгордился, тем более что спустя полгода все состояние перешло в цепкие руки барышников из Пор-Марго.

Достопочтенный флибустьер сохранил только шхуну, благодаря которой богател еще несколько раз, чтобы вновь разориться, да прелестную жену, которая заменила ему все, чего он лишился, как говаривал он шутливо.

К концу царствования Людовика XIV мадам Эльмина появилась при дворе в Версале, где была представлена королю самой маркизой Ментенон. Но к тому времени ее муж уже носил свое настоящее имя и титул.

Конечно, никто не узнал бы тогда в изящном и гордом дворянине грозного буканьера Медвежонка Железная Голова, который так долго наводил страх на испанцев в американских морях.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

Примечания

1

Т. е. млекопитающих и насекомых.

В 1626 г. во Франции была организована Сент-кристоферская компания, одним из акционеров которой стал кардинал Ришелье. В 1636 г. она была переименована в Компанию островов Америки. В 1664 г. она получила название Французской Вест-Индской компании и монопольное право на ведение торговли с землями Нового Света.

Гальбик — игра в три кости. — Примеч. перев.

4

Реал — мелкая испанская монета.

Альферес — подпоручик.

6

Воспоминание! (исп.)

Кабельтов — морская единица длины, равная 185,2л (0,1 морской мили).

Один из важнейших для Испании городов Нового Света, Пуэрто-Бельо, расположенный на Панамском перешейке и являвшийся перевалочным пунктом для караванов, вывозивших золото из Перу и Чили в метрополию, был взят в 1668 г. Генри Морганом после ожесточенного штурма.

Констапель — первый офицерский чин в морской артиллерии.

Этот странный договор исторически верен; он приведен целиком в любопытном произведении Александра Оливье Эксмелина. — Примеч. автора.

Гичка — легкая быстроходная разъездная шлюпка.

Алькальд — городской голова.

Нинья — малышка, ласковое обращение к девушке.

Жак Калло (1592—1635) — французский художник-гравёр, чьи офорты поражают своими фантастическими образами.

Альгвазил — судебный исполнитель.

Фертоинг — способ стоянки судна на двух якорях.

Постановку на шпринг выполняют, когда необходимо удержать судно в определенном положении по отношению к ветру или течению.